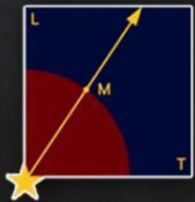

Огонь и Железо

ВЛАДИМИР СТРЕЛЬНИКОВ

РУССКОЕ
КОСМИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

ИМПЕРИУМ
ЧЕЛОВЕКА

Владимир Стрельников

Огонь и железо

«Автор»

2021

Стрельников В. Н.

Огонь и железо / В. Н. Стрельников — «Автор», 2021

Огонь и железо — это один из путей создания солдата сумерек. Длинною в жизнь, через полмира, пространство и время.

© Стрельников В. Н., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Часть 1. «Ульфхеднар Железнобокий»	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 6	48
Глава 7	57
Глава 8	66
Глава 9	75
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Владимир Стрельников

Огонь и железо

Часть 1. «Ульфхеднар Железнобокий»

Глава 1

6718 год «от Сотворения Мира» (1191-й по времени Метрополиш), 3 мая

«Неужели есть путь из мира Митгарда в Ванланд?» – сосредоточенно думал хмурый рыцарь, что сидел возле окна. Разноцветный витраж в потемневшей дубовой раме глухо постукивал под ударами ливня, отчего мозаику заливала пелена вода. В непогоду всегда хорошо думается о серьёзном и далёком. Сокровенном. Тонкая слюда лишь в солнечные дни пропускала достаточно света, и в небольшой комнате было сумрачно. Впрочем, огонь настенного факела частично решал проблему.

Шериф Шансона был уже зрелым мужчиной. По нынешним меркам – почти старик. Не так давно ему исполнилось тридцать пять, а в Митгарде мало кто жил более четырёх десятков. Впрочем, выглядел владетель лет на десять моложе и помирать, похоже, не собирался. Но этим странности не исчерпывались. Грубое домотканое одеяние, вылинявший плащ с характерным красным крестом на левом плече, доспехи, перекрещённые мечи и ещё новые гобелены на стенах, толстая восковая свеча в простом железном шандале вполне соответствовали цветущему за окнами маю 6718 года от Сотворения Мира.

Но вот то, что он делал, выглядело как минимум необычно. Рыцарь сосредоточенно чистил маленькой щёткой из свиного ворса замысловатую железку. Ещё несколько фигурных шутовин лежали перед ним на льняной тряпице, застилавшей грубый деревянный стол. Рядом стояла чаша с минеральным маслом, куда изредка нырял инструмент.

Вот эти-то странные железки абсолютно не вписывались в обстановку имперской провинции Норман. Две блестящие напоминали грубые револьверные барабаны, со своеобразными шестернями с одной стороны. Рядом лежала тонкая кованая тяга с овальной полой ручкой и зубчатым рычаговым зацепом. Тут же – россыпь пластинчатых пружин. Впрочем, темнеющий справа корпус с характерными приспособлениями прицеливания и деревянным прикладом не оставлял сомнений, что крестоносец смазывал винтовку. Шестнадцать пузатеньких патронов в медных паянных гильзах ровной шеренгой стояли чуть сбоку.

Шериф, или граф, как здесь говорили на придворный манер, посмотрел в захлебывающееся окно и недовольно поморщился. От этого наискозь через лицо проступил давний шрам. Теперь он лишь придавал значимости его чертам, оттеняя высокий узкий лоб, слегка выпирающие скулы, нос с горбинкой над узкими волевыми губами и твердый подбородок. Тем временем ловкие тренированные кисти в оплётке вен уже осторожно соединяли детали в грубое подобие револьверной винтовки и рычажного Винчестера.

На лестнице послышались шаги. Движения владетеля замедлились, глаза расфокусировались, «раздвигая» панораму обзора. Но почти сразу он вернулся к железкам – узнал поступь. Взял барабан и начал аккуратно набивать патронами. В дверь легонько стукнули, и в комнату вошла роскошная женщина. Атласное платье, умело украшенное парчовыми вставками, бисером и драгоценными камнями словно влитое сидело на стройной мускулистой фигуре. Густые тёмные косы убраны под белую накидку, которую прижимала золотая налобная перевязь с мелкими алмазами. По центру свисала огромная грушевидная жемчужина. На руках прекрасной

дамы дремал в кружевных пеленках трехмесячный младенец. О её же возрасте трудно было сказать что-то определенное, но выглядела дама чуть старше крестноносца. Тот встал:

– Ты принесла Сьюзи? Иди к папочке, маленькая!

Бережно взял крохотную девочку. Малышка проснулась, и внимательно посмотрела. А затем вдруг беззубо улыбнулась, как перед кормлением.

– Прелесть моя! Ягодка! – тут же расцвёл отец, с любовью покачивая живое темноглазое сокровище.

– Ты опять! – с усталым укором произнесла женщина. Шериф, не отрывая от дочки умиленного взгляда, неопределенно пожал плечами.

– Сколько можно, Володя! Ведь сейчас дождь, ливень.

– Сусанна, милая! Я уже устал объяснять. Это моя работа. Моя жизнь. В конце концов – я просто не могу без этого!

– Ты постоянно на своих полигонах. И в дождь, и в метели. Там же с тобой пропадают мальчишки. А я с Сьюзи вынуждена вечно ждать тебя и торчать у окна! Я устала, я так больше не могу!

– Ты говоришь это каждый день, милая! – поморщился крестноносец. Слово «милая» он говорил чисто механически, без выделения, отчего оно не оказывало своего обычного действия.

– Поедешь к мастеру?

– Нет, сегодня мы испытываем изобретение Брайана.

– Ах, так ты едешь к Лотте!!!

– Сусанна! – раздраженно перебил он. – Что ты говоришь? Ей всего четырнадцать!

– Конечно! Я давно замечаю, что тебе нравятся молоденькие! А дочь Брайана просто прелесть! – у графини произвольно зло искривились и предательски задрожали губы. Супруг же, наоборот, успокоился:

– Ты неправ! Вообще не понимаю, как можно ревновать пятнадцатый год подряд? Ко всем подряд, без разбора.

– Но ведь ты любишь леди Веронику!!!

– Нет! – печально ответил шериф. – Не люблю. И ты это знаешь.

– Да. Знаю. И знаю, что на мне ты женился со злобы! От того, что она была недоступна. Женился и теперь каждый день мучаешь меня!

– Ты сама изводишь себя глупой ревностью. А тебя я люблю. И люблю наших детей! – граф не выдержал и легонько прильнул к Сьюзи головой. Поэтому последние слова прозвучали с искренней теплотой. Чего нельзя сказать о всех предыдущих. – Милая.

– Да, детей-то ты любишь!

Из больших тёмных глаз уже текли слёзы.

– Прекрати, это запрещённый прием! – владелец быстро подошел и принялся осушать мокрые щёки губами. – Подумай о крошке! Если ты её покормишь в таком состоянии, у Сьюзи может заболеть животик.

Леди Сусанна приняла дочку и попробовала улыбнуться:

– Хорошо, не буду!

– Вот, умница! Ты самая лучшая и я люблю только тебя, милая! – на этот раз в голосе звучала почти неподдельная нежность. Долгий поцелуй завершил очередную размолвку. При этом женщина истово, с силой прижалась к мужу, словно боялась его потерять прямо здесь. Почти сразу, словно только этого и ждал, луч солнца пробился сквозь ослабшие тучи и рассыпался разноцветными бликами сквозь мокрую слюду мозаичного витража.

– Да, я глупая. Я верю тебе! – счастливо прошептала леди Сусанна.

За дверью послышался лёгкий быстрый топот и в комнату ворвались два похожих сорванца, четырнадцать и девяти лет.

– Папка, сколько можно целоваться! Дождь уже перестал, поехали скорее! – закричал старший.

– Чур, я сам поеду! – тут же завопил младший.

– Ратибор, Андрей, что за поведение!

– Извини, папочка! Но дождь... – виновато протянул старший.

– Извини, папочка! А можно я сам поеду? – тут же встрял Андрейка.

– Можно!

Сыновья убежали, толкая друг друга. Зато появился пожилой грум:

– Всё готово, милорд. Вас только ждут. Гроза, слава Богу, закончилась.

– Благодарю, Стив! Иду.

Крестоносец захватил винтовку и лёгкой походкой направился следом.

* * *

Когда-то Владимир Феоктистов и его друг Николай Зубров были советскими старшеклассниками. Но весной 1984 года их общий приятель Емельянов встретился с «научной экспедицией» из параллельного пространства, от членов которой получил целый ворох диковинных сувениров. В том числе, «неисправную анабиозную ванну». Ребята тут же приспособили её под земное электричество, и инопространственный аппарат заработал. Но при испытаниях не просто усыпил собаку и кошку, а значительно увеличил. Заинтригованные друзья сами легли в устройство, а Емельянов включил его в сеть.

Откуда мальчишкам было знать, что милые гости представляли не науку, а разведку межпространственного Управления Мобилизации. А все их «подарки» являлись приборами для поиска потенциальных солдат, способных сражаться на беспощадной войне миров. Однако Феоктистов и Зубров озадачили даже эту могущественную структуру. Аппарат, настроенный на волну их желаний, забросил экспериментаторов в прошлое собственной Земли. Создалась развилка реальности. В основном русле реки времён средневековое королевство Норман, располагавшееся на атлантическом побережье современной Франции, и далее продолжило развиваться в рамках общей истории. (Впрочем, серьёзно отличавшейся от того, что позже войдёт в учебники). А вот в отпочковавшейся «протоке» ребята худо-бедно начали менять жизнь. Да так, что вытащить их оттуда оказалось сложно даже для межпространственных офицеров-вербовщиков.

С помощью топоров и мечей друзья отвоевали себе место в этом жестоком и бескомпромиссном мире. За несколько лет из лесных разбойников превратились в законных рыцарей, а затем и баронов. Стали королевскими вассалами. Завладели графскими феодами Шансон и Гринеберг. Бережно сохраняемые плащи крестоносцев говорили об их участии в Крестовом походе. А грозные имена – сэр Владимир Кальвадосский Волк и сэр Николай Кальвадосский Гром, всё более обрастали легендами. Своими владениями друзья управляли вместе. Феоктистов занимался вопросами обороны, а Зубров хозяйственной частью дел.

* * *

Леди Сусанна подошла к окну. Там, за лесом, наполняли воздухом большой серый пузырь. Вчера она слышала, как Володя назвал это изобретение мастера Брайана «воздушным шаром». А сегодня собирался подняться на нём в небо. Господи, да когда он уже угомонится?! Ещё граф говорил что-то о разведке и стрельбе с воздуха. Но это не волновало. Важно лишь то, что муж твёрдо намерен взлететь. Причём, на глазах сыновей! Там будет и Лотта, дочь изобретателя этого... заместителя крыльев. Заноза ревности привычно уколола сердце. Но тут же исчезла. А если дурацкий шар загорится? Или – лопнет?! Володька же упадет! Леди Сусанна непроизвольно закрыла глаза изящной рукой.

После каждого изобретения в области войны, которые шериф непременно испытывал сам, у неё уходила частичка души в вечном страхе за него. Все эти пушки, аркебузы, винтовки, воздушные шары она считала подарками дьявола. А поэтому постоянно истово молилась и

переживала за сэра Владимира. К тому же её постоянно терзала ревность. Ко всем и вся. Особенно к тем особам, кто мог хоть чем-то привлечь внимание графа. Красотой ли, походкой, статью. А теперь вот и молодостью! Она была одного с ним возраста, но супруг почему-то всегда выглядел моложе. Вот уже восемнадцать лет Сусанна страстно любила и мучилась.

Группа всадников, среди которых выделялись муж и сыновья, помчалась по мокрой дороге, разбрызгивая свежую грязь. Туда, где над лесом поднимался большой серый пузырь, оплетённый сетью тонких верёвок. «Воздушный шар», новое дьявольское изобретение в Союзе Свободных графств.

* * *

Второй владетель объединённых феодалов, Николай Зубров, следил за ходом вспашки полей, предназначенных для засеивания яровыми. Он тоже с любопытством поглядывал на наполняющийся аппарат, но при этом энергично затягивал подпругу конной сеялки. Плащ крестоносца, камзол и шерстяные штаны, насквозь промоченные ливнем, висели на ветвях разлапистого куста. На лорде оставались лишь льняные трусы (одно из его нововведений в ССГ), да тонкий меч в чёрных ножнах, притороченный за спиной.

Тем временем шар надулся. Два подмастерья отсоединили кожаный рукав воздуховода, шедший от горящего рядом кузнечного горна. Николай видел, как небольшая на таком расстоянии фигурка друга залезла в плетёную корзину. Долго там возилась, разжигая уже свою жаровню. Но вот изобретение медленно пошло ввысь. С земли его придерживали крепкой верёвкой. Крестьяне дружно бросили плуги и повернулись к взлетающему чуду. Несколько секунд царил молчок. Лишь всхрапывали кони, да шлёпали капли, стекающие с кустов.

– Ура-а-а-а!!! – вдруг радостно заорали селяне. Это был боевой клич «Стаи», военной дружины ССГ. Вверх полетели мокрые суконные шляпы. Со стороны шара, едва слышно из-за воплей, долетели глухие щелчки выстрелов. Это лорд Волк опробовал эффективность поражения наземных целей. Там, на разной дальности от взлётной площадки, заранее выставили деревянные чучела в основных видах местных доспехов.

– Надо же! – радостно подумал Николай. – Совсем недавно эти крестьяне не догадывались даже о многоножевых плугах. Не говоря уж о порохе. А сейчас спокойно обсуждают полуавтоматический огонь с воздушного шара!

Мысли невольно приняли другой оборот. Уже более шестнадцати лет минуло с тех пор, как они официально подтвердили свой статус «благородных». Но Николаю всё ещё было тревожно. Настолько бесповоротно изменил всё Йоль 6700 года. Когда Володька окончательно превратился в Ульфхеднара.

* **

6700 год от Сотворения Мира, 21 декабря.

Оставался всего день до отбытия единого «золотого каравана» союзников, когда у частокола отстраивающегося Шансона вновь появились всадники в блестящих кольчугах. При их виде в посаде тут же вспыхнула паника:

– Та-а-ампли-и-ие-э-э-э-ры-ы!!!

Первой мыслью недавно захваченных людей было то, что явились мстить грозные владетели. Никто не может противостоять могуществу ордена Храма! Что делать? Сбежать в зимний лес мешал свежий частокол с решительной охраной. А тут, на новостройках, тамплиеры непременно всех зарежут! Толпа дружно ломанулась к замку. Теперь каменные стены, только что внушавшие трепет своим бережным кругом, показались самым надёжным местом.

Но не тут-то было! Перед воротами выстраивалась небольшая железная линия бывших дружинников и новых десятников, во главе с Дэниелом Скоттом. Она сразу ошетились копиями в сторону бегущих. Столкновение было неизбежно... Но тут что-то громко и грозно рывкнуло со стен. Так, словно все мёртвые вороны и головы, вывешенные на зубцах Шансона, одновременно издали пронзительный крик. Люди аж присели от неожиданности. Известно, что

страх побеждается ещё большим, либо более близким. Рабы, крестьяне и воины – все дружно застыли, поражённые суеверным ужасом.

А неподалёку, откуда-то слева, пропел рыцарский рог. Из-за частокола ему тотчас откликнулся собрат. Только после этого крестьяне рассмотрели, что к ним неспешно приближался сэр Волк, с большим галльским сувениром.

– Идиоты! – он говорил не громко, но очень отчётливо. – Все воины и гладиаторы, к частоколу! Женщины, дети и рабы – по рабочим местам. Десятникам, выполнять!

Никто не пошевелился, и он многообещающе добавил:

– Кто окажется без оружия, лично знак труса выжгу. И навечно – в рабы!

Что-то дрогнуло в толпе. Люди зашевелились, мужчины потянулись обратно, к ограде посада. Раздались громкие команды десятников. А вскоре выяснилось, что и повода-то к панике не было: прибывшие оказались дружиной сэра Жана Дыб-Кальвадосского. Вскоре оба барона искренне приветствовали сюзерена и церемонно представляли его союзным галльским владетелям. Почти сразу к ним подошла бабушка Линде. При виде могущественной лесной ведуньи все непроизвольно смолкли. Воины отступили на полшага от рыцарей и слегка склонили головы. Сэр Жан тоже обозначил вежливый приветственный кивок:

– Рад видеть в добром здравии, Ведающая Матушка!

Та небрежно отмахнулась:

– Девчонкам вон головы дури! Рад он, видите ли... А меня вот, убогую, твой приезд, действительно, порадовал!

Феодалы в лёгком недоумении и, что уж греха таить, с некоторой опаской устали на старую ведьму. Всё-таки недавняя демонстрация силы её осторожного круга впечатлила и их.

– Ты ж к вассалам с предупреждением ехал. Что в столице, мол, одной десятиной отделаться не удастся. Как минимум, придётся ещё и полный отчёт Чину Ангельскому давать!

Сэр Жан благоразумно молчал, лихорадочно пытаясь сообразить, что из ранее рассказанного пришельцами из другого мира известно галлам, а что можно огласить. Он ведь, действительно, прежде всего, ехал предупредить их. Очень уж не хотелось терять таких отчаянных и удачливых подчинённых. Ну и одному потом расхлёбывать немилости принца за их необдуманные подвиги.

– Вас здесь сейчас трое истинно Первородных! – не дала развиваться его панике бабушка Линде. – Даже четверо, считая законного сына благородного владетеля Аржантана. А также два рыцаря, чьи несомненные доблести вы цените, но в происхождении которых, мягко говоря, сомневаетесь. Я имею в виду моих названных «внучат», баронов де Шансон. Ничего, старая, не путаю?

У рыцарей слегка покраснели уши. Очень уж легко лесная ведьма читала в их сердцах, казалось бы, скрытые, немного стыдные мысли. А у стоящих неподалёку простых солдат, наоборот, даже рты приоткрылись от внимания и желания не пропустить ничего из назревавшего чуда.

– Сегодня хорошая ночь, благородные рыцари, для выяснения родовой принадлежности и степени Первородства. Можете увидеть и услышать всё сами. Тогда ваши свидетельства станут сильнее закона. Даже перед Чином Ангельским. Да он и сам может узреть кое-что! Ты ведь именно этого опасаясь, благородный сэр Жан?

Её слегка насмешливый тон говорил сам за себя. Никто так и не решился что-то ответить. А бабушка деловито оправдала свой неизменный тёплый плащ:

– Священной рощи здесь нет, но имеется одно подходящее место. Предлагаю его осмотреть, да оцепление из солдат выставить. Чтoб даже мышь не прoскочила. – она к чему-то прислушалась. – Заодно и гостя дорогого сможете встретить!

– Оружие брать? – деловито осведомился Феоктистов.

– Да, вроде, и не пристало благородному его где попало бросать? Пойдёмте уж! Там как раз и баньки протопятся. С дорожки гостям косточки пропарите, да и сами к ночи чистыми будете. Оно не помешает.

Желающих выехать с рыцарями оказалось до неприличия много. Даже не слышавшие разговора крестьяне и рабы чувствовали близость чуда и тоже просились с владельцами. Пришлось вмешаться Николаю. Сначала несколькими грозными рыками он разогнал работников, а затем нашел «соломоново» решение и для рыцарей. Каждому было определено взять с собой по десять воинов. Расчет оказался до неприличия простым: с учётом того, что сэр Жан прибыл со своей частью имперской десятины, половину отряда он оставил для охраны. После чего у него осталось ровно десять свободных кольчужников.

Колдунья поехала в седле с Зубровым. Когда миновали замковый мост, указала на еле заметные красные лучи, наподобие лазерных, светившие с башни в сторону темнеющего в снежном предполье начала шансонской дороги:

– Вон туда правь!

Похоже, кроме них, никто этих лучей не видел. Но вся вооружённая кавалькада послушно свернула за Зубровым. Снега в Нормане выпадало обычно много, но он почти всегда быстро стаивал. От близости моря климат был куда мягче привычного друзьям резко континентального. Вот и сейчас стоял легкий морозец. Дышалось непривычно легко. Землю покрывал полудюймовый пушистый слой не то снега, не то большого длинного инея. Но деревья на опушке стояли по-осеннему голые. Когда до них оставалось не более сотни футов, из-под придорожного облетевшего куста неожиданно выскочил человек в кольчуге. Он замахал когда-то белым плащом храмовника и истошно заорал:

– Сэр Владимир Кальвадосский Волк! Сэр Владимир Кальвадосский Волк!

Воины мгновенно изготовились, прикрывая рыцарей. Феоктистов в этот раз взял с собой не дружинников, а гладиаторов Станимира. Его десятка оказалась одной из немногих, кто не поддался панике и остался на охране частоккола посада.

– Приведите-ка этого крикуна! Да живого. И чтобы говорить мог.

Гладиаторы лихо выскочили за пределы кавалькады и вскоре вернулись с двумя пленниками. Крикун в кольчуге оказался послушником прецептории Гринеберг, следопытом Шарлем из Куне. А второй, одетый в какое-то грязное рубище и накрепко привязанный к двум жердям – полноправным рыцарем ордена Храма, братом Теодором из Гринеберга. Шарль уверял, что привёз его специально для Феоктистова. Потешный такой парень... В этот момент сэр Николай понял, что странные лучи исчезли. Похоже, выполнили задачу.

«Гостей дорогих», в сопровождении шести гладиаторов, отправили в Шансон, а сами продолжили путь вдоль опушки. Недалеко. Место, выбранное бабушкой Линде, оказалось заснеженной поляной, на которой когда-то располагалось войско повстанцев, а затем – бандиты сэра Борга де Гринеберга. Похоже, оно, действительно, привлекало приключения. Выставили оцепление и вернулись в Шансон. Рыцари и воины «копья» сэра Жана пошли париться, а колдунья занялась приготовлениями. Так как никто, кроме неё не знал, чего ожидать, на всякий случай решили не ужинать.

До наступления сумерек успели ещё допросить послушника Шарля. Причём, в качестве индикатора лжи сэр Волк опять пригласил Матильду Гарм. Очень уж его впечатлили её таланты мастера шпионажа. Как выяснилось, бывший браконьер говорил только правду, как на исповеди. Это произвело на владельцев должное впечатление. Оказалось, он рассчитывал на великодушие грозного сэра Кальвадосского Волка. Раз уж получилось, что Единый даровал ему возможность распорядиться жизнью рыцаря-храмовника, Шарль решил обменять брата Теодора на свою жену и детей. Причём, Феоктистову очень понравился способ, которым супруга передала смелому послушнику весть о судьбе семьи. Мало ведь кто тогда не впал в панику,

когда галлы пошли на штурм деревни. А эта женщина, похоже, была ещё и полностью уверена в муже. Что непременно придёт, найдёт и спасёт.

Послали за этой самой догадливой Симоной. Супруга бывшего браконьера оказалась строгой, настороженной и довольно симпатичной особой на вид лет двадцати – двадцати пяти. Свежий блестящий ошейник рабыни смотрелся явно инородно на её гибкой шее. Симона недоверчиво окинула взглядом собравшихся и вздрогнула:

– Ша-а-а-арль!!!

Бросилась к мужу и сильно прижалась, крепко сжав его руками. Никто и не подумал препятствовать. Он что-то спросил, и та быстро-быстро закивала:

– Да-да, все живы! И Бернадет, и Перрин. И старая Жильберта!

После краткого разбирательства Феоктистов оставил перебежчику статус вольного и разрешил делом заслужить свободу для близких. Обменял его тамплиерские трофеи на более скромное оснащение и назначил следопытом в Стаю. А затем отпустил на ночь к жене и детям. Но – под стражей.

Остальные владетели одобрили решение и начали собираться на ночную поляну. Зубров лишь распорядился, что бы женщины налепили побольше пельменей. Надеялся, что после сумеет угостить гостей поздним ужином.

* * *

Возле оцепления их ждал сюрприз. Вместе с Ведающей Матушкой из сумрака материализовалось несколько крупных волков. С радостным воплем сэр Владимир обнял мощный загривок Вольфа, а затем потискал и остальных:

– Рэкс, Шарик! Блин, барбосы!!! Как же я вам рад!

Волки порыкивали для порядка, некоторые даже пытались прихватить зубами. Но Феоктистов не обращал на это внимания. Как-то незаметно стая сомкнулась вокруг него. Рыцари и хищники вместе прошли за линию сразу расступившихся солдат. Оказалось, что вокруг поляны уже были вбиты в землю колья, на которых красовался снятый со стен Шансона обережный круг. За него колдунья пропустила лишь «внучат»:

– А вы, благородные, здесь постоитесь! Увидеть и услышать и отсюда всё можно, а мне спокойнее. Да и зверюшки, если что, помимо круга вас охранят.

В центре оказался ещё один, прочерченный в снегу незамкнутый круг. Бабушка ввела друзей внутрь и какой-то головёшкой завершила фигуру.

– За черту не суйтесь, что бы не произошло. А вот говорить с гостями нужно. Не врете. Но все же постарайтесь, чтобы ваши благородные друзья лишнего не узнали! Как Гесперон советовал! – негромко пояснила она. Убедилась, что «внучата» поняли и отошла.

– Бабушка, а ты как же? – запоздало вскинулся Николай. Но та лишь рукой махнула. Возле неё уже стоял Вольф. Ведунья и зверь отошли в сумрак и начали возиться с чем-то продолговатым, темневшим на снегу. Неожиданно «это» взвыло от невыносимой боли и невнятно замычало. Похоже, прямо через кляп.

Вскоре темень начала сгущаться и вихриться неопрятными лоскутами, больше похожими на клочья тумана. Вот в них начали проступать три чёрные фигуры. Самая высокая показалась Николаю раза в два выше человеческого роста. Потом он описывал её как нагромождение каменных валунов. А Володька и местные владетели рассмотрели в ней могучего и прекрасного сверхъестественного рыцаря (которого всё равно каждый видел по-разному). Вторая фигура, раза в полтора превышавшая нормальный рост, выглядела человеком. Смурным, с правильным, по-особому красивым лицом. Он был не то одет в свободный хитон, не то просто обмотан куском большой ткани. Почему-то владетели углядели в нём что-то простецки-послушное. А вот в описании третьего все позже сошлись в едином мнении: наглая, неопряно-лохматая, заискивающая мерзость. Отдалённо напоминающая человека. Ростом футов в семь.

– Как ты быстро соскучилась! – радостно приветствовал бабушку великан.

– И я рада видеть вас, мальчики! – непритворно-ласково произнесла ведьма. – Посмотрите на этих детей ещё раз и скажите, кого вы видите.

Она указала рукой на обалдевших друзей. Фигуры приблизились к самому внутреннему кругу и три пары сгустков пронзительной тьмы, заменявшей им глаза, впились в баронов. Лицо Феоктистова застыло маской равнодушия, как у индейца. Словно невзначай он положил руку на рукоять меча. Прошептал Коле:

– Шпагой! Только за эфес...

Оробевший Николай тоже постарался не выдать чувств и слегка кивнул.

– В этом я вижу свою кровь! – великан указал на сэра Волка. Чуть позже поднял руку средний пришелец, почти ткнув в Зуброва:

– В этом моя кровь!

Третий силуэт подпрыгнул и начал лихорадочно тыкать сразу в обоих:

– Мои, мои!!! Во всех моя кровь!

– Заткнись, Хам! – великан отвесил ему нешуточный подзатыльник. Мерзкий силуэт обиженно завизжал, а потом вновь сорвался на фальцет:

– Я правду, правду говорю! В обоих моя кровь!!!

– И что? Теперь почти во всех есть твоя кровь. Очень уж блудливые у тебя детишки получались. Все в отца! – отозвался средний. Вновь указал на Николая:

– В этом бьётся кровь моего Первородства!

– Благодарю тебя, Сим! – поклонилась сумеречному мужчине бабушка. Затем тёмный великан величаво повторил жест в направлении Володьки:

– А в этом – моё Первородство! Он истинно благородный.

– Спасибо, Яфет!

Огромный пришелец продолжал пристально всматриваться. Феоктистов неожиданно почувствовал волну любви, пошедшую от него:

– Как же далеко ты забрался, внучек!

– Да я не сам, дедушка! – почти произвольно ответил он. – Чародеи нас обманули... Дедушка, а мы сможем вернуться? К себе, в страну Иванов?

– Страну Иванов? Хорошо сказал! – великан ненадолго задумался: – А, ну да! Это же к западу от Асгарда и Митгарда! Если доберёшься, то я обязательно узнаю об этом. Благословляю тебя на этот подвиг, внучек!

Он церемонным жестом поднял руку. Золотая баронская цепь на груди Феоктистова начала медленно нагреваться. Но вдруг Яфет нахмурился:

– Вот только золота-то у тебя маловато!

Тут же благородный Торин Аржантанский смело подшагнул к самому осторожному кругу и протянул великану свою цепь владетеля:

– Возьми это, о благородный Яфет!!!

К нему метнулись сразу три фигуры: Вольф, призрачная белая женщина, неожиданно вынырнувшая из-за левого плеча Владимира, и тёмный сгусток Хама. Волки отгородили галла от потусторонних пришельцев, а тут и клинок Феоктистова рассёк спину тёмного призрака. Для этого новоявленный «внук» не раздумывая выскочил из спасительного круга. Раскатистый хохот Яфета и Сима завершил сцену. Великан удерживал среднего, произвольно рвущегося к людям:

– Молодец, внучек! Самому нужно было так сделать.

Практически потерявший видимый облик Хам бессильно кружил вокруг.

– Уводи младшего! – прикрикнул Яфет на Торуна. – А то в Навь уйдёте!

Затем слегка повернулся к колдунье:

– Хельга, помоги ему. И – спасибо, сестрёнка! Давненько так не веселился!

Предводитель галлов и бабушка Линде быстро выполнили распоряжение. Люди покинули страшную поляну. А там ещё долго что-то происходило.

Глава 2

6718 год от Сотворения Мира, 3 мая

Николай встряхнулся, осмотрел себя и столпившихся крестьян. Сеять, вообще-то, надо! Но пашня после ливня практически превратилась в грязь. Лучше подождать пока проветрится. Да и штаны с камзолом ещё мокрёхоньки.

– Так, ребяташки! Давайте-ка, горячего взвара организуйте!

– Не извольте беспокоиться, ваше сиятельство! – тут же откликнулся улыбчивый Старки. Крестьяне споро засуетились. На ближайший взгорок вытащили медный котёл, закопчённую железную треногу. Двое побежали за хворостом, ещё один начал заливать воду из припасённых глиняных кувшинов. Порядок! Здесь графское вмешательство больше не требовалось. Лорд опять присел на уже подсохшую сеялку.

Н-да... Призрачные Яфет, Сим и Хам. Тогда, в декабре 6700-го, в Шансон друзья, помнитесь, вернулись «обалдев сего числа». Что, впрочем, не помешало организовать гостям так понравившиеся давеча пельмешки. Под которые весьма кстати выставили пару кувшинов кальвадоса. Благо, Сусанна (тогда ещё просто любовница Володьки) правильно поняла заблаговременное распоряжение и подала горячее сразу, едва рыцари переступили порог. Все молча накнулись на еду. Но после третьей или четвёртой чарки, в которые сэр Гром плескал буквально на один-полтора глотка, владельцы оживились. Они явно разбирались в происшедшем больше друзей. То один, то другой так или иначе выражали переполнявшие чувства и посматривали с поистине мистическим восторгом.

– Я только одного не понял! – не выдержал наконец Торин Аржантанский. – Почему благородный Яфет велел мне уводить «своего младшего»? Он же явно имел в виду Кальвадосского Волка, а не Уильяма!

– Потому что сэр Владимир доводится тебе младшим троюродным братом. Если постараться наиболее точно определить ваше родство как людей разных миров! – в очередной раз бесшумно появилась бабушка Линде. Все рыцари дружно вскочили.

– Ведающая Матушка!!! – такого благоговения в голосе самого старшего союзника друга ещё не слышали. А Торин даже обе руки к груди прижал:

– Правильно ли понял, что ты доводишься сестрой благородному Яфету?!

Ведьма по-хозяйски набулькала себе в чарку кальвадоса. Выпила.

– Уф! Вроде, полегчало! – обвела вскочивших рыцарей невыразимо печальным взглядом. – Да садитесь уж, дети. Чего всполошились-то. Да, милые! Яфет – это мой старший, а Сим и Хам, младшие братья. Вот только все они уже давно в Нави!

Владельцы, кроме баронов, почти синхронно отвесили бабушке такой вычурный поклон, которого, наверняка не достаивался и сам король. А она, не обращая внимания, ласково приобняла обоих друзей:

– Впрочем, это неважно. Значит, скоро уже и мой срок!

– Ты о чём, бабуль?! – тут же встревожился Николай.

– Да так! Не обращай внимания, мой хороший. Какое-то время, наверное, ещё поживу. Надо же вас, малохольных, хоть немного в этой жизни устроить!

А потом коротко и ясно всё объяснила. В здешнем мире, называемом Митгард, не очень уж и давно вконец распоясавшееся человечество настолько рассердило Единого, что было практически полностью уничтожено. Точнее – утоплено. Вместе с представителями наземной флоры и фауны. Спаслось лишь семейство праведного Ноя, которого Бог решил пощадить и заранее предупредил о Своей кардинальной задумке.

Потомки трёх сыновей спасшегося постепенно вновь заселили Митгард. От старшего, Яфета, происходят рода «тех, кто воюет». Это короли, рыцари и прочие «благородные» воины.

Средний, Сим, является прародителем «тех, кто молится», к которым относятся представители остальных свободных сословий. Младшенький же, Хам, произвёл многочисленные стада «тех, кто работают». Он ещё при жизни отличался весьма несдержанным нравом и похотливостью, за что сначала был неоднократно бит братьями, а затем вообще изгнан из первообщины. Так что и потомки у него получились... соответствующие. Они составляют самые низшие, зависимые категории: работяг-простецов, идиотов и всевозможных рабов.

Сегодняшняя ночь, к очередной удаче непутёвых «внучат», оказалась самой длинной в году («Зимнее солнцестояние!» – удивлённо воскликнул Володька). Она входит в дни Йоля, что являются для Митгарда своеобразным праздником Старых Богов. Именно в эту ночь преграды между миром мёртвых, «Навью», и живых, «Явью», почти исчезают. Поэтому Ведающая Матушка смогла организовать друзьям возможность напрямую пообщаться с духами предков. Что бы из первых уст выяснили родовую принадлежность и наличие благородства. Да ещё – при участии трёх авторитетных свидетелей-рыцарей.

– Вот только Яфет ещё и подтвердил, что вы пришли в Митгард из другого мира, расположенного где-то за пределами Яви. Похоже, ваша «страна Ванов» находится на Древе Жизни ещё дальше, чем Асгард.

– Чем что?! Какой Асгард? – не выдержал Володька.

– Так сейчас в Митгарде называют место, где живут Старые Боги.

– Офигеть... Да, но у нас же тоже был потоп! И Ной, на своём ковчеге, смог спасти «каждой твари по паре»!

Бабушка ласково погладила Феоктистова по голове:

– Поэтому мои братья вас и признали! Не зря же и я всегда «внучатами» называла! Получается, что ты вот и благородному Торину каким-то там «младшим братом» приходишься.

– Прошу прощения, Матушка! – очень вежливо вмешался владетель Аржантана. – Только не «каким-то», а очень близким и бесценно дорогим! Теперь мы имеем высшее подтверждение, что наши родичи одновременно проживают сразу в двух мирах: Яви и Стране Иванов. То есть, в прославленном Ванланде!

– Позволь мне сказать, отец! – смиренно вмешался сэра Уильям. Получив разрешение, продолжил: – Обрати внимание на свою цепь владетеля, и на цепь моего дяди, сэра Волка из Ванланда!

Посмотреть, действительно, было на что. Достаточно скромный знак отличия вольного барона стал заметно толще, а символ владетеля галлов, наоборот, похудел. Но при этом обе цепи приобрели единый, завораживающий вид. Словно вышли из мастерской одного опытного ювелира. Каждое звено представляло теперь слегка скрученный прямоугольник с агрессивными продольными долами, прорезанными с длинных сторон. От этого визуально цепи приобрели дополнительный объём, а грани давали целую россыпь золотых бликов. Бляхи тоже изменились. У Торина, вместо простого диска со схематичным рисунком, теперь красовалась изумительная чеканка всадника с топором, защищённая вогнутыми закраинами. А у Феоктистова весь знак был стилизован под оскалившуюся волчью голову. С такой же тщательной проработкой деталей. Володька задумчиво покрутил его в руках:

– Похоже, благословение Яфета передалось и тебе, благородный Торин!

Седой галл польщённо улыбнулся:

– К чему эти церемонии, брат? Мы с тобой одного высокого рода, и можем общаться как равные, без титулов.

– Пожалуй, мне, как младшему, всё же не помешает проявлять уважение.

– Вот уж кому оно приличествует более всего, так это благородной сестре нашего прародителя! – владетель Аржантана повернулся туда, где недавно стояла Ведающая Матушка. Но её уже не было в пиршественной зале.

* * *

6718 год от Сотворения Мира, 3 мая.

– Шестнадцать! – досчитал лорд Кальвадосский Волк. Аккуратно открыл винтовку и снял с восьмигранного кованого шкива второй опустевший барабан. Только теперь он был сильно закопчён и нагрет. Попробовал выбить гильзы коротким железным штырём. Почти безрезультатно. Удалось освободить лишь две каморы. Ёлки зелёные! Эти медные цилиндры постоянно раздувает выстрелом и почти насмерть клинит! О какой-либо быстрой перезарядке вообще можно забыть. Стоило ли тогда так гробиться над созданием клятого унитарного патрона?!

Лорд убрал барабан с гильзами в карман камзола, перегнулся через край корзины и посмотрел вниз. Там к обстрелянным чучелам уже скакали верховые. Они должны посчитать количество попаданий. А при наличии таковых, ещё и оценить степень нанесённых повреждений. Феоктистов начал успокаиваться. Если уж быть совсем объективным, то шестнадцать гарантированных смертей, в двух сменных барабанах, тоже весьма неплохо. Тем более – с уже достигнутой скорострельностью.

Высота, на которую поднялся шар, по его скромным прикидкам, составляла порядка девяноста – ста футов. Никакого высотомера на этом летательном аппарате, конечно, ещё не было. Хотя, в какой-то мере, его могла заменить привязная верёвка. Насколько Владимир помнил, для эксперимента Брайан специально заготовил бухту в сто пятьдесят футов. Правда, сейчас лёгкий ветер пытался утащить шар в сторону, отчего тот повис под небольшим углом к земле. Но, в принципе, этим можно пренебречь. Вот если бы они сразу догадались на верёвку мерные отметки нанести! Хотя, ерунда. Так только с земли замер провести можно. Зато, если в следующий раз взять с собой моток тонкого шнура с грузилом, то опуская за борт, можно будет и из корзины определять высоту. Вообще-то, моряки уже давно так глубину меряют... Не зря, наверное, то, что они сейчас здесь затеяли, в его мире назовут воздухоплаванием. Плавание в воздухе!

Лорд ещё раз, теперь уже с восторгом, осмотрелся. Красотища! Корзина упруго плясала в такт легчайшим дуновениям ветра. А если перерезать удерживающую верёвку, то и вообще ничего чувствоваться не будет. Шар просто поплывёт, повторяя все движения воздуха... Ладно, с этим торопиться не будем! Внизу ярко зеленела трава, темнели влажные дороги. По краям полигона заманчивым ломаным калейдоскопом бугрились лесные опушки. Ещё дальше, справа, чернела свежая пашня, у которой сгрудилось несколько конных сеялок. А внизу, почти под ним, как живые куколки шевелились фигурки Брайана и двух подмастерьев. Рядом стояли восхищённые Ратибор и Андрейка. Он помахал рукой, и сынишки радостно затрясли в ответ крохотными родными ладошками. Поодаль толпились немногочисленные зеваки: несколько ремесленников и их домочадцы. А ещё дальше спешившиеся всадники Стаи осматривали чучела-мишени.

Отсюда всё было такое маленькое, чистенькое, даже словно немного не настоящее. Достигнутая высота где-то раза в полтора превосходила уровень замковых башен, но ощущения дарила необыкновенные. Господи, хорошо-то как! Феоктистов всем сердцем любил этот опасный, неприветливый и суровый мир. И, похоже, тот искренне отвечал ему взаимностью. Во всяком случае, все его желания тут рано или поздно сбывались.

Над головой тихо шумела тонкостенная медная жаровня, которую широко обнимали края горловины аэростата. С её созданием мороки возникло не меньше, чем с унитарными патронами. Но тут хотя бы всё, вроде, работает. Кстати, нужно испытывать дальше! Он тщательно привязал винтовку двумя верёвочками к внутренней боковине корзины. Так она почти не мешала. Внизу, ровным кругом, были выложены тёмно-серые «кирпичики» кизяков, изготовленных с примесью торфа и древесного угля. Каждый заранее надпилили крест-накрест, что позволяло быстро разломить на четыре кусочка. Как показали предварительные эксперименты, так кизяк горел быстрее, более низким огнём и отдавал в жаровне больше тепла.

Когда у него впервые возникла мысль построить воздушный шар, быстро пришлось отказаться от идеи заполнить его газом легче воздуха. Во-первых, ни водорода, ни гелия здесь взять пока было попросту негде. Не имелось ещё в этом мире подобных технологий. А скудных знаний бывшим старшеклассникам не хватало. Около месяца, с риском для жизни, лорд, Брайан и подмастерья собирали болотный газ. Но работать с ним оказалось невероятно сложно. Собирали-то и хранили в бараньих бурдюках. Аккуратно снятая шкура обеспечивала нужный уровень герметичности. А вот смешивать добытые порции, без сильных потерь было проблематично. К тому же вскоре выяснилось, что газ взрывоопасен. Поэтому волевым решением лорд Волк приказал химическую часть экспериментов приостановить, и переключиться на изобретение способа механического заполнения оболочки горячим воздухом.

К тому времени у них уже было тонкое вощёное полотно. Для наглядности Феокистов сделал из него небольшой мешок. Тремя верёвочками привязал к горловине берестяной круг с куском свечи. Вечером, когда воздух на улице остыл, развернул конструкцию у мастерской Брайана и запалил огарок. На глазах изумлённых людей от его тепла перевернутый мешок вскоре раздулся в красивую, подсвеченную изнутри неровную сферу. А затем неторопливо взлетел. И ещё долго мерцал с вышины тёплым весёлым огоньком. После этого создание настоящего воздушного шара превратилось просто в дело времени.

Лорд подбросил на колосник кусочки кизяка. Для равномерности загрузки использовал все четыре дверцы топки, сделанные по периметру жаровни. Чтобы не обжечься, работать приходилось в кожаных перчатках. Но этот предмет рыцарской экипировки он носил уже много лет, и любые движения получались естественными. Вскоре лицом почувствовал усиление жара. А затем, очень медленно, аэростат начал подниматься. Отлично! Попробуем-ка забраться на всю длину привязной верёвки. Вот только что же вместо термометра в горловину можно приспособить? К сожалению, на испытаниях несколько действующих моделей шаров просто сгорели. Очень уж сложно оказалось поддерживать постоянное горение, и не перегреть при этом оболочку.

Господи, ведь уже двадцать лет прошло! Всё это время было заполнено напряженным трудом и схватками. Десятки и сотни лиц. Множество удивительных событий. Ведь они с Колей прожили здесь большую часть своей жизни! Теперь уже далёкая родина воспринималась как сверхъестественный мир волшебников. Милый сказочный Ванланд! Как же всё круто изменилось после той памятной встречи с пращурами в ночь Июля с 6700-го на 6701 год «от Сотворения мира»... Владимир поудобнее опёрся о подвесные верёвки корзины и глубоко задумался, глядя на копошащихся внизу смешных человечков.

* * *

6700 год от Сотворения Мира, 22 декабря.

Вновь обрётённое близкое родство с благородными владельцами Аржантана изменило всё. Там, под горячие пельмешки, Торин и сэр Жан Абрисский быстро разъяснили выходцам из Ванланда их новый статус. Здесь, в Митгарде, родовая принадлежность определяла человеку всю его дальнейшую жизнь. Если явился в мир свободным – до смерти будешь нести обостренное чувство своего высокого достоинства. Благородный и рождённый в браке обязан демонстрировать такое поведение и образ мыслей, каких просто нелепо ожидать от низко-рожденного или внебрачного. Раб, пусть даже освобождённый, навсегда остаётся существом с ограниченными правами. Отношение к представителям таких условно «свободных» родов меняется очень долго. Зачастую на протяжении нескольких поколений.

В принципе, родословная заменяла здесь «благородным» ещё не придуманные документы, удостоверяющие личность. Поэтому, для определения статуса, прежде всего, выясняли происхождение и место жительства нового человека, кто являлся его сородичами, какие брачные союзы заключены с другими семьями. Кроме того, очень серьёзно оценивали дружеские связи. «Скажи мне кто твой друг, и я скажу кто ты!» Ведь отдельная, даже самая выдающаяся

личность – всего лишь звено в цепи поколений своего рода. А они всегда сменяются, подобно временам года. Любой принадлежит роду, семье и воплощает собой его определённые коллективные качества.

Поэтому потомкам, прежде всего, передавали родовые традиции, семейные святыни и могилы предков. Привязанность же к кровным родственникам значила здесь много больше, чем даже самая возвышенная любовь к жене или мужу! Откуда бы те не происходили.

Феоктистов слегка обалдел от новой информации. Но всё же сделал для себя и один практический вывод. Получалось, что теперь он мог легко решить вопрос с обманым маршрутом «золотого каравана»!

Правда, сначала рыцари ещё долго толковали о произошедшем на поляне и пытались выяснить степень родства с сестрой прародителя. А заодно и её настоящее имя. Ведь все чётко слышали обращение Яфета к Ведающей Матушке. Но при этом каждый по-своему запомнил его. Сам Владимир был уверен, что услышал «Хольга». Николай – «Ольга», Торин – «Хольма», молодой Уильям – «Ульга», а благородный Волкул – «Вольга». В общем, как хочешь, так и понимай! Тем более что сама неожиданно исчезнувшая «бабушка Линде» не спешила просветить озадаченных потомков.

Феоктистов решил, что момент сложился самый подходящий. Словно бы невзначай отвлёк «старшего брата» чуть в сторону, чтобы их разговор не был слышен за столом, и изложил свой план. Благородный Торин лишь удивлённо хмыкнул, одобрительно покачал головой и тут же позвал сына.

– Уильям, тебе пора! Дядя подробно всё объяснит. И помни: наш род славен аж в двух мирах! Не подведи, сынок.

Заинтригованный «Айвенго» тут же поклонился и направился за сэром Волком. Они вошли в походный лагерь, раскинувшийся у ворот Шансона, где довольно быстро сформировали племяннику сводный конный отряд. В него включили часть всадников Аржантана, нескольких опытных дружинников Шансона и два десятка гладиаторов, хоть немного знакомых с корабельным делом. Выделили три повозки для продуктов, оружия и дорогого товара. Вместе с которым скрытно загрузили общую «имперскую десятину» союзников: великаний котёл из сплава серебра с золотом. Не дожидаясь утра, отряд сэра Уильяма выступил в бывший Верей.

Там, под негласной охраной речной засады, стояли семь небольших судов, захваченных в прибрежных деревнях Гринеберга. Храмовники использовали их, в основном, для рыбной ловли. Но задействовали и для перевозок различных товаров. Поэтому прибывшие спешили, наскоро укрепили борта щитами, загрузили внутрь луки с тройным запасом стрел, все привезённые грузы, часть коней, фураж и двинулись в Кангард вооружённым караваном уже по Орну. Тем более, идти вниз по течению могли даже не самые опытные речники. Засаду тоже сменили. Двух опытных стрелков сэра Уильяма забрал к себе на корабль, а остальных, с освобождёнными лошадьми, отправил обратно.

22 декабря 6700 года, как и планировалось, из Шансона выступил основной «золотой караван». Вот только большей части драгметалла там уже не было. Но об этом знало всего несколько человек. А что бы отсутствие значительного количества воинов не так сильно бросалось в глаза, Феоктистов широко развернул сеть конных дозоров. А всадников в них то и дело менял. Неизменно впереди следовали только разведчики Арча Вислоносого (которого утром официально приняли в «Стаю») и группа Шарля из Куне. Следопыт вновь шёл с гладиаторами. Сам Феоктистов то постоянно выезжал вперёд, то удалялся влево или вправо. Там по лесу шныряли три последних волка. Их-то безмолвные доклады он принимал сам.

Отважным зверям дорого обошёлся Йольский обряд. Когда благородный Торин нарушил осторожный круг, его сразу атаковали аж два потусторонних существа – ненасытный Хам и сама Смерть. Волки жертвенно закрыли собой человека. И даже попытались атаковать. Но, увы! Зловещая белая фигура мгновенно лишила жизни двух хищников, а Хам серьёзно ранил

Вольфа. Если бы не выходка Феоктистова, рубанувшего навья «антимагическим» мечом, могло закончиться и совсем печально. Зато теперь караван вновь пользовался помощью умных зверей. И они не подвели.

* * *

Единственным из волков с собственным именем оставался Рэкс. Его ухо, порванное в схватке с Грельфаром, уже давно зажило, но теперь торчало характерной приметой. Именно этот умница, шедший слева, встревожился первым. Феоктистов предусмотрительно остановил «золотой караван». Охрана тут же изготовилась к бою. Только после этого, с отрядом Вислоносого, барон выдвинулся на разведку указанного Рэксом места. Как оказалось, волк обнаружил в лесу свежий путь, практически – тропу, которую не более суток назад оставили несколько десятков человек. Подоспевший Шарль из Куне уверенно заявил, что здесь прошли вооружённые люди, двигавшиеся от недалёкого правого берега Орна.

Сэр Волк задумался. Похоже, сейчас эти неизвестные стояли где-то справа. Скорее всего, в засаде у имперского тракта. Могли, конечно, проследовать дальше, в лес, либо свернуть по дороге в Кангард (так как по пути никакие вооружённые отряды не встречались). Но это казалось маловероятным. Будем предполагать худшее. Почему они шли от реки? Никаких населённых пунктов там, вроде, нет. Базировались рядом с водой? Или высадились с кораблей? Оба варианта похожи на правду. В любом случае, следовало проверить. К сожалению, с другими людьми умница Рэкс не пойдёт. А самому соваться во все щели уже статус не позволял.

– Арч, Шарль! Нужно аккуратно и быстро уточнить, откуда шли эти красавцы. Есть ли там ещё что-то важное. Ну, и всё остальное, что ещё можно выяснить! – сэр Владимир выразительно посмотрел на следопыта. Тот понятливо кивнул. Разведчики посоветовались и вскоре растворились со своими отрядами по обе стороны темнеющей тропы. Потревоженный людскими ногами снежный наст здорово помогал. На нём следы читались, как обстановка на матерчатой карте барона. Ждать пришлось не долго. Вскоре браконьер и разбойник вернулись. «Вислоносый» толкнул Шарля:

– Давай, ты толковее объяснишь!

– Ваша светлость! Эти люди высадились с корабля и сразу направились в лес, без всякой дороги. Впереди общей группы шли, как минимум, два пеших разведчика. На этом берегу Орна ничего больше не обнаружено. Но на противоположном я заметил двух скрытых наблюдателей. Скорее всего, там их корабль замаскирован где-то неподалёку. А значит, ушедшие собираются вернуться этим же путём, и уйти по реке. Думаю, это викинги.

– С чего ты так решил? Любые воины могли высадиться с речного судна. В Кангарде их полно! – Феоктистов старался оставаться бесстрастным.

– Воины могли. Но тогда бы и место высадки выглядело совсем по-другому. Эти же, похоже, просто подвели корабль бортом к самым прибрежным кустам и высадились прямо за них. По протянутой доске, а скорее – просто по веслу. Верхушка куста в одном месте надломана, но не сильно. А вот за ним уже имеются следы спрыгивания около тридцати человек. Так высаживаться могут только викинги. Или не менее ловкие воины. Но про таких у нас мне ничего не известно.

– А смысл так сложно высаживаться?

– С реки место высадки заметить практически невозможно. Нет ни следа швартовки корабля, ни следов высадившихся – всё скрыто кустами. Да и найти их из леса, как удалось нам, довольно трудно. Насколько мне известно, ваша светлость, незаметно высадиться, сделать, что хотели, и быстро уйти – это тактика водных разбойников. Викинги же наиболее умелые из них.

С доводами Шарля трудно было не согласиться. Вот только морские налётчики не на побережье, а здесь, в глухом лесу? Впрочем, память услужливо высветила сумрачный образ драугара. А, ну да! Бывает... Хотя, собственно, чему удивляться? Если учесть, что поохотиться

северяне, похоже, собрались на их «золотой караван». Так, стоп! А откуда вообще викинги могли узнать про него?! Где их острова, и где наш Шансон? Что-то тут не стыковалось.

«Был ещё золотой соверен на схеме!» – вспомнились слова Матильды. Она тогда говорила о смертоносных хитростях, затеянных против баронов начальником тайной стражи принца. Уж не эта ли пакость подразумевалась той монетой? В принципе, до Кангарда осталось всего ничего. Настолько, что вряд ли следовало ожидать на пути сразу двух неприятностей. Так что, в принципе, выглядело логично. Уж маркиз-то, всяко имел возможность проинформировать морских разбойников о чём угодно. В том числе, и о том, где и когда они могли встретить желанный «золотой караван».

Ладно, допустим! Но, в таком случае, почему врагов всего тридцать? Ну, если уж быть совсем пессимистами, пусть сорок или даже пятьдесят. Всё равно, охрана каравана превосходит их более чем втрое! Неужели засадники настолько уверены в своих силах? Спору нет, викинги – те ещё подарки. Бойцы там подбираются один к одному, хваткие да смелые. Против его гладиаторов вообще можно одного к десяти выставлять. Воины из «копья» сэра Жана тоже пока не могут похвастать отличной выучкой. Но уж целую сотню-то галльских всадников, натасканных рыцарями вроде «Айвенго» и его доблестного батюшки, стоит учитывать!

Хотя... То, что бароны Шансона повезут десятину не одни, а совместно с союзниками, в Кангарде могли и не знать. Они же на всех площадях о своих планах не кричали. А уж прибытие ещё и отряда сэра Жана даже для самих друзей стало неожиданностью. Поэтому враги могли охотиться на вооружённый обоз только одного баронства. Либо, по очереди, на несколько обозов союзных феодалов. А такую задачу отряд опытных викингов вполне мог осилить. Тем более, среди «тех, кто воюет» даже поговорка ходит: «Добывать потом то, что можно добыть кровью – леность и малодушие!» Собственно, конвой де Трейси они и сами так грохнули.

В таком случае, следует как можно эффективнее использовать своё численное преимущество. О котором враг пока не знает. Лучше, конечно, опять повторить трюк с неожиданной атакой самой засады. Да и отсутствие ценностей в конном обозе использовать. План понемногу начал складываться, и тут сэра Волка осенило – корабль викингов! Нужно отрезать им путь к бегству. Благо, по реке сплавляется целая флотилия с полусотней сэра Уильяма. Уж кто-кто, а «племяш» не подведёт!

Далее злой кураж захлестнул Феоктистова, и оставалось лишь направлять события в нужное русло. Верного Арча, в сопровождении начальника стражи Аржантана и двух галлов отправил скрытно выдвинуться по берегу навстречу речникам «Айвенго» и передать приказ захватить корабль викингов. Владетели, на коротком совещании, прикинули свои действия. Сэр Волк привычно достал матерчатую карту и кусочками палочек накидал на неё обстановку:

– Где-то здесь нас ждёт засада. Но, скорее всего, они рассчитывают встретить конвой только одного феодала, а не всю объединённую группировку. Предлагаю самим атаковать их.

– Зачем нам лишний риск? – поинтересовался сэр Жан Дыб-Кальвадосский. – Просто проедем мимо. Сомневаюсь, что они нападут, когда поймут сколько нас.

– Скорее всего, нападут. Причём так, как мы не сможем предугадать. Предположительно, в засаде викинги, и им очень хочется нашего золота.

– Дело говори, брат! – нетерпеливо перебил Володьку благородный Торин.

– Предлагаю устроить небольшую подвижную ловушку. Что бы враг обязательно на неё напал, но завяз в бою. Заблаговременно выдвинем слева и справа по конному отряду из тридцати опытных галлов. Когда засада полностью вяжется, звуками рога и выстрелами горящими стрелами вверх дадим им сигнал к атаке.

Феоктистов придвинул обе палочки, обозначающие обходные отряды, к знакам засады и подвижной ловушки:

– Думаю, из такого окружения будет весьма проблематично вырваться.

– Остроумно! – с сомнением отозвался благородный Волкул. – Но что, если до подхода этих конников врагам удастся завладеть нашим золотом и сбежать? Потом предлагаешь преследовать их по лесу?

Феоктистов ухмыльнулся:

– В нашем обозе нет золота! Мы везём лишь небольшой груз серебряного оружия «гневников», да имперскую десятину сэра Жана. Остальное сейчас идёт в Кангард на кораблях, под охраной моего племянника, благородного Уильяма Аржантанского. Он, кстати, получил приказ захватить либо уничтожить судно викингов, которое они спрятали на противоположном берегу Орна. Тем самым у противника просто не останется привычного способа бегства.

Когда общее удивление прошло, а сюзерен справился с обидой, оценили предусмотрительность Феоктистова. Отсутствие ценностей, действительно, давало большую свободу. В итоге сошлись на том, что тридцать конных галлов во главе с Ториним пойдут в обход засады слева, вдоль берега. Столько же канантонцев, под командованием благородного Волкула, обойдут справа, огибая имперский тракт. А двадцать гладиаторов Шансона и десять обозников, под руководством друзей, будут изображать «золотой конвой» баронства. Ещё два десятка канантонцев и столько же воинов Дыб-Кальвадоса, во главе с самим сэром Жаном, укроются до поры в повозках. Общее время атаки отрядов определили на закате, до которого оставалось ещё добрых полдня.

Пока транспорт вновь спешно переоборудовали под подвижные ловушки, а сэр Гром перевооружал гладиаторов лучшим из имевшегося, Феоктистов пешком отправился в лес. Там, с верными волками, он вновь почувствовал себя лесным зверем. Вместе с хищниками ему довольно легко удалось найти место засады, и даже достаточно близко подкрасться с подветренной стороны. Не сказать, что бы увиденное сильно обрадовало, но эта информация могла спасти много жизней. Он увидел порядка десяти викингов, расположившихся за подозрительно густым буреломом слева от дороги. На некотором удалении от них, на деревьях, имелись странные большие гнёзда. Под парой обнаружили не очень хорошо замаскированные лучники. Всего он смог насчитать дюжину верхних позиций местных «кукушек». Похоже, стрелять они должны были уже в спины прошедшему мимо конвою. А вот первые молодчики, с короткими копьями, топорами и щитами, явно собирались врукопашную.

Немного покругившись на безопасном расстоянии, сэр Владимир углядел завал из слишком густого буреломы и на другой стороне тракта. Очевидно, там скрывалась вторая группа. Он даже восхитился задумкой командира викингов. Получалось, что тот тоже готовил полное окружение. Вместе с фактором внезапности и превосходством во владении оружием, это давало северянам шанс на уверенную победу даже над численно превосходящим противником.

Возвращался сэр Волк почти бегом. Впрочем, это не мешало думать. Раз стрелять по ним собираются сзади, придётся на спины гладиаторам, да и себе, любимым, щиты повесить. Нда... Но головы-то при этом и крупы лошадей всё равно останутся незащищёнными! Так что из строя лучники всё равно выведут. А потом, на деморализованных, ещё и с холодным оружием с двух сторон навалятся. Рубка выйдет та ещё. Пока викинги до повозок с «сюрпризом» доберутся, почитай всех не обученных вояк Шансона и посекут. Не вариант!

А что, если самим этих «кукушек» попробовать заранее побивать? Он, Николай, из галлов пара-тройка хороших стрелков наберётся... Да нет, те же яйца, только в профиль. Пока они из луков постреляшки затеют, северяне с секирами мясорубку начнут. И – звездец гладиаторам. Блин! Ну должен же быть выход?!

Помог, как всегда, сэр Жан. Выслушав вассала, он поинтересовался:

– А нам так уж обязательно лезть в эту засаду?

– Думаю, что да. Только так можно заставить их всех вступить в бой, а не разбежаться раньше времени. Смысл-то что бы всех наши галлы в клещи взяли.

– Если это действительно викинги, они не побегут. Трусость в бою у них считается самым большим позором. А вот если выжившие всё же вернуться с золотом, то и их, и павших все будут чествовать дома как героев.

– Извини, сэра Жан, но я не совсем понял, что ты хочешь сказать.

– Только то, что в бой они в любом случае вступят. Причём, все.

Отряды благородных Торина и Волкула уже разъехались, а Феокистов ещё думал. От досады даже не сильно треснулось пару раз головой о дерево:

– Давай, башка, соображай! Картуз куплю!

– Как-то ты странно колдуешь! – раздался из-за спины ехидный голос Николая. – Ты же, мастер Огня и Железа! Так чего дерево долбишь?

– Огня и железа... Точно – огня!!! Нужно их просто поджечь! Причём, заранее. Пусть они сами вылезают из своих гнёзд! А гладиаторы в строй встанут.

Глава 3

6700 год от Сотворения Мира, 23 декабря

Схватка с викингами получилась впечатляющей. Сначала всё шло, как и задумано. Ближе к закату на повозки каравана, как источник огня, закрепили горшки с горящими углями. На половину имевшихся стрел намотали просмолённые куски ткани, подготовив для использования в качестве горящих. А затем «золотой караван» осторожно приблизился к месту засады.

У приметных деревьев с большими гнёздами вообще остановились. Конных гладиаторов с копьями выстроили впереди живым «клином», после чего бароны и трое галлов начали прицельно лупить стрелами с огнём. Подозрительные сооружения быстро загорелись. Но тут произошла первая накладка. Вражеские лучники оказались не в «гнёздах», а внизу! И они тут же ответили из-за стволов деревьев. Кони и люди начали падать, живые гладиаторы заметались.

Дальше – больше. Лучники каравана только собрались послать огонь на буреломы засад, как оттуда раздался явно командный рык. Здоровенные, одетые в кожу и звериные шкуры викинги тут же выскочили и с обеих сторон дороги помчались к своей «зубастой» добыче. При этом ловко прикрывались от обстрела стволами ближних деревьев и своими круглыми щитами.

– Дротиками их!!! – заорал сэр Волк. – А потом – на копья!

Кто-то услышал. Несколько сулиц с каменными наконечниками полетели в разбойников. Но почти не нанесли им урона. Кое-где атакующий пыл удалось сдержать копьями. Ими конные гладиаторы начали просто отпихивать викингов, не допуская их до себя. Однако это не могло длиться долго – своим оружием нападавшие владели не в пример лучше.

– Коля! Левых бьём! Затем – рубим!

Бароны выскочили на левый фланг избиваемого отряда. Но, увы! Им не хватило скорости. Оба плечистых викинга отбили копья и сами бросились вплотную к рыцарям. Но тут им пришлось туго – мечи друзья выхватили мгновенно и принялись ловко полосовать пеших противников.

– Давай!!! – заорал откуда-то справа давешний командир засады. – Ноги лошадям бей! Повозки! Повозки!!!

Похоже, разбойники уже прорвались к каравану.

– Стрелами вверх!!! Затем – поджечь буреломы! – раздался в какофонии схватки мощный рык сэра Жана Дыб-Кальвадосского. А затем запел и его рог. Очень вовремя. «Железный сюрприз», выскочивший из повозок, очень не понравился викингам, но рубиться они стали ещё яростнее. Всё-таки надеялись заполучить золото. Доставалось и людям, и лошадям. Кое-как обороняющимся удалось выстроить смешанное конно-пешее кольцо. Рыцари, как наиболее подготовленные, старались держать основные удары.

Наконец, за горящим буреломом показались всадники благородного Волкула. Они быстро оценили ситуацию и рассыпались в линию. Теперь уже викингам пришлось сбиваться в плотный строй, оцетинившись копьями. Так они могли и сдержать удар конницы. Сэр Волк вбросил иззубренный меч в ножны и взял «Ягерен»:

– Руби варягов! Ур-р-ра-а-а-а!!!

Коля, сэр Жан, а затем и все уцелевшие последовали за ним. Викинги тут же загнули фланг, чтобы встретить опасность лицом к лицу. Но тут появилась третья сила. Оказалось, что волки не покинули людей. И когда Феоктистов мощными взмахами снёс первые, нацеленные в него копья, сзади на северян бросились три хищника. А тут и галлы ударили.

– Ульфхеднары! Ульфхеднары!!! – раздались грубые изумлённые крики. Без какого-то особого сигнала викинги синхронным броском вышли из боя и припустили в сторону корабля. Всадники благородного Торина всё ещё запаздывали. Но они, по любому, должны были появиться правее бегущих.

– Слева, слева срежай! – опередил Феоктистова рёв сюзерена. Рыцари, несколько галлов и воинов Дыб-Кальвадоса оседлали немногих уцелевших коней и поспешили на помощь отряду Волкула. Феоктистов развернулся к остающимся:

– Встать лагерем! Раненых – перевязать!

Некогда было искать брошенное копьё, благо «Ягерен» был отличной заменой. Правда, довольно густой подлесок не позволил коням развить большую скорость, и викингам удалось добежать почти до самого берега. Тут, наконец, подоспел и отряд Торина. Северяне отступили к тем самым кустам, через которые высаживались. Но там их ждало разочарование – почти на середине реки, футях в ста, один возле другого, стояли на якорях восемь кораблей с бортами, закрытыми щитами. Семь небольших рыбацких траулеров, и карви викингов. Последний возвышался как пони в собачьей стае. А над его бортом торчали копыя с бородатыми головами незадачливых охранников. Сэр «Айвенго» ещё в Трое считался мастером фронтовой пропаганды.

Потеря корабля! Самое позорное, что может случиться в набеге. Викинги это поняли и приготовились достойно умереть. Теперь, чтобы «не потерять лицо», северянам оставалось лишь как можно дороже продать свои жизни. Плотная конная «подкова» галлов, и небольшая линия морских налётчиков, прижатая к кромке берега, замерли перед последним броском. Сэр Волк профессионально залюбовался викингами. «Славные воины! Вот только умирать им здесь совсем не обязательно. Так, секундочку! Это же разбойники. Воюют за золото. Попробовать самому, что ли, их нанять?» Он высоко поднял «Ягерен»:

– Друзья, не двигайтесь!!! Я пойду один!

– Брат, давай просто насадим их на копыя! – тут же встревожился Торин.

– Хочу попробовать по-другому! Возьмите-ка лучше луки, да наспируйте их стрелами, если что-то пойдёт не так. Я вызову атамана северян на поединок. Если выиграю, мы с ним поговорим.

– А если...?

– Тогда – стрелами и копьями! Постарайтесь без нужды не лезть близко.

– Брат, ты уверен? Зачем так рисковать?

– Потому что вся моя жизнь в Митгарде – один сплошной риск!

Викинги настороженно прислушивались, пытаясь разгадать очередную каверзу. Перед ними явно был очень коварный противник. Раз сумел заманить их самих в засаду. Следовательно, ничего хорошего предложить не мог.

А Феоктистов тем временем спешил и пошел к линии северян. Огромный «Ягерен» нёс перед собой, в обеих руках. Когда оставалось шагов двадцать, сразу двое швырнули в рыцаря тяжёлые копыя. А мгновением позже третий метнул небольшой топор. От первого копыя он ловко уклонился, одновременно парировав древком второе. Но среагировать на топор просто не успел. Лезвие с силой шарахнуло по левому плечу, пробило кольчугу и застряло в поддевой куртке из кожаных ремешков. Сэр Волк демонстративно выдернул «гостинец», осмотрел и убрал сзади за пояс:

– Занятный топорик! Спасибо. И это всё, на что вы способны?

Викинги, похоже, узнали оружие:

– Ягерен... Ягерен?! Точно, Ягерен!

– Ты убил Грельфара?! – зычно поинтересовался центральный верзила. Тем самым, командным голосом. Феоктистов внимательно присмотрелся. На полголовы выше остальных, тоже достаточно рослых разбойников. Волосы, усы и борода светло-русые, заплетены толстыми косами, которые слегка выступали из-под головы медведя, заменявшей атаману шлем. А оставленный на ней остаток шкуры ниспадал на плечи меховой накидкой. Грудь защищена курткой-плетёнкой, предплечья – кожаными наручами. Остальная одежда из домотканой холстины. Щит обычный, круглый, из досок, скреплённых железным умбоном иakraиной. А вот ору-

жие примечательное. Очень уж блестящий и чистенький меч. Словно выкованный из ещё неизвестной здесь нержавеющей стали. Почему-то лицо командира показалось довольно знакомым. Словно на какого-то артиста похож. Причём, положительного. Поэтому злости не было. И ответил Володька верзиле как давнему приятелю. Спокойно и чуть насмешливо:

– Убили-то его, положим, довольно давно. Как бы уж не лет десять назад. Да только Грельфар ваш вскоре драугаром восстал. Так что мы лишь его посмертное существование прекратили.

Неожиданно сэр Волк понял, что атаман напоминал того самого призрачного бородача, что вытащила валькирия из погребального костра. Неужели, сын?! Да нет, по возрасту, вроде, не подходит.

– А ты, дружок, уж не брат ли Грельфару будешь? Лицом больно похож.

– Тебе какое дело, франк?

– На поединок тебя вызвать хочу! Я сэр Владимир Кальвадосский Волк, рыцарь из Страны Иванов, барон де Шансон, предлагаю решить дело личной схваткой. Достоин ли ты скрестить со мной оружие?

Ответить викинг не успел. Из-за его спины вырвалась худенькая мальчишеская фигура в кожаном доспехе, но без оружия. На бегу сорвала с головы явно великоватый шлем, по плечам рассыпались длинные каштановые волосы. Девушка?! Феоктистов сначала даже не узнал её. Настолько не ожидал здесь увидеть. Она упала на колени:

– Сэр Волк, не убивайте Бьорна!!!

– Миранда?! – воскликнули сразу оба поединщика. Это была Миранда Конвей. Их очаровательная квартирная хозяйка на памятном Кангардском турнире. Которая потеряла по их вине дом, да ещё и невольно стала врагом «Гнева Господня».

– Не бойся, это я убью его! – выступил вперёд огромный викинг. Но женщина уже вскочила, своей спиной и разведёнными руками, словно крохотная наседка большого цыплёнка закрыла атамана от рыцаря:

– Нет, нет, Бьорн! Это не человек!!! Но – он хороший! Сэр Волк, ради всего святого, не убивайте его! Возьмите лучше мою жизнь!

Похоже, паника женщины, понемногу начала передаваться и северянам. «А! Это на неё так наше побоище подействовало. Наверняка потом ещё и рассказали, как рыцарей на турнире поубивали. Да и из Кангарда через «Гнев» ушли!»

– Миранда, милая, успокойся! Твоей жизни вообще ничего не угрожает! – в доказательство искренности сэр Волк снял шлем. – Мы и викингов не хотим...

Зря, конечно, он это сделал. Кто-то из северян мгновенно метнул нож. Через миг лезвие с силой шарахнуло под глаз Феоктистову. Благо, «каменная кожа» спасла. Вошло неглубоко, как и давешний топор. Он хладнокровно выдернул из скулы второй «подарок». Не глядя, сунул в голенище. Кровь лилась по щеке:

– Но вот вежливости поучить придётся!

– Я же говорила, Бьорн, я же говорила! – со страхом всхлипывала Миранда. – Это не человек... Сэр Волк, не убивайте его!

Викинг уже разозлился. Попробовал отпихнуть женщину, но та буквально повисла на нём, умоляя не вступать в схватку. И галлы, и северяне откровенно ржали. Владимир тоже развеселился. Его опять накрыл победный кураж:

– Эй, Бьорн! Да оставь ты в покое Миранду! Она тебе добра хочет.

Очевидно, именно эта интонация и сработала. Все замерли и внимательно посмотрели на Кальвадосского Волка.

– Смотри, у него и кровь уже не идёт! – послышался удивлённый возглас.

– Предлагаю атаманский поединок. Без оружия. Если ваш Бьорн выиграет, отпустим. Если проиграет – войдёте в мой отряд. Мне такие нужны.

– Если проиграешь, корабль вернешь! – выкрикнул кто-то из викингов.

– Не я его захватил! С тем доблестным рыцарем отдельно договариваться придётся. Могу лишь обещать всем жизнь. На это моего авторитета хватит.

– Если я выиграю, заберу секиру брата! – наконец высказался атаман.

– Договорились. А если я, то всё оружие твоего отряда станет моим!

– Эй-эй, сэр Волк! – опять отозвался жилистый ножеметатель. – Вы же с «Медведем» спорите! Наше-то оружие здесь при чём?

– При том, что и ваши жизни.

– Ладно, раскукарекался! – теперь в голосе Бьорна сквозило презрение. – Что ты хотел сказать, когда предлагал «атаманский поединок»?

– Снимаем доспехи. Дерёмся без оружия, голыми по пояс. Тот, кто падёт – проиграл.

– Умрёт?

– Не обязательно. Достаточно, если упавший не сможет возобновить бой до тех пор, пока Миранда считает до десяти.

– Почему именно Миранда?

– Так она здесь, похоже, одна не питает зла ни к тебе, ни ко мне!

Развеселившиеся викинги уже откровенно подначивали Бьорна:

– Иди, порви этого франкского петушка! Славная потеха перед Валгаллой!

Верзила выступил вперёд. Демонстративно отдал назад меч, щит, пару топориков, распластавшихся за поясом сзади. Вытянул из-за голенища длинный нож. Затем потянул с головы череп медведя с куском шкуры:

– Я – Бьорн Виваранд, седьмой сын вольного ярла Олафа Скарролига. Могу драться даже с вашим королём. Можешь погордиться перед смертью!

– Вот и славно! – сэр Волк с силой воткнул Ягерен лезвиями вниз. Подмёрзшая земля под тонким слоем снега хрустнула, как сломанная кость. Сбросил туда же шлем, потянул через голову кольчугу. И спиной почувствовал приближение волков. Для серых союзников все их договорённости ничего не значили. Выражение лица Бьорна было невозможно описать:

– Ты же сказал, дерёмся без доспехов и оружия!

– Так я их и снимаю.

– А волки?!

– Что волки? В принципе, они тоже без доспехов и оружия! – Феоктистов оглянулся. Вся серая тройка стояла прямо за его спиной. Шерсть на загривках дыбом, рыжие глаза немигающе смотрят на Бьорна. Зрелище не для слабонервных. Н-да! Бой одного безоружного против стаи хищников – плохой повод для переговоров. Тут чудо нужно!

И оно произошло. Из-за напряжённой линии галлов, вспугнув лошадей, медленно проковылял Вольф. Отважный вожак, похоже, хромал сразу на все лапы, но настойчиво шёл к своей стае. В полной тишине потихоньку добрался до застывших «поединщиков». Феоктистов слегка повернулся к викингам:

– Твоё счастье, Бьорн! Перестань дрожать от страха.

Не дожидаясь реакции, обхватил руками шею серого:

– Вольф, дружище! Сейчас я буду биться с этим вот человеком. Один. Ребята не должны мне мешать. Ваше дело – не пустить его к моему оружию. Сделай, друг!

Волк выглядел ужасно. Словно его жевал кто-то огромный. Но главное, он был жив! И мог довести смысл слов человека до стаи. Вольф внимательно посмотрел в глаза Феоктистова, и у того слегка помутилось сознание. Словно огромная тёмная волна плеснула внутрь...

И вдруг он почувствовал. Запах снега и травы под ним. Пота викингов и пряной сырости реки. Сладкой живой конины и довольно смрадных всадников. Мир словно стал в два раза ярче. И новой яркостью был запах. В нём, в этом мире, были четыре близких друга, брата... Даже слов не имелось таких, чтобы выразить общность членов стаи. Движением, взглядом,

едва слышным рыком Кальвадосский Волк сказал: «Бой вожаков!» И это было понятно. Волки не будут вмешиваться. Вожак сам решит судьбу чужого. Но они будут с ним...

Постепенно человеческое восприятие вновь начало преобладать. Но волчье уже не уходило. Феоктистов рывками освободился от остатков доспехов и оружия. Резким, лающим голосом уточнил:

– От твоих до моих! Дальше не уходим!

Внутри Бьорна, где-то на уровне его солнечного сплетения, разгоралась красная нечеловеческая фигура. Новым восприятием сэр Волк «видел» её. Что-то подобное огромному уродливому медведю, вставшему на задние лапы, всё более заполняло викинга. «Берсерк! Воин-медведь... Как и старший братишка. Вот, значит, как демон выглядит!» Поединщики осторожно начали сближаться.

Мгновенный приближающий прыжок и сметающий «медвежий» удар. Но тело Волка уже ушло низом. Сам долбанул чуть выше колена и тут же отскочил. Карусель завертелась. Сначала движения получались немного хаотичными. Впрочем, и такие помогали избегать чудовищных хуков Бьорна. Надпочечники выстрелили в кровь адреналин и соответствующую биохимию, помогая усвоить «волчье» восприятие. Он начинал интуитивно предчувствовать атаки берсерка и уходил, почти не расцепляя контакта. Совсем как охотничий пёс, осаживающий медведя. А стремительные броски самого Феоктистова всё больше походили на прыжки зверя.

Вот только зубы у него были не те! Приходилось всё время бить. В колено, подмышку либо просто в середину плеча атакующей руки. Ну, не то! Не то!! Не то!!! Викинг, похоже, вообще не чувствовал этих ударов! Красная медведеподобная сущность уже полностью завладела им, и Борн крутился в боевом исступлении.

Вместо очередного бесполезного тычка кулаком сэр Волк вдруг цапнул его чуть ниже локтя своими нелепыми человеческими зубами. Уже отскочив, почувствовал вкус крови и огромное удовлетворение. Бросок и новый укус, теперь во вторую руку... Но викинг, наконец, ухватил его своей лапицей. Попробовал повернуть. Почувствовав, что ловкий враг ускользает, просто навалился всей тушей. Свалил, не расцепляя хвата. И всё давил и давил ручищами, как анаконда несчастного кролика.

Кости начали потрескивать, а дыхание остановилось. Феоктистов хотел запаниковать, но вовремя одумался. Подсознательно закрепил мускулатурой корпус, позволяя «каменной коже» принять большую часть хвата. Превратил всё тело в несжимаемую «бочку». Почему-то вдруг почувствовал себя веником, состоящим из нескольких прутьев. На них давят снаружи из всех сил, а они лишь немного плотнее прижимаются друг к другу. Наконец, догадался перейти на мелкое, почти незаметное поверхностное дыхание. Задействовал низ живота. Со стороны казалось, что рыцарь сдался, безропотно умирает. Викинги и галлы молча следили за удушением. Первые уже начали прикидывать, можно ли добиться обещанной побеждённым свободы.

Наконец, через добрую четверть часа, Бьорн решил, что достиг цели. Чуть сдвинулся, и Феоктистов тут же птицей взмыл из-под него, выкрутившись из хвата. Практически взлетел на плечи и от души лягнул по голове сразу двумя ногами. Восторженный вопль галлов был ответом. Красная сущность в викинге ослабла, в руках и голове держалась слабо. Туда сэр Волк и начал жестоко метелить, пытаясь фактически вышибить из викинга демона.

Сам он от пропущенных ударов отлетал как мячик, тут же вскакивал и вновь бросался в бой. Ещё дважды северянин ловил его. Второй раз даже смог совершить хват локтем за горло. Но каждый раз, казалось бы, гарантированно удушенный рыцарь, вместо бездыханного падения, возвращался к ударам и укусам. У Борна уже обе руки были расплосованы его зубами, и кровь обильно смешивалась со снегом и грязью ристалища. Но лишь после двух жестоких ударов в горло демон отпустил его. Тело викинга грузно грохнулось на землю.

– Считай!!!

Далеко не сразу Миранда поняла, что обращались к ней.

* * *

6718 год от Сотворения Мира, 3 мая.

Не сильный, но хорошо ощутимый толчок прервал нить воспоминаний. Лорд встревоженно выглянул вниз. Всё в порядке! Привязная верёвка дрожала как натянутая тетива. А прыгающий внизу Брайан последовательно разводил руки в стороны и скрещивал их над головой. Значит, уже сто пятьдесят футов. Бойтся, что шар оторвётся. Даже жалко прекращать такое приятное приключение.

Ладно, первым делом применим «брызгалку»! Феоктистов взял маленький бурдючок с хитрой крышкой. Тут им пришлось «изобрести» резьбовое соединение. Под навинчивающимся колпачком в медный обод была вставлена деревянная пробка с железной трубочкой. Тонкой водяной струей воздухоплаватель аккуратно залил огонь в жаровне. Через все четыре дверцы. Порядок! Теперь, теоретически, по мере остывания воздуха внутри, шар будет постепенно опускаться. Пока совсем не сядет на землю. Для экстренной же эвакуации можно просто соскользнуть по привязной верёвке. На малой высоте даже отработывали этот трюк... Но здесь они предусмотрели ещё один способ управления спуском. Оставалось испытать. На самой верхушке оболочки был укреплен медный цилиндрок с подпружиненной крышкой, край которой герметизировала густо смазанная салом кожаная накладка. В корзину от неё шла тонкая прочная бечёвка, специально выкрашенная луковой шелухой в ярко-коричневый цвет. (Чтобы сдуру не перепутать с прочим такелажем!) Лорд взялся за широкий концевой узел, осторожно потянул.

Неожиданно сверху раздался дребезжащий свист. Тут же отпустил бечеву. И лишь потом сообразил, что это горячий воздух вырвался из аэростата через клапан. Шар едва заметно дрогнул. Вроде бы даже чуть просел. Ещё три осторожный «свистка», и Брайан перестал встревоженно прыгать. Привязная верёвка явно ослабла, показывая, что аппарат начал неторопливое снижение. Отлично! Пожалуй, лучше будет пока вообще ничего не трогать. В принципе, медленное снижение оказалось даже более приятным. Мир неторопливо плыл под кажущейся неподвижной корзиной шара.

Когда до земли осталось не более пары десятков футов, лорд развязал один из небольших мешочков с песком, что специально развесили по внешнему периметру борта. Совсем крохотными порциями начал высыпать содержимое, замедляя и без того неспешное снижение. Наконец, корзину крепко ухватили с земли. Брайан и подмастерья мягко подвели шар к швартову и накрепко привязали. Только после этого счастливый воздухоплаватель забрал винтовку и выпрыгнул наружу. К нему с восторженными воплями бросились оба сынишки.

Неожиданно взгляд натолкнулся на пару восхищенных, буквально опалявших его зелёных глаз. Это была Лотта, дочь старшего изобретателя Брайана. Тонкая и гибкая, как ветка яблони, светловолосая, весьма миловидная четырнадцатилетняя девушка. Лорд в очередной раз подивился тому, как быстро созревали девочки в Митгарде. В его XX-м веке она была бы ещё нескладным подростком, а здесь уже поражала своей красотой. Феоктистов криво усмехнулся. Было приятно, что леди приревновала его именно к ней. Крепко подхватил мальчишек и закружил по поляне. Владимиру нравилась эта жизнь!

* * *

Весь остаток дня лорд провёл с детьми. Сначала они скакали по лесу, затем пообедали на поляне, у костра, потом тренировались. То есть, играли в развивающие боевые игры. Промокли, устали, но были счастливы. Правда, дома жена чуть не бросилась с кулаками, когда увидела насквозь промокших сыновей. Но это тоже было в порядке вещей. Пары ласковых слов и одного поцелуя оказалось достаточно. Тем более что предусмотрительно протопленная баня уже ждала.

Сыновей попарили с девясилом и тысячелистником. Затем сами ещё от души похлестались дубовыми вениками. И лишь после этого пошли ужинать. По давней традиции, семейные

трапезы проходили в небольшой уютной комнатке с «печкой Зуброва». Там всегда было тепло и сухо. Пока слуга накрывал на стол, леди Сусанна покормила Сьюзи. Мальчишки при этом заботливо держали вокруг белый полог, отделявший госпожу от чужих взглядов. Лорд неторопливо прочёл благодарственную молитву. Затем уснувшую малышку положили в переносную колыбель, а сами приступили к пиршеству. Овощное рагу с бараниной, зелёные пёрышки свежего лука, сметана и горячий хлеб, медовый травяной взвар с пирожками. Мальчишки наперебой подкладывали матери лучшие куски. Да и сами лопали с завидным аппетитом. Со стола смели всё. Сила и здоровье так и распирало уставших, но довольных сыновей. Леди смотрела на них со счастливыми слезинками. Феоктистов заметил это:

- Настоящими храбрами растут!
- Да, милый. Только очень уж быстро.
- Ничего! У нас ещё Сьюзи есть. Бог даст, натётёшкаемся.

После ужина лорд благословил дворовых на трапезу, а сам с семейством отправился в святая святых – «башню заклинаний». Жена несла спящую дочку, а мальчишки важно пёрли колыбельку. Уже несколько лет все необходимые лорду помещения в замке соединяли тёплые крытые переходы. Это было практично и удобно. Особенно с учётом местной слякотной зимы. Ратибор уже несколько лет как был допущен к «алхимии», а Андрей всего второй год помогал отцу. Комната заклинаний, двадцать лет назад созданная в замке с лёгкой руки бабушки Линде, теперь разрослась и занимала весь донжон. Обслуживали и охраняли башню члены касты «огнемётчиков». Это было их потомственное право. Здесь были зал Железа, заполненный мини-кузницей, верстаками с различными инструментами и самодельными станками, а также зал Огня, где экспериментировали с химией. Подвал заполняли всевозможные припасы: от каменных валунов и брусков металла, до различных тканей и ниток. Именно здесь рождалось и совершенствовалось их сверхъестественное оружие.

Ещё пару часов лорд и сыновья, с помощью престарелых «огнемётчиков» плавил медь и экспериментировали с разными добавками, пытаясь создать из неё более твёрдый металл. Что-то наподобие бронзы. Вообще-то и Феоктистов, и Зубров помнили, что для этого мягкую медь нужно смешать с ещё более мягким оловом. Вот только олова в этом мире не было! Вернее, скорее всего, где-то имелось. Но как ещё не известный элемент. Скромные геологические изыскания их Союза тоже успеха не принесли. Поэтому приходилось экспериментировать с чугуном, железом, медью, свинцом и, в крайних случаях, серебром и золотом. Леди всё это время грелась у тиглей, изредка покачивая колыбель с Сьюзи, и вязала тёплые носки своим неутомным храбрам. Наконец, печи были потушены. Новые образцы сплавов снабжены поясняющими надписями и оставлены до утра. Лорд дал «огнемётчикам» указания на завтра, и его семейство отправилось спать.

Но сон не шёл. Бесплезно проворочавшись около часа, Владимир встал и вылез из-под балдахина. Спальню заливал яркий лунный свет. Почти прозрачные окна из плавленого кварцевого песка не сдерживали хищное великолепие ночного светила. А внизу темнели неподвижные волны весеннего Кальвадоса. Адреналин утреннего полёта, запахи работающей жаровни, сгоревшего пороха и раскалённых тиглей всё ещё будоражили его. Теперь, после того как Вольф передал восприятие волка, вообще всё воспринималось не так... Вольф. Так и не понятый до конца друг.

Тогда, в декабре 6700-го, после «атаманского боя» на берегу Орна, оказалось, что в очередной раз победить Феоктистову помогли волки. Их неподвижные лохматые тела лежали на снегу у Ягерена и снятых доспехов. Из пастей текла кровь. А справа, на месте Вольфа, в неудобной ломаной позе вообще белело тело человека!

Сначала сэр Владимир подбежал к зверям. Рекс уже остывал. Под его шкурой прощупывались многочисленные сломанные рёбра. Два безымянных помощника, также жестоко избитых, ещё дышали. Так вот, значит, как ему удалось выдержать удары и удушения одержимого

Бьорна! Дело не только в «каменной шкуре». Это звери как-то сумели забрать часть вражеской силы. Не зря Феоктистов в бою ощущал себя многопрутьевым веником... Так, это понятно. А что за голый мужик тут валяется?!

Барон сделал два шага и тут же узнал. Ещё не переворачивая, понял, кого сейчас увидит. Это был Вольф. Его Вольф. Только теперь в облике человека. Брови на переносице срослись, уши заострены сверху. Борода и усы светло-серые, как и его бывшая шерсть. Позвоночник тоже сверху донизу зарос волосом. В остальном отличий почти нет. Всё ещё живые оранжевые глаза по-прежнему настороженно смотрели в самую душу. Он явно пытался что-то сказать. Феоктистов наклонился ухом к самым его губам. Но вместо этого в голове возник образ: логово, волчата. «Дети!» Взор Вольфа медленно стекленел... Не сдерживаясь, Володька в голос завыл. Яростно, тоскливо, по-волчьи. Провёл рукой, закрывая глаза другу. Он был не очень похож на отца, но сходство угадывалось. Получается, что умирающий Ливарский колдун дал ему посмертный наказ совсем не как хозяин. И сын, отгоревав, выполнил его волю. Все эти годы именно Вольф был настоящим волчьим пастырем. Вместо убитого ими папы. Потому-то он и понимал человеческую речь.

– Ульфхеднар! – вывел его из транса почтительный голос ножеметателя. – Ты победил. Наше оружие принадлежит тебе.

От него пахло сочувствием. Феоктистов поднялся, держа ещё тёплого Вольфа. Викинг склонил голову. Положил к их ногам копьё, топор и боевой нож. Затем подошёл следующий... Гора трофеев росла. А побеждённые оттягивались к телу своего вожака, на груди которого рыдала Миранда.

– Бьорн жив? – отрывисто спросил сэр Волк.

– Пока да.

– Так! – командный рык Феоктистова сразу расставил всё по местам. – Его и моих друзей взяли на руки! Стоп, идиоты!!! Кто так берёт?! Два пучка сухого камыша мне, живо!

Повернулся к галлам:

– Торин, брат мой! Прибери пока оружие, да помоги северным людям с моими волкам быстрее добраться до лагеря. Там, в повозке, целебное зелье Индрика. Оно только мёртвых не воскрешает!

– Я понял, брат! Не беспокойся!

Феоктистов положил Вольфа и подошёл к Бьорну. Коротко повелительно махнул рукой. Понятливые викинги тут же оттащили Миранду. Тремя пальцами ловко вправил сломанные хрящи трахеи. Раненый сразу задышал ровнее. Чтобы закрепить, приложил к его шее два пучка камыша и не очень туго примотал:

– Теперь несите! Только ровнее. Постарайтесь не трясти.

Исцеляющее зелье из костей Индрика, действовало не так быстро, как из рога, но также надёжно. Добравшись до него, сэр Волк добил одного из тяжелораненых коней. Смесь из свежей крови и зелья волки вылакали с удовольствием. Теперь за их жизни можно было не опасаться. Затем настал черед людей. Зелья дали лишь Бьорну, нескольким, наиболее тяжело раненым галлам и гладиаторам. Всех остальных просто обработали чистым кальвадосом. Его мощных антисептических свойств, да крепкого иммунитета местных должно было хватить. В завершение сэр Волк вернул свободу выжившим в бою гладиаторам, и посвятил их в воинов Стаи. Это оказалось очередным унижением для викингов, осознавших, что их победили вооружённые рабы. Тем более что новым дружинникам торжественно вручили оружие северян.

Феоктистов выпил немного зелья, после чего его обильно натёрли кальвадосом. Адреналин отступил, и теперь избитое тело отказывалось нормально повиноваться. Он посмотрел на свою малую стаю. Двух живых и двух мёртвых волков. То, что Вольф теперь лежал в облике человека, всё равно ничего не меняло. Этот бой должен быть завершён победой. Это помогло собраться. И к постепенно оживающему Бьорну подошёл уже прежний сэр Волк, небрежно

покачивающий Ягереном. При его приближении безоружные викинги непроизвольно сгрудились плотнее.

– Такое дело, Бьорн. Пленные мне не нужны. Но нужны опытные воины. Дело у нас впереди серьёзное и опасное. Но и трофеи с него будут соответствующие. Кто из твоих ребят согласится послужить у меня в Стае, сразу получит оружие и ещё одну стрелу с серебряным наконечником в качестве денежного задатка. Если же дело сумеем сладить, то золота должно быть столько, что хватит и корабль твой выкупить у моего племянника, и дома чем похвастать останется.

– А кто не согласится?

– Сейчас тризну справим, да отпущу на все четыре стороны. Но без оружия.

Викинги немного посоветовались и согласились послужить в стае Ульфхеднара.

– А что это вы меня всё «Ульфхеднаром»-то кличите?

– Так у нас называют подобных тебе воинов-волков! – охотно пояснил новый десятник Бьорн. – Что и живут, и охотятся, и воюют со зверями в одной стае. Только ты, похоже, не простой ульфхеднар. Ты ещё и железнобокий.

Все дружно засмеялись. Похоже, бой всё же закончился нужной победой.

Глава 4

6718 год от Сотворения Мира, 04 мая

Сзади раздались лёгкие шаги. Подошла жена, ласково обняла:

– Ты чего? Чего не спишь?

Владимир вздохнул, накрыл ладонями охватившие его руки:

– Да так...

Не рассказывать же! Леди, конечно, женщина неординарная. Много знает. Ещё о большем догадывается. Но вряд ли она способна понять трепет воина при виде сияющих прозрачных валькирий, что явились во время лесной тризны. Как оказалось, даже викинги впервые воочию увидели своих Серых ангелов. Что уж говорить про остальных. Всех ещё поразило, что крылатые девы забирали из погребального костра души не только северян и галлов, но даже павших в бою гладиаторов.

Или как сам потом ушел в ночь, по следам Вольфа. Новым, волчьим чутьём нашёл его логово и понял, что там кто-то есть. Подходить не стал. Положил на снег мёртвое тело друга и зарезал специально приведённую с собой раненую кобылу. Потом ещё пару раз приезжал зимой. Привозил волчатам то овцу, то кабана. А по весеннему насту смог даже увидеть осиротевшее семейство: крупную нежно-серую волчицу и большеголовых, широколапых щенков. Как он тогда надеялся, что им не передалось проклятое умение отца оборачиваться человеком! К апрелю логово опустело...

– Да так, милая. Вспомнилось, как первый раз в Кангард десятину везли.

– Это когда ты сочинил ту Песню?! – голос жены непроизвольно дрогнул.

Действительно, смешно! Сусанна помнит только про легендарную Песню Любви. А он-то всё о другом. В декабре 6700-го тот клятый Кангард вообще им каким-то змеиным клубком казался. Ведь, как выяснилось, хазарин Давид, которому Володька отдал остатки золота за доставку Миранды Конвей «в безопасное место», дважды нажился. Узнав, что бароны Шансона сражались с «Гневом Господним», он просто выгодно продал горожанку викингам, в качестве красивой секс-рабыни. Взбесился Феоктистов тогда от этого известия просто не по-детски! Правда, успокаивало, что Миранду сразу Бьорн купил. А он, со своей медвежьей хваткой и чистой душой, даже по нраву ей пришёлся. Но входил «золотой караван» тогда в вероломную столицу как в логово врага.

Сначала отправили разведку, в виде «обоза мельника Макэра». Сами же съехали с тракта, встали в лесу лагерем и замаскировали следы съезда. На этот раз соглядатаи проникли в Кангард успешно. Уже через день посланец ложного мельника доставил корявые схемы расположе-

ния особняка главного врага – начальника тайной стражи принца, домовладения вероломного Давида, а также жилища главы хазарской диаспоры, Авраама Постера. Не зря, выходит, сэр Волк учил оруженосца рисовать серебром по ткани! Глядя на его по-детски неровные «донецения», вместе с быстро поправляющимся Бьорном придумали план дерзкого «варяжского» набега. Причём, Владимир опять опирался на своё новое родство как на самую надёжную гарантию. Ведь, как показала жизнь, здесь «троюродному» брату и его сыну можно было доверять безоговорочно.

Золотую «десятину» с кораблей вновь вернули в повозки. Затем всех викингов, разведчиков и часть сорвиголов из отряда Уильяма посадили на три наиболее быстроходные суда. Этих «варягов» сэр Волк возглавил сам, взяв в помощь нового десятника, Бьорна Виваранда. Остальные корабли, во главе с трофейным карви под командой «Айвенго» отправили вперёд. Они должны были выйти в море и дожидаться подхода отряда речников на траверзе Уистера. Старшим в лагере и на охране общего золота оставили благородного Торина. Остальные рыцари согласились с этим.

Затем был набег на столицу. Вооружённые и экипированные как викинги, сорвиголовы «Стаи» обошли Кангард ночью и скрытно высадились ниже по течению Орна. Замаскировали корабли и подобрались к самым стенам. Целый день наблюдали. Смогли рассчитать порядок смены часовых, и выяснили, что возводили крепость далеко не лопухи. Каждый её участок просматривался не менее чем с двух точек. Но Бьорн уверенно выбрал место у юго-восточной башни. Пояснил, что здесь, если удастся нейтрализовать часового, в сумерках можно скрытно перемахнуть стену.

С последним лучами солнца Феоктистов лично вышел на опушку и метким выстрелом снял охранника. Вот гдегодились тренировки Робин Гуда! И ветер тогда учёл, и «просадку» стрелы при пролёте над холодной водой крепостного рва, и спуск произвёл ровно... До сих пор приятно тот выстрел вспомнить. Дистанция-то была футов двести. В Кангарде, поди, думали, что оттуда даже добить до башни нельзя. Но их экспериментальный сборный лук, из железа и рогов, не подвёл.

Затем с помощью веревок с железными «кошками» викинги, действительно, ловко перемахнули через стену. А вот большей части остальных «варягов» им пришлось помогать. Ближе всего к месту проникновения оказался дом преподобного Авраама Постера. С него и начали. Штурм не занял много времени. Охрану частью посекали, частью оглушили. Затем обездвижили оставшихся в живых домочадцев и торопливо разграбили домовладение.

Добыча оказалась богатой. Жил хазарин роскошно, на широкую ногу. Ценности свалили в центре двора. Туда же согнали связанных пленников и оставили под присмотром двух галлов. А сами, не мешкая, на реквизированных лошадях поскакали к особняку де Крюсьена. По пути ещё и группу ночной стражи срубили. Затем штурм повторился. Правда, викинги сгоряча чуть не убили «мельника Макэра». Он дисциплинированно дождался их в ближайшем укрытии, а затем подошёл. Хорошо, что зрелая личина не отменила юношеской ловкости и навыков сквайра.

Вот только внутри Джонни совершенно не узнал захваченный особняк. За стенами располагался лишь мощёный камнем двор, загромождённый торговыми обозами. Не было ни прежних дворовых построек, ни личной темницы маркиза, где томились незадачливые разведчики! Кое-как справившись с паникой, «мельник» начал что-то деловито вымерять шагами. Ему не препятствовали. Благо добыча превосходила все мыслимые пределы. А взятые в особняке пленные больше походили на купцов, чем на сотрудников тайной стражи.

Наконец, Джонни подозвал Феоктистова и указал на огромный валун:

– Вот здесь раньше был вход в темницу!

Гребёж моментально прекратили и все скопом навалились на каменюку. Увы, безрезультатно. Догадались впрямь лошадей. Только с их помощью смогли свалить валун набок. Под ним открылся бывший вход в темницу, замурованный каменной кладкой.

– Твою ж дивизию! Это что же тут случилось?

Джонни продолжил свои подсчеты шагами. Наконец, уверенно показал:

– Здесь! Здесь должен быть коридор.

Небо на востоке уже начинало сереть. Времени оставалось совсем мало. Но всё же решили рискнуть. Согнали пленных, вручили новенькие заступы, ломы и лопаты, найденные в повозке с кузнечным товаром. Заставили копать. И вновь чутьё молодого разведчика не подвело. Через полчаса проломили свод коридора темницы. А ещё через четверть часа достали на поверхность то, что когда-то было Мидлтоном из Гретевила.

Ко всеобщему удивлению обтянутый кожей, ослепший скелет был жив! Иначе как чудом это не воспринималось. Джонни тут же погрузил побратима в мельничную повозку и уехал. Пожалуй, только он и мог без особых помех скрытно доставить собрата по оружию к изнывающей в неизвестности супруге.

«Варяги» тем временем споро навалили наиболее ценную добычу в повозки и выдвинулись к дому Давида. Его штурмовали уже на рассвете. Здесь брали только золото да наиболее красивых женщин. Самому вероломному хазарину Феоктистов отрубил ноги. А чтобы не помер раньше времени, тут же наложил кровоостанавливающие жгуты. Затем на его глазах связал дочь, Юдифь. И лишь после этого допросил. Правда оказалась печальной – всех женщин, переданных Кальвадосскими рыцарями ему на попечение, Давид продал в рабство. Да не кому-нибудь, а самим тамплиерам Гринеберга! Так что и зубровская симпатия Эммилия не избегла общей участи.

Дом оборотистого хазарина запалили и вернулись в особняк Авраама Постера. В городе уже началась суматоха, но это было на руку «варягам». Они быстро изобразили торговый караван с небольшим отрядом охраны, и спокойно двинулись к северным воротам. Благо, повозками в усадьбе де Крюсьена разжились. В них укрыли трофеи, пленников и большую часть воинов, не похожих на купеческих охранников. Несколько встречных групп стражи Арч Вислоносый перенаправил на совершенно посторонние, но удалённые объекты. Чем усилил начавшуюся в столице неразбериху.

Благополучно достигли выезда из города. Правда, ворота оказались заперты, а встревоженные стражники стояли на боевых постах. Вот только опасность они ждали снаружи. Поэтому, когда сорвиголовы объявились у самых ворот, даже небольшое замешательство стоило им жизни. Выход перешёл под контроль налётчиков. Трофеи благополучно вывезли из столицы. После чего четверо викингов, во главе с Бьорном, сломали запорную решётку ворот и заклинили снаружи подъемный мост. Теперь погоня должна была сильно потрудиться, либо вообще выехать из Кангарда через восточные ворота. Что опять-таки давало «варягам» большой выигрыш по времени.

В итоге награбленное и рабов успешно погрузили на корабли. После некоторого раздумья Феоктистов передал командование Арчу, приказав как можно быстрее выйти в море и соединиться с флотилией «Айвенго». А затем прислать трофейный карви к правому берегу устья Орна. Туда должна была выйти остающаяся группа отвлечения погони. В неё он назначил всех викингов и себя. Северяне сначала возмутились, но сэр Волк их быстро успокоил:

– Как выйдем к морю, считайте, что ваша служба в Стае закончена. Сейчас каждый возьмёт себе из добычи по одному кубку и солиду золотом. Доберёмся до кораблей – получите оставшуюся часть своей доли. В том числе и рабов. Тогда сможете выкупить у сэра Уильяма карви и вернуться домой с победой!

Так, собственно, и получилось. Сначала они существенно измотали погоню, шарахаясь по узким тропам зимнего леса и тонкому льду подмёрзших болот. В итоге одну за другой,

побросали ломавшиеся и застревавшие повозки, а затем устроили настырным стражам классическую стрелковую засаду. В рубку не полезли, а просто перестреляли из луков сначала всех коней, а затем и часть спешенных солдат принца. Насколько стрел хватило.

Погоню после этого саму можно было преследовать. Но время поджимало. Спокойно, верхами, выехали к устью. Где, в нарушение всех инструкций, их ждал уже весь импровизированный флот Шансона. Впрочем, под командой «Айвенго» даже такие моряки представляли грозную силу. Тем более, сэръ Уильям неплохо умел вести боевые действия в условиях побережья.

С викингами рассчитались по правилам разбойничьего дележа. Тем более, что своим сорвиголовам Феоктистов приказал брать только не опознаваемые вещи: деньги и не самые приметные ценности. Так что доля северян оказалась больше. Все рабы тоже отошли им. А разницу морские налётчики отдали качественным оружием. За него же и корабль выкупили в складчину. Так что все остались довольны. Не зря, выходит, Феоктистов и Арч столько лет сами разбоем занимались!

Он тогда ещё дополнительно обменял свою рабыню Юдифь на Миранду. Бывшей горожанке тут же вернул свободу и выплатил два фунта серебром, за потерянный дом. Самое смешное произошло потом. Загрустивший было Бьорн потоптался-потоптался, да и попросил Миранду остаться. Очень уж, говорит, мила ты мне! И та согласилась. Пришлось потребовать, чтобы викинг законным образом взял её в жёны. Сын ярла пообещал, да ещё и Юдифь вернул. В качестве подарка и в знак признательности.

Сэр Волк, правда, и после этого не польстился на хазарские прелести. Был большой соблазн привезти красотку Николаю. Чтоб утолил, наконец, своё так и нереализованное желание. Но рисковать не стоило – дочь Давида наверняка слишком хорошо знали в Кангарде. И вычислить, что за «варяги» порезвились в столице, было бы просто. Пришлось продать. Благо весёлый «ножеметатель» Хурд с радостью раскошелится за экзотическую секс-рабыню аж на сорок цехинов.

* * *

6718 год от Сотворения Мира, 04 мая.

Жена пошевелилась, потёрлась о спину:

– Воло-о-одь! Спой мне её.

Не сразу сообразил, о чём она. Ах, да! Песня Любви. Почему бы и нет? Ромейский, возможно, не так выразителен, как родной русский. Но для хорошего перевода подошёл. Даже неполной ночи, помнится, хватило. Лорд обернулся, заключил Сусанну в объятия и почти шёпотом, чтобы не разбудить Сьюзи, запел ей на ушко:

– Луч солнца золотого

Тьмы скрыла пелена.

И между нами снова

Вновь выросла стена!¹

Жена, как замороженная слушала чарующие звуки. Голос у лорда Владимира, конечно, уступал Муслиму Магомаеву. Но здесь-то все считали, что это были его слова и исполнение! Ну, с учётом, ромейского перевода, фактически так и получилось:

– Ночь пройдёт, наступит утро ясное.

Знаю, счастье нас с тобой ждёт!

Ночь пройдёт, пройдёт пора ненастная.

Солнце взойдёт!

Он пел, а какая-то часть сознания всё ещё пребывала во власти воспоминаний. Тогда, в начале января 6701-го, вернуться по реке мимо Кангарда они не рискнули. Оставили теперь

¹ Стихи Ю. Энтина.

уже скмь корабликов под охраной в прежней «нычке» (чуть поднявшись от Орна вверх по широкому ручью). Вместе с конями навьючились награбленным и пешком, в обход столицы, вернулись в лагерь. У Торина всё было в порядке. Он даже организовал питание свежими продуктами, которые закупал для лесных сидельцев «мельник Макэр».

Трофеи разделили на четыре равные части, из которых три раздали благородным Торину Аржантанскому, Волкулу Канантонскому и сэру Жану Дыб-Кальвадосскому. Те не возражали. Из этих долей они уже сами наградили своих отличившихся. Воины, вернувшиеся из набега, сильно изменились. Теперь все действительно ощущали себя непобедимой Стаей. Ощутимо чувствовалось, что боевая сила объединённого каравана возросла. Теперь, уже не скрываясь, кавалькада гордо въехала в столицу.

* * *

Он так и не понял почему, но его перевод песни трубадура действовал на местных красавиц как мощнейшее приворотное. Его даже окрестили «Песней Любви». Ни больше, ни меньше. Сусанна не являлась исключением. Феоктистов ещё не закончил, а сильные руки уже неумолимо тащили его на супружеское ложе. Собственно, он и не сопротивлялся. Именно так, в пылу жаркой безудержной страсти у них когда-то получился старшенький.

Наконец, утомившаяся жена уснула, тесно прильнув к его разгорячённой груди. Владимир лёгкими касаниями поглаживал её волосы, а воспоминания уже вновь вернули в Кангард... Приём у «Чина Ангельского», состоявшийся 7 января 6701 года, действительно, стал испытанием. Князь Ратмир был молод, высок и жилист. Ярко-голубые глаза смотрели настолько жёстко и пронзительно, что оба барона вновь вспомнили лазерный луч. Князь выслушал историю их прибытия из Ванланда и захвата баронского феода. Затем, по одному, опросил рыцарей – свидетелей потустороннего визита прародителя Яфета. А после этого приказал показать возможности ванландцев в схватках с его хабрами. Так здесь называли богатырей.

Тартарийцы из свиты князя вполне соответствовали. Все были как на подбор крупные, плечистые, с резкими и точными движениями. Чувствовалось, что драться они любили и умели. На ристалище выявилась первая интересная закономерность: в учебных схватках пришельцы, в конце концов, проигрывали любому храбру готов. Но после шести, кажется, одиночных боёв, Николаю пришла в голову спасительная мысль:

– Молодцы, тартарийцы! А двое на двое попробуем?

Оказалось, что так бароны Шансона уверенно побеждали аж шестерых. Когда они были вместе, силы и удачливость пары многократно возрастали. Князь заинтересовался, но скрестить меч с ним самим Феоктистов наотрез отказался:

– Для меня это высшая честь! Но у князя для таких дел воины есть.

После этого «Чин Ангельский» уже благосклонно осмотрел и великаний котёл из сплава серебра и золота, и секиру драугара. Выслушал просьбу о крещении и о чём-то надолго задумался. Молча опробовал «Ягерен», довольно ловко крутнув несколько раз. Затем вернул Феоктистову:

– Такое нельзя дарить. Эти вещи намного сильнее обычного оружия. Но ты пока используешь его правильно. Так и поступай впредь! Обряд крещения мы, конечно, проведём. Но на обоих наложу три рыцарски обета. Как исполните первый, ваш статус баронов Шансона будет утверждён короной Империи!

Кальвадосские рыцари лишь согласно кивнули. Князь распорядился:

– До завтрашнего утра вам надлежит сложить песню в честь Прекрасной Дамы. Исполните её перед двором нашего гостеприимного хозяина, принца Жана.

Повернулся к временному правителю Нормана:

– Насколько я помню, у тебя там постоянно пять или шесть гистрионов гостят?

Принц подтвердил, и Ратмир продолжил:

– Если ваша песня окажется кому-то из них известной, он должен начать подпевать. В этом случае угадавший гистрион получит княжескую награду, а вот владельцы Шансона не подтвердят титул баронов. И второе условие. Эта ваша песня должна понравиться большинству присутствующих при дворе дам. Всё понятно?

Так и родилась знаменитая «Песня Любви». Феоктистов практически сразу вспомнил «Бременских музыкантов» с его великолепной озвучкой. Решил, что здесь это не будет творческим воровством, и всю ночь бился над складным переводом. Зубров же с дружинниками охранял шатёр от любопытных глаз и ушей королевских гистрионов. Уж больно тем княжеской награды хотелось.

Когда перевод сложился, Володька переписал его по-русски на чистую тряпицу, а черновик сжёг. Утром они, без репетиций, сразу спели дуэтом по-ромейски, читая «с листа». Причём, лирический голосяра у Николая оказался будь здоров. От его мелодично-раскатистого: «А, а, а-а-а, а!» в зале аж женский стон пошёл. Больше всего Володьку тогда поразило, что в завершение возбужденные дамы начали швырять в них монетами. Да не какими-то, а полновесными экю, цехинами и даже солидами.

Князь потёр лицо, скрывая набежавшие слёзы, и обнял исполнителей:

– Спасибо, милые! Уж угодили, так угодили!

А затем нарезал новоиспечённым имперским баронам ещё два задания. За год, наличными средствами феода, возвести сторожевой замок в гористом Лангедоке. Что бы обезопасить ущелье, по которому шёл из Фракии подвоз снабжения крестоносцев. А после «ввода объекта в эксплуатацию», самим принять участие в Троянской войне. Причем, третий обет баронов мог быть уточнён. В ставке великого князя Святослава.

* * *

Утром леди Сусанна проснулась раньше мужа. Услышала, как завопилась Сьюзи. Привычно взяла на руки, развернула ещё сухую пелёнку и подержала малышку над тазом. Успела! Всё чаще ей удавалось своевременно понять извечное намерение дочки. А та, в свою очередь, старалась. Сначала ворочалась, кряхтела, слегка похныкивала. И только лишь, если её вовремя не понимали, справляла нужду под себя. Вот тогда уже орала громко и обиженно.

Но сейчас все остались довольны. Сьюзи вновь оказалась в тёплой пелёнке и облегчённо заснула. Муж тоже задышал ровнее. Владимир всегда спал чутко. Она аккуратно легла рядом, слегка прижалась грудью. Муж знакомо сгробастал, притиснул плотнее и вновь расслабил тёплые руки. Уснул. В темноте балдахина был виден лишь силуэт его плеча. Но даже от этого Сусанну вновь заполнила нежность. Она возблагодарила Бога за ещё один день с ним.

Все годы, что они жили вместе, воспринимались чем-то вроде яркого сна. Наполненного всепоглощающей любовью, всплесками других сильных чувств и страхом. Постоянным страхом проснуться. Слишком уж он был не такой, её любимый рыцарь без страха и упрёка. Как однажды высказался в сердцах сэр Николай: «Его как ни положи – всегда положительный!» С ним она вознеслась из простой свободной девушки до уровня графини, почти полновластной владычицы двух городов и двух десятков сёл. Хозяйки тысяч рабов. Детей, правда, Господь дал пока всего троих. Зато – все живы-здоровы! Завидная судьба... В то же время её никогда не оставляло ощущение, что она проживает чужую жизнь. Не её должен был осчастливить сэр Владимир. Ради иной женщины он пришёл в Митгард из своего сказочного Ванланда.

Как могла Сусанна билась за своё счастье. Немало, конечно, в этом помогла благословенная бабушка Линде. Вот она-то как раз, была убеждена, что именно дочь кузнеца будет наилучшей супругой для её названного внука. Вскоре после имперского подтверждения баронских титулов, сошла с дистанции и наиболее вероятная соперница – леди Вероника де Канантон. Благополучно вышла замуж за троюродного племянника сэра Волка. А Сусанна так и жила постоянной любовницей сэра Владимира.

Времячко, конечно, было ещё то. Феод, разорённый перед самой зимой, с трудом восстанавливали стараниями свободных и нескольких сотен рабов. Еды не хватало, бараки и замок отапливали полусырыми кизьяками и ворованным хворостом. Да ещё постоянно ждали нападения тамплиеров либо войска карателей наместника. Легче стало, когда бароны вернулись из Кангарда. Они привезли огромный обоз с продуктами, утварью, инструментами, металлом и строительной древесиной. К тому времени ребятишки Шансона от голода уже начали варить корни камыша и добывать лягушек, которых вытаскивали с заиленного дна Дива.

Сусанна непроизвольно улыбнулась, вспомнив, как на это отреагировал её Володя. Она тогда вместе с ним зашла в помещение, отведённое под «детский сад». А там, на самопальной «печке Зуброва» мальчишки постарше как раз варили недавний улов. Испугались, шарахнулись в стороны. Но малыши по-прежнему выглядывали из-за их спин голодными глазёнками.

– Что это тут у вас? – барон наклонился над кипящим котелком. Поддел варево ножом: – Лягушки, что ли?!

Получив утвердительный кивок, поинтересовался:

– Где вы их наловили-то? Зимой?

– Они в реке, на дне спят! – ответил чуть осмелевший Жирард из Гретевила. – А мы их короткими бредешками с лодок вычерпываем.

– Это, конечно, хорошо. Это вы молодцы... В принципе, мы во Франции. Так что, почему бы и нет? Вот только помыть их перед варкой не пробовали?!

– Зачем? И так вкусно!

– Может, и вкусно... Но так и с животом слечь не долго. А вы нам живые и здоровые нужны. Хм, да вы, похоже, ещё и не выпотрошили их?

Решительно снял котелок, аккуратно слил грязную воду:

– Жерард! Лягушек помыть, выпотрошить, залить чистой водой. Селеста, идешь со мной. Получишь брюкву и соль. Добавишь в варево. Как будет готово – позовёте!

Упрашивать не пришлось. А ещё через полчаса сэр Волк снимал пробу с импровизированной похлёбки:

– Ну, вроде, съедобно... Ладно, кормите малышей!

После этого, вместе с рыбаками, начали отряжать и мальчишек на лов лягушек и раков. А из привезённых припасов существенно увеличили рацион всех работников. Владимир тогда был сам не свой. Он словно горел каким-то внутренним невидимым огнём. Как-то само собой сложилось, что сэр Николай начал активно руководить хозяйственно-восстановительными работами, а сэр Волк сосредоточился на обороне.

Сусанну же тогда больше всего взволновало появление новой соперницы. Так как из Кангарда сэр Волк прибыл в сопровождении здорового викинга и крайне симпатичной женщины-воина. Очень быстро Сусанна выяснила, что ещё летом с этой самой Мирандой он был о-очень близок. Вот тогда-то впервые ревность накрыла Сусанну. Правда, головы она не потеряла и мгновенно сблизилась с этой бывшей «столичной штучкой». В результате, буквально через два дня, в специально организованной баньке, за кувшинчиком разбавленного кальвадоса, Миранда выплакала ей своё горе. Оказалось – освобождённая рабыня, на которой бывший хозяин обещал жениться.

Сначала, вроде, всё складывалось удачно. Миранда вновь шла с викингами на карви. Но теперь уже как свободная женщина. Солёный холодный ветер наполнял радужными надеждами. Где-то впереди был суровый дом Бьорна Виваранда. Там её ждала скорая свадьба и новая вольная жизнь... Однако всё изменилось в одночасье. В море им встретился драккар недружественного клана. О наличии золота у них те, конечно, не знали. Но вот многочисленных рабов разглядели. И потребовали отдать добычу. Хорошо сразу не напали.

Неприятельский корабль был больше и наверняка лучше приспособлен к абордажу. Однако откровенно нарваться на кровную месть ни бьорновским, ни вражеским хирдманам

не хотелось. У викингов с этим строго. Договорились на бой вожаков. Кто выиграет – того и добыча! Корабли сцепили вёслами, и на эти ненадёжные опоры выпрыгнули вооружённые ярлы. Тут выяснилось, что Бьорн утратил способность подчиняться демону-берсерку. Пару раз он уже был близок к тому, чтобы упасть в студёные волны. Но положение спас весельчак Хурд, неожиданно начавший ритмично выкрикивать:

– Ульф-хед-нар! Ульф-хед-нар!! Ульф-хед-нар!!!

Его тут же подержал весь экипаж и сама Миранда. Скандирование задавало ритм схватки. Ярла словно напитало энергией. Он закружил вокруг оппонента, как недавно его самого осаживал сэр Волк. Шутя отвесил два обидных пинка, а затем просто свалил в волну. Да не оружием, а мощным тычком собственной задницы! Одобрительных хохот и рёв с обеих кораблей был первой наградой. Бьорн забросил в карви уже ненужное оружие и уселся на весло верхом. Крепко обхватил ногами, свесился вниз и выловил за волосы барахтающегося в студёной волне оппонента.

К своему позору, тот успел утопить меч и щит. При всех хирдманах спасённый хёвдинг поблагодарил Бьорна и заверил в дружбе. За проигрыш отдал запасное оружие и доспехи, пообещав добыть новые в бою. А затем показать их старейшинам уважаемого клана Скарролигов. Инцидент, вроде, был исчерпан. Но уже вечером, посоветовавшись со своими викингами, Бьорн принял решение вернуться к удачливому конунгу франков. Чтобы подольше послужить в его Стае и сильнее приобщиться к победоносной Хамингья Ульфхеднара.

Подвыпившая Миранда охотно пояснила, что так северяне обозначают личную удачу, везение и духа-охранителя военного вождя. Они представляют Hamingja чем-то вроде невидимой девы-ангела, которая покидает конунга в момент смерти и переходит к потомку или близкому сородичу. Причем, выявляется она только в поступках и решительных действиях. Соответственно, нерешительность и излишняя рефлексивность вождя приводят к отсутствию счастья. Благоприятный исход поступков правителя напрямую зависит от Hamingja. Но её обнаружения можно добиться лишь при постоянном напряжении всех моральных и физических сил. Конунгу требуется с наибольшей энергией и честью выполнять положенное. При этом не страшиться даже неблагоприятной участи, не пытаться от неё уклониться, но гордо и мужественно принять.

Сусанна молча согласилась, что всеми этими качествами её сэр Владимир обладал в полной мере. Не понятно было лишь как пришелец собирался приобщиться к его воинскому ангелу. Оказалось, что Миранда в свое время спросила у Бьорна то же самое. А он пояснил, что конунг, подобный сэру Волку, обладает не только своей личной Hamingja, но и наследует «удачу» всех славных и богатых ею предков. И к такому везению военного вождя можно приобщиться. Причём, аж тремя способами. Во-первых, если служить ему. Во-вторых – если получить от него подарок. Ибо и в вещах удачливого конунга воплощается его везение. И, в-третьих – заслужить благое пожелание правителя. Своего рода благословение. Поэтому вариант с возвращением на службу мог дать Бьорну возможность осуществления всех трёх вариантов.

У ближайшей рыбацкой деревушки карви пристал к берегу. Местные сильно обрадовались, что викинги не стали грабить, и очень дёшево отдали двух неплохих коней. Ярл с Мирандой вооружились, взяли серебра, съестных припасов и направились в сторону Кангарда. Неподалёку от него и дождались возвращения баронов с выплаты имперской десятины. Сэр Владимир очень обрадовался Бьорну и с радостью восстановил в чине десятника своей Стаи.

Сусанна уже тогда отметила одну удивительную особенность любимого. Он мог сплотить и успешно повести за собой практически любую вооружённую толпу. Даже бывших врагов. При этом авторитет и удача сэра Волка только возрастали. Да ещё и почти все примкнувшие к нему считали, что вытащили счастливый билет. Причём, как правило, именно так потом у большинства всё и складывалось.

После пьяной исповеди Сусанна быстро сообразила, как можно было решить проблему соперницы. Словно бы невзначай намекнула Володке, что обещание ярла по поводу женитьбы можно легко выполнить и в баронстве. Тот поблагодарил за сообразительность, и уже через три дня отец Бум, в присутствии бабушки Линде (как служительницы Старых Богов, которым поклонялся викинг), соединил Бьорна и Миранду узами законного брака. А в качестве свадебного подарка Феоктисов подарил ярлу носитель своей Namingja – пресловутый «Ягерен».

Бьорн, правда, тоже не растерялся и предложил сюзерену провести обряд кровного братания. А затем ответно одарил нового «брата» странным блестящим мечом. Пояснил, что это оружие фамильное и имеет нечеловеческое происхождение. Якобы молодой Олаф Скарролиг принёс его после боя с неким «силачом подземелья». Сэр Кальвадосский Гром тоже пожелал присоединиться к этому северному обряду. В итоге викинг приобрёл в Шансоне не только жену, но и двух «кровных» родственников.

Правда, даже официальная женитьба не остановила интимных загулов Бьорна и Николая. «Братя» быстро сдружились на почве «правильного воспитания рабынь». Впрочем, для холостого имперского барона такие развлечения были в порядке вещей. А Миранда не возражала против участия в них своего вольного ярла. Феоктисов же, к огромной радости Сусанны, никогда не занимался подобным. Из принципа. Да и занят был постоянно. Он, с её отцом и группой рабов-мастеровых, активно работал тогда над созданием своего первого адского оружия – управляемого многоцветного огнемёта. Или, как его повсеместно называют теперь, «греческого огня».

Глава 5

6718 год от Сотворения Мира, 05 июля

Проснулся лорд Николай от щелчка мышеловки. Как громко! Под изголовьем, что ли? Точно! Ещё дёргающаяся полёвка обнаружилась прямо под кроватью. Зубров аккуратно взял устройство, приоткрыл дверь в коридор:

- Маркиз! Маркиз! Кис-кис-кис! Да, где ты, тварь жирная?!
- Теперь он точно не придёт! – раздался из-за спины заспанный голос жены.
- Скотина наглая! И что мне теперь с мышью делать?
- Просто брось в коридоре. Маркиз потом подберёт.

Лорд покачал головой. Иногда у него возникало ощущение, что это не он, а этот матёрый рыжий котик был настоящим хозяином Гринеберга. Жена и дочка его просто обожали. Челядь относилась соответственно. И лишь самому графу не нравился наглый независимый зверюга. Впрочем, чувство было взаимным. Хорошо хоть Маркиз не опускался до того, чтобы гадить в обувь.

Николай вытряхнул мышку, закрыл дверь и подошёл ближе к светильнику. Крестьяне давно подметили, что вездесущие грызуны ходят парами. Так что был смысл поставить мышеловку в то же место. Наживка от удара слетела, но лежала на полу. Это хорошо. Подсохший кусочек сыра занял своё место на кончике сторожка. Теперь взвести пластинчатую пружину, выставить на минимальное срабатывание. Готово! Зубров облегчённо забрался под тёплое одеяло. А руки ещё ощущали твердость деревянной плашки и холод железа.

Смешно подумать, но на изготовление этого незаменимого приспособления у них ушло несколько лет! Не было соответствующего тонкого и прочного металла, не было пружин. Зато были мышцы! И сколько. Когда бараки Шансона начали отапливать, настырные полёвки просто заполонили их. Людям в буквальном смысле пришлось вступать в рукопашные схватки. Мышей били палками, обувью. Просто кулаками. Но плодовитые грызуны побеждали. Ночью бегали прямо по уставшим работникам. В постелях массово устраивали гнёзда и даже успевали вывести потомство. Но хуже всего было то, что прожорливые зверьки буквально уничтожали и так невеликие запасы еды. Даже каменные подвалы замка не были от них надёжной защитой.

Поэтому, когда в январе 6701 года из Кангарда привезли первый конвой с продовольствием, прежде всего, возник вопрос как его сохранить. Мыши уже превратились в основную напасть Шансона. Но у Феоктистова голова тогда была забита совсем другим. Он спешно вооружал всех самодельными копьями и что-то там ковал вместе с Эдвином Смитом. Поэтому на вопрос Николая просто отмахнулся:

– Проблема? Молодец! Включи башку и решай. Вон тебе все рабы в помощь!

Первой мыслью было загерметезировать продовольственные подвалы. Но это не помогло. Твари прогрызали любые уплотнители. А проникнув в кладовые, спокойно там размножались. Попытка отравить их окончилась даже не начавшись. За ядом Коля обратился к бабушке Линде. Но та в ответ лишь отрицательно головой покачала:

– Нет, внучек! Как ты думаешь, на чём люди тут, кроме лягушек, всё время держатся? Мышей-то убивают десятками. Но хоть одну дохлую ты видел?

Вот тут Зуброва проняло по-настоящему: «Это что же, у нас люди хуже, чем в блокадном Ленинграде живут?!» Он разозлился, и это подстегнуло мыслительный процесс. Ладно. Значит, травить нельзя. Но другими-то способами убивать можно! В очередной раз продрогнув в подвале, нашёл решение – заморозить! Продукты от минусовой температуры не портятся. А вот мыши, вполне. Группу рабов тут же направили пилить лёд на Диве и ближнем болоте. Сначала им обложили изнутри все стены кладовых. А затем и само хранение продуктов организовали так, чтобы мышам было несподручно вить в них гнёзда, и тем самым спастись от холода. Для этого из жердей и веток сложили что-то вроде временных клетей, на которых расположили мешки и свёртки. А продукты, что выдавались людям в бараки и на работы, начали хранить в кожаных мешках, со специальными «антимышиными» манжетами, в подвешенном состоянии. Грызуны, конечно, продолжали лезть через стропила и ветки. Но таких смельчаков регулярно сбивали палками.

Пока оборудовали замковые подвалы, Коле пришла в голову и вторая дельная мысль – выкопать возле каждого барака собственный ледник. Новый «братишка» одобрил идею и рассказал, как у них строят подобные хранилища. Выкапывают яму, как для землянки. Затем стенки изнутри обкладывают льдом и ставят двойную дверь. Сверху перекрывают всё деревянным настилом и засыпают толстым слоем земли. Такой рукотворный ледник служит десятилетиями. Без вмешательства способен хранить продукты по два – три года. Но лучше каждую зиму обновлять подтаявший лёд.

Сказано-сделано. Но тут Зуброву пришлось в полный рост столкнуться ещё с двумя проблемами. Прежде всего, с человеческим фактором. Рабы, при всей их бесправности, всё-таки были не роботами. И без постоянного стимулирования норовили перестать трудиться, напасть, покалечить и ограбить сотоварищей (из тех, кто слабее), а затем и охрану. Именно в такой последовательности. Для усмирения отряжали в конвой дружинников либо проверенных гладиаторов. Причём, если сначала хватало одного стража на десяток рабов, затем пришлось постоянно усиливать охрану.

Дело в том, что теперь большую часть трудовых ресурсов Шансона составляли новые люди, которых Феоктистов массово скупил на невольничьих рынках столицы. Эти не прошли испытания галльским захватом и ведьминым «сторожевым кругом». Поэтому воспринимали баронов как обычных рабовладельцев. К тому же при покупке сэр Волк отдавал предпочтение непримиримым и непослушным. Они и стоили дешевле, и устраивали его как будущие боевые единицы. (Очень уж Ульфхеднару понравилось из невольников сначала гладиаторов, а затем и полноценных вольных воинов делать). Но вот посылать их на работы с каждым разом становилось труднее.

Помог опять же Бьорн. У него на родине рабы жили вольготнее, чем в империи. Многие, получив свободу, на равных входили в суровое общество викингов. Так там существовала система стимулирования через женщин-невольниц. Для этого каждый раб, тем или иным

образом, получал свою симпатию противоположного пола. Регулируя возможность встреч, а также ухудшая или улучшая её положение, на невольника можно было оказывать нужное воздействие. С рабынями же обращаться было намного проще. Ввиду повсеместного здесь подчинённого положения женщин любые воздействия рабовладельца они воспринимали совсем по-иному. А правильный секс с ними вообще, чаще всего, давал ошеломительные результаты.

Правда, на самом первом этапе совсем обойтись без Володьки не удалось. Дело в том, что в любой толпе всегда есть как наиболее восприимчивые к воздействию, так и «непримиримые». С учётом же специфики набора пополнения, из новых семисот восьмидесяти девяти человек шесть мужчин и две женщины оказались неисправимыми бунтарями. Пикантность ситуации придавало то, что самого агрессивного звали Спартак. Совсем как легендарного предводителя восставших рабов в родном мире друзей. (А они и книгу Джованьоли читали, и американский фильм с Кирком Дугласом смотрели). Да и родиной этого неукротимого силача оказалась горная Гасконь. Совсем как у другого любимого персонажа – д`Артаньяна.

Прикинув кое-что к носу, Феоктистов выдал очередную идею:

– Значит, так! Попробуем воплотить теорию управления «Кнут и Пряник». Ты будешь заниматься «пряником». В смысле – индивидуальными бабами для рабов-трудяг, и прочими поощрениями наиболее толковых. А я займусь «кнутом». Думаю, небольшие гладиаторские бои нам только на пользу пойдут.

Пятерых непримиримых, за исключением Спартака, вывели в центр площадки перед замковым мостом, где не так давно сожгли предводителя фалезских наёмников. Окружили копейщиками-гладиаторами. Свободные жители баронства уже толпились на стенах Шансона в предвкушении нового кровавого зрелища. Конный сэр Волк, в полном доспехе, прямо с седла разрезал рабам пути, а затем проехал перед рядом опущенных копий. На равном расстоянии воткнул в снег пять различных видов оружия – копьё, топор, парные кинжалы, дубину и меч. Повернулся к непримиримым:

– Когда я вас покупал, обещал, что сможете получить свободу. Вот ваш шанс! В живых может остаться только один. Кто победит, прямо отсюда и уйдёт на все четыре стороны. Деритесь!!!

И неторопливо поехал через раздавшийся строй гладиаторов. Как и ожидалось, сразу двое бросились за ним. Но тут же и упали, напоровшись на частокол копейных жал. Остальные, наконец, побежали к оставленному оружию. Но драться друг с другом не спешили. Тогда в круг вытолкнули одну из женщин-бунтарок, крепкую блондинку лет двадцати пяти, с лицом, изуродованным бичом прежнего хозяина.

– Это – дополнительный приз победителю!

Та сориентировалась быстрее мужчин. Из оружия свободными оставались только кинжалы. Она подбежала, схватила их и бросилась на ближайшего непримиримого. Ни дубина, ни меч ему не помогли. Зато двое оставшихся сами с рыком кинулись на окровавленную фурию. Через несколько минут всё было кончено. В живых ещё оставался владелец топора. Но и он получил глубокую колотую рану в бок. Не жилец.

По приказу барона строй гладиаторов расступился, открывая победителю дорогу на шансонский тракт. Тот захватил с собой меч, оба кинжала и злополучное копьё.

– Оружия тебе не обещали!

– Пошёл ты!!! – ощерился победитель. И добавил совсем уж оскорбительную характеристику. Барон спешил, вышел в «коридор свободы». В доспехах, но без оружия. Просто пошёл на бунтаря. Тот вскинул копьё, побежал навстречу... Но попасть в вёрткого рыцаря не смог. Умер от удара железной перчаткой в горло.

– Со Спартаком мы развлечение поинтереснее придумаем!

Последних бунтаря и бунтарку заперли в одиночных камерах замкового подземелья. Больше серьёзных проблем с трудом рабов у Николая не возникало.

* * *

6718 год от Сотворения Мира, 05 июля.

Второй раз лорд Гром проснулся уже как обычно, довольно поздно. Терпеливо дожидавшийся дворецкий помог умыться и облачиться к завтраку. Когда он спустился, жена с пятнадцатилетней дочерью уже ожидали в трапезной. Леди Эммилию незаметно настиг бич жён феодалов – с годами она начала полнеть и терять красоту. Зато виконтесса Рита сверкала великолепием юности. От матери ей достались очаровательное личико с огромными зелёными глазами, светло-каштановые волосы и нежная чистая кожа. От отца – аристократичная отточенность черт и крепкое пропорциональное телосложение. Дочку оба просто обожали, от чего виконтесса росла избалованной, ни в чем не знающей отказа особой. К ней уже начали наезжать женихи. Но пока Рита не торопилась и искренне наслаждалась всепоглощающей родительской любовью и их высоким положением.

– Доброе утро, папочка! – она присела в лёгком придворном реверансе и тут же искренне чмокнула в щёку. Лорд легонько коснулся сложных кос:

– Доброе, Солнышко, доброе! Как спалось?

– Отлично! Представляешь, мне всю ночь Маркиз ноги грел!

«Так вот где был этот прохиндей! Похоже, я всё же несправедлив к котюре».

– Мыши не донимали?

Дочь удивлённо взглянула:

– Папа, со мною же был Маркиз!

– Ах, да! Похоже, твой любимец заслужил поощрение.

Тот уже был тут как тут. В его миску навалили отборнейшего мяса. Кот важно подошёл, понюхал и, посмотрев только на Риту, благодарно мяукнул. Затем степенно начал есть. Коля лишь рукой махнул. Ладно, пользы от наглой зверюги всё же больше, чем урона его самолюбия. Да ведь и дорогой, паршивец! Пятнадцать лет назад предков Маркиза специальным караваном доставили аж из Та-Кемета. Там кошки заслуженно почитались как священные животные. Поэтому пришлось несколько котят у жрецов за чудо, да ещё и чистое золото приобрести. По весу. Ну, и потом ублажать. Зато их многочисленное потомство помогло Союзу Свободных Графств решить проблему сохранения урожая.

Ел граф вяло, без воодушевления. Голова была забита другим. Лишь дочка отвлекла. Улучила удачную минуту и, словно бы невзначай, поинтересовалась:

– Па-ап! А правда ты мне жемчужину, как у леди Сусанны, купишь?

– А?! Какую жемчужину?

– Ну па-а-ап!!! Ты же обещал. Такую большую, грушевидную. Что бы на лобик свисала!

Тьфу ты, пропасть! Ещё и это. Второй проблемой феодалов была вечная нехватка. Всегда не доставало чего-то важного. Сначала древесины и топлива. Справились. Уже к февралю 6701 года лес для построек организованно воровали в Гринеберге, а обогревались и готовили на кизяках – этаких просушенных «кирпичиках» из сена и дерьма. Причём, даже последнего не хватало. В баронстве был жуткий напряг с едой, в результате чего и обратный выход снижался.

Конечно, много нужного закупили в Кангарде. Те же пиломатериалы, продукты, инструменты, железо для кузницы. Но расширяющиеся задачи требовали всё больше и больше. Древки, наконечники для копий, топливо для обработки металла... Лопаты и кирки, которыми выбирали лёд на реке и болотах, начали ломаться и тупиться. Соответственно, нуждались в ремонте и заточке. Опять же загоны и цепи для рабов. Укрепление периметров охраны... А тут ещё Володьке приспичило огнемёт сделать. На его эксперименты с боеприпасами ведрами уходили самогон и скипидар.

Выручала смекалка, да светлые мозги соратников. К счастью, преданных друзей у них постепенно становилось всё больше. Бойцы феоктистовской Стаи. Молодежь Жака Хитрована. Симона, жена следопыта Шарля, которая оказалась прирождённой воспитательницей

«детского сада». Именно она посоветовала всё молоко, добываемое в феоде, детям отдавать. Сколько это решение тогда жизнью малышечных спасло... Да и что там молока-то получали? От каждой дойной коровы меньше, чем по стакану. Это сейчас более-менее приличную молочную породу сумели вывести.

Чарли Дорингем организовал сбор живицы с немногочисленных хвойных деревьев и варку скипидара. Мёрзлый торф из болот, лишившихся льда, сам Николай додумался добывать. А вот как его сушить и использовать в кузнице – Эдвин Смит сообразил. Он же и местный источник железа показал. Как оказалось, свои первые вещи тот из болотной руды ковал. А с учётом осушения трясин, которые начали активно разбирать на лёд и торф, выбрать из них ещё и основу для кузнечного дела оказалось довольно просто.

Так и справлялись. Огнемёт, кстати, у Володьки и Эдвина тоже получился. Хоть и не сразу. Один из прототипов взорвался на испытании. Два дружинника сгорели заживо, ещё один и сам Феоктистов получили сильные ожоги. Хорошо бабушка Линде, да зелье из костей Индрика тогда ещё были. Спасли. Так Володька мало того, что не отказался от идеи, а наоборот – основал отдельную касту «огнемётчиков». В которую, после серии сложных испытаний, чаще всего связанных с горением и пламенем, принимал наиболее отважных и сообразительных членов Стаи.

Первая установка «греческого огня» представляла прочную деревянную раму для бурдюка с жидкой огнесмесью из скипидара, спирта и мельчайших смоляных шариков. К нему приделали сразу два кузнечных меха, для создания давления, и самодельный медный брендспойт. Струю воды из аппарата удавалось метнуть футов на тридцать. Огнесмесь, правда, летела ближе, не далее двадцати. Для её воспламенения сначала установили железную жаровню под срезом брендспойта. Но именно из-за неё произошла трагедия. После выброса довольно вязкая горящая субстанция не сразу переставала изливаться из установки. Поэтому уже после двух пусков обильно потекла по стволу на бурдюк. Сам Володька и производивший огнеметание бывший латник Логин успели хоть как-то отскочить. А вот недавним гладиаторам, усердно работавшим мехами, совсем не повезло.

Поэтому на второй установке жаровни уже не было. Четвёртый номер расчёта сначала поджигал огнесмесь факелом, а затем, по команде метателя, закрывал жерло брендспойта железным «черпачком». Всё изготовили из материала, закупленного в Кангарде. Благо средств, полученных от «варяжского набега», хватило. Но золото имеет крайне неприятную особенность – оно всегда о-о-очень быстро заканчивается. Поэтому его сроду не хватает.

Граф отвлёкся от невесёлых воспоминаний. Вот и сейчас. Где он возьмёт неформатный жемчуг? Да ещё и такой здоровенный, как у жены Феоктистова?! Это же большая редкость. Потому и стоит ого-го... Но Ритка не отстанет. Да и самому дочку побаловать хочется. Что там у нас, в ближайшей перспективе? Вроде, партию стеклянной посуды подготовили на продажу. Ну, в принципе, на украшение хватит. Вот только Володька тогда по шее настучит. Ему древесный уголь, селитра и олово срочно нужны. Всё жалуется на медные гильзы. Раздувает их, видите ли, выстрелом. Нужны бронзовые, более крепкие.

Стоп! А почему именно бронзовые? В их мире в «мелкашке», насколько он помнил, использовали как желтенькие латунные, так и серые стальные гильзы. Стальные... Делать тонкий железный прокат мы уже умеем. Почему бы не попробовать из него гильзы нарезать? Уж всяко прочнее меди будет. Эта идея Феоктистова точно должна отвлечь. А там и очередную партию эсэсгэшных «хитрушек» успеем продать. Кальвадос, опять же, гнать начали. Коля повеселел:

– Будет тебе жемчужинка, Солнышко! Вот с посудой управлюсь, и поедем в Кангард, имперскую ювелирку смотреть.

* * *

После обеда Зубров прибыл на ближний полигон. Так они называли площадку, примыкавшую к мастерским Союза Свободных графств. Здесь было всё для классических рыцарских тренировок и многое для первичных испытаний их военных новинок. Имелись у Володьки и три дальних полигона, где Стая реально применяла новое оружие. Но туда занятый хозяйством лорд Гром выезжал очень редко. Сначала он ещё пытался тянуться за другом. Вставал рано, тренировался с копьём и клинками, лупил квинтаны. Но со временем «тыловая служба» начала поглощать почти всё время. Требовалось принимать нестандартные решения, хитрить, осваивать азы торговли... Да много ещё всякого. Одна работа с людьми чего стоила!

И как-то сама собой сложилась индивидуальная система. С утра, пока голова была свежей, он принимал решения, проводил важные встречи, опробовал новые идеи. Сильно после обеда обязательно пару-тройку часов проводил на полигоне или, на худой конец, на тренировочной площадке замка. Физическая нагрузка взбадривала, прочищала перегруженные мозги. Коля обливался водой (либо парился в бане, в зависимости от сезона), плотно ужинал и до самой ночи продолжал работать над повышением благосостояния ССГ.

В принципе, этого хватало для поддержания его, достаточно высоких, боевых навыков. Лорд Кальвадосский Гром всё ещё заслуженно считался одним из лучших храбров Нормана. Но тренировки с Феоктистовым каждый раз превращались в «избиение младенца». Что, конечно, было обидно. Но очень полезно. Ведь ещё в их мире знакомый боксёр не раз говорил Коле, что тренироваться желательнее с гораздо более сильным противником.

Вот и сейчас после разминки Володька шутя снёс его с коня в пробном турнире. А затем почти час изматывал в бою двумя тупыми, но тяжёлыми топорами. Видно было, что играл. Хотя Зубров старался из всех сил. Болели избитые руки и ноги под кольчужными накладками, учебный торакс опять превратился во что-то жёванное. Хорошо хоть удары в голову Володька старался только обозначать. Наконец, он дал роздых и достал из седельного чехла свою заветную винтовку. Не спеша снарядил основной и запасной барабаны патронами, вручил оружие Николаю:

– Отдохнул? Пойдём, по движущимся чучелам поработаем.

Стреляли они в небольшом насыпном амфитеатре. Его земляные валы выполняли роль пулеулавливателей, а также скрывали огневые тренировки от любопытных глаз недоброжелателей. Оказалось, что во внутренних стенках уже дополнительно вырыли что-то вроде укрепленных окопчиков, и сидевшие там «огнемётчики» могли за верёвки тягать туда-сюда по площадке чучела в доспехах. Отстрелялся Коля неплохо. По сравнению с первыми аркебузами-самопалами и даже более поздними мушкетами под унитарный патрон эта нарезная винтовка была достаточно точно. Да и новые боеприпасы, с шариком закалённого железа внутри свинцовой пули, пробивали любые доспехи.

– Ну как тебе? – в голосе Феоктистова сквозила законная гордость. – С такой винтовкой ты один толпу в шестнадцать рыл, не особо напрягаясь, уроешь. И никакие наираспрекраснейшие боевые навыки их не спасут.

Н-да! Страшную вещь они придумали. Хорошо хоть пока только в ССГ было огнестрельное оружие. Но Коля не обольщался. Скорее всего, это ненадолго. Слухов об их «адских трубах» ходит много. А соответственно и желающих добыть новинку становится всё больше. «Греческий огонь» вон после Троянской войны теперь почти на всех кораблях империи используют. Да и некоторые викинги, те же Скарролиги, с лёгкой руки «кровного братца» Бьорна, им разжились. Так что и огнестрел уйдёт.

Идея с железными гильзами, действительно, заинтересовала лорда Волка. Но не настолько, чтобы он отвлёкся от продажи стеклянных изделий. Это была его заслуга. После того как в Союзе научились делать жаркое топливо, именно Володька попробовал расплавить кварцевый песок. Вот только что-то более-менее похожее на стекло начало получаться далеко не сразу. Конечно посуду, в частности, бутылки из полученного расплава уже можно было

выдувать. Но выходили они практически непрозрачными, да ещё и довольно неприятными на вид. Неугомонный Феоктистов припахал «огнемётчиков», и через полгода экспериментов выяснилось, что в чистый песок требовалось сначала добавить размолотые ракушки и пепел бурых морских водорослей. Теперь торговля красивым, почти прозрачным стеклом и посудой из него давала графствам огромный барыш. Вот только лорд Волк старался почти весь доход тратить на новые исследования.

После тренировки поехали в Шансон. Там на Коле, с радостным визгом, тут же повисли оба крестника. Сьюзи, по понятным причинам, сделать этого не могла, а леди Сусанна с улыбкой подставила щёчку. Вот чья прелесть с годами лишь разгоралась! Удивительная женщина. Жёсткая, подчас жестокая, очень гордая и самолюбивая. Дворовые вообще разбегаются при её появлении. Хотя, надо отдать должное, хозяйство ведет образцово и справедливо. Несмотря на патологическую нелюбовь к хорошеньким девушкам.

Да и сама большая искусница. Постоянно что-то печет, вышивает, выращивает. И, ко всему – безумно любит Феоктистова. Ревность, зажженная леди Вероникой, и чудесное возвращение из крестового похода уже отпетого и мысленно похороненного мужа вырастили естественное девичье желание понравиться любимому в настоящую манию. Графиня много хлопот по хозяйству, но избегает больших нагрузок. Прекрасно танцует и отдает этому много времени. По совету Володьки занимается гимнастикой. В результате, от природы несколько коренастая, леди Сусанна добилась идеального телосложения. К которому стремятся теперь почти все девушки Союза. А зрелые формы лишь подчеркивают совершенство. Очень много времени уделяет уходу за собой. Бани, массажи, здоровая местная косметика. Поэтому на нежной матовой коже нет даже намека на морщины. А как она любит детей! Коля тайком вздохнул. Чутьём опытного ловеласа он давно понял, что здесь, кроме искренней дружбы, ему ничего не светило.

Пока заканчивали приготовления бани, лорды пошли в зал Железа. Посмотрели сплавы, Володька озадачил «огнемётчиков» новыми гильзами. Медные делали здесь же, поэтому уже через день можно было ожидать их экспериментальных аналогов из нескольких видов железного проката. После бани и сытного ужина Зубров остался ночевать у кумовьев. Но когда уже собрался нырнуть под одеяло, в гостевую зашёл Феоктистов со свечой и бутылкой лангедокского:

– Ну что, кум, по стаканчику? На сон грядущий.

Молча выпили. Лоза в их южной крепости была великолепной. Всё чаще друзья предпочитали красное виноградное вино кальвадосским напиткам.

– Ну что ты ходишь весь день надутый как сыч? Я же тебя сто лет знаю!

Ну да! От Волка трудно что-либо скрыть. Скрепя сердце, Коля сознался, что хотел потратить будущую прибыль на подарок дочери. Помолчали, выпили.

– Ладно, не переживай! Есть у меня жемчужина.

Феоктистов вышел и примерно через четверть часа вернулся с изящной резной шкатулкой. Внутри, на атласной подушке лежало длинное ожерелье из отборных, крупных перламутрово-серых шариков. А в центре, оправленная в небольшую серебряную розетку, лежала огромная грушевидная жемчужина. Такая, как и надо.

– Откуда это?

– Да шпиона очередного раскрыли! Это из его хозяйства. Похоже, клинья к твоей Ритке хотел подбить. Чтобы затем на папу грамотно выйти.

У Зуброва непроизвольно сжались кулаки:

– Это кто же такой приткий выискался?!

– Будешь смеяться, но получается, что Та-Кемет.

Кулаки сами собой разжались. Фигово! Даже, очень фигово. В отличие от остальных фемов империи Та-Кемет был не простой южной страной со своим особым правителем и спо-

собом прославления Бога. Скорее это было чем-то вроде Академии наук, в которой добытые знания посвящённые умело скрывали, а точнее сливали с экзотическими религиозными обрядами. Интерес его жрецов мог быть направлен только на одну цель – огнестрел. Ну, возможно, ещё и воздухоплавание. Так что, похоже, недавние нехорошие предчувствия уже начали сбываться.

– Шпион жив?

– Обижаешь! Давно отучились сначала убивать, потом спрашивать. Да и хозяин у него больно уж интересный. С таким лучше поиграть.

– Заиграться не боишься?

– Вот от тебя точно таких слов не ожидал. Мы же ничего не боимся!

«Ты-то, наверное, точно не боишься. Ульфхеднар ты наш Железнобокий!» – грустно подумал Коля: «А я вот давно стал обычным человеком. И Митгард для меня сейчас куда более реален, чем наша Страна Иванов...»

Протянул руку к шкатулке:

– Так я возьму?

– Глупый вопрос! Только про шпиона Ритке ничего не говори. Скажи – от крёстного подарок. На канун Ивана Купалы.

Феоктистов плеснул по чуть в глиняные чарки, в которых виноградное вино приобретало особый аромат, и откланялся, пожелав спокойной ночи. Но сон уже ушёл. Мысли опять захлестнули Зуброва. Служба по защите секретов в ССГ теперь была поставлена крепко. Волк даже как-то раз её «КГБ» окрестил. А разведчикам неожиданно понравилось. С тех пор сами себя «Колдунами графской безопасности» называют.

Началось всё в 6701 году, с крохотной сети шпионов баронства Шансон в Кангарде. Её составляли сквайр Джонни (под личиной «мельника Макэра»), Матильда Гарм, да Лизетта с едва живым мужем Мидлтоном. Но ребята не подвели. В середине января, почти сразу после возвращения баронов в Шансон, туда прибыл и оруженосец сэра Волка с добытой ими развед-информацией: каратели принца намеревались напасть на союзные феодалы после отбытия «Чина Ангельского». То есть, через месяц-полтора.

Это заставило закрутиться как ужаленных. Володька аж взвыл тогда. Нужно чудо-оружие! Лучше всего, огнестрельное. А это литой или сверлёный металл, твёрдая огнесмесь и какая-никакая взрывчатка. Но ничего даже подобного не было! И взять можно разве что в Трое, у мифических Духов Огня... Так что, после некоторого размышления Феоктистов затеялся с огнём.

Уже в первую неделю появился и первый шпион из тайной стражи принца. Правда, слишком любопытный и зыркающий во все стороны купчик долго не прожил. Арча Вислоносого встревожил его груз изукрашенной посуды, как-то не подходивший для сбыта в нищем провинциальном феоде. С подозрительным обозом обошлись «по закону военного времени». Затем был бродячий гистрион, довольно несвоевременно решившийся на путешествие верх по зимнему Диву, и личный посланец владыки Вениамина. Гистрион, кстати пел довольно посредственно. Поэтому он просто «пропал без вести» после гастролей в Шансоне.

А вот ликвидировать священника сэра Волк не стал. Впрочем, скорее всего, того спас Всевышний. В очередной раз. Потому что направил епископ не кого-нибудь, а самого Хельмута. Отважный германец, наконец-то, получил сан приора. Но вместо возрождения «Гнева Господня» был направлен с разведывательным заданием. На его счастье, воину Церкви нужно было сначала восстановить связь с храмовниками Гринеберга. Но возле заблокированного феодала «вольные стрелки» из засады засветили разведчику оглушающей стрелой по голове. Его конвой перебили, а самого пленённого приора Робин Гуд решил допросить.

Хельмут, принявший постриг под именем отец Илья, рассказал атаману чистую правду. Всемиловейший Владыка, лично крестивший баронов Шансона, переживает за дальней-

шую жизнь новообращённых христиан. Настолько, что решил послать им для постоянного духовного наставления и поддержки своего смиренного священника. Епископ выразил пожелание, чтобы в своём феоде новокрещённые возвели храм Божий. В котором отец Илья, на первых порах, смог бы вести все потребные службы и литургии.

Конечно, оба быстро поняли, кто кем является. И непримиримый борец с нечистью, и удачливый вожак лесных разбойников были слишком известны в Нормане. Но оба сделали вид, что ничего особенного не произошло. Отца Илью просто доставили на лесную базу «вольных стрелков», где и поили-кормили в обществе отца Бума и Жана Молотобойца до самой битвы с карателями.

Спустя где-то ещё три недели Феокистов провёл ряд бесед с новыми рабами. После показательной расправы над «непримиримыми» вели они себя достаточно спокойно, но у половины в душе засел гнев. Ведь покупали-то потенциальных воинов. Это и использовали. Всем дали свободу, но в обмен предложили выполнить тяжёлую, опасную, но посильную службу – несколько недель отдежурить на сторожевых вышках в зимнем лесу. А в случае успеха обещали освободить ещё и их симпатий. Плюс – выплатить по паре эку серебром. Каждому. Так сказать, на дальнейшее обзаведение. Причём, информировали, что на самый опасный участок, в наблюдательный пост у Кангарда, уже согласился пойти Спартак из Гаскони.

Это был очень удачный ход сэра Волка. Так он разом сумел и избавить харизматичного лидера «непримиримых» от неволи, и организовать ему обещанное «развлечение». После того как Спартак, без ошейника раба, с копьём и луком, подошёл к бывшим товарищам по несчастью и лично выбрал себе двух помощников, остальные рабы соглашались послужить Стае даже с радостью.

Через 11 дней, 26 февраля 6701 года, с площадки наблюдательного поста у Шансона поднялся тревожный дым. Враг начал движение.

Глава 6

6718 год от Сотворения Мира, 06 июля

Леди Эммилия де Гринеберг достала волшебное зеркало и уже почти полчаса задумчиво созерцала отражение. В отличие от водной глади или изделий из полированного металла в нём всё получалось особенно беспощадным и отчётливым. Таких зеркал во всём мире было всего штук пять. А это ещё и отлили первым. Ну, если не считать неудачных экспериментальных предшественников.

Насколько она знала, сэръ Волк как-то приказал «огнемётчикам» залить расплавленным стеклом серебряную поверхность. Но слишком горячая жижа из кварца с наполнителями постоянно размягчала и коробила металл, от чего зеркальной поверхности не получались. Но затем кто-то догадался сделать наоборот – залить жидким серебром уже готовое стекло. И эффект превзошёл ожидания.

Из глубины резной тёмной рамы на леди взирала грустная зазеркальная ведьма. Там у них всегда было чуть темнее, чем в Яви, от чего даже в солнечный полдень отражения казались несколько смурными. Сейчас же копия Эммилии вообще была полна печали. Первое время леди упорно пыталась наладить хоть какое-то общение с зазеркальной визави. Но всё оказалось напрасно. Отражение упорно не отвечало на человеческие потуги. Оставалось лишь подмечать малейшие нюансы настроения жительницы той стороны. И, как правило, это приносило нужные плоды.

Как-то муж застал её за этим занятием. Эммилия сначала смутилась, накрыла зеркало платком. Но потом, повинуясь неясному душевному порыву, рассказала лорду о получении пророчеств зазеркалья. Николай, обычно саркастически-насмешливый, неожиданно внимательно выслушал. Взял достаточно небольшое зеркало за ручку и полюбовался своим отражением. Которое так же легко, как и он в Яви, улыбалось:

– Знаешь, моя дорогая, а ведь ты, скорее всего, права! У женщин вообще сильно развита интуиция. А уж у тебя и подавно. Здесь же ты можешь рассмотреть, как бы со стороны собственные, но ещё не явные для тебя выводы и предчувствия. Получается, что через зеркало ты как бы беседуешь с собственным подсознанием!

Загадочного слова «подсознание» она не поняла. Тем более что пояснять муж, как всегда, ничего не стал. Но многозначительный проговор лишний раз напомнил, что её лорд являлся могущественным магом. Да не каким-то обычным заклинателем или некромантом, а адептом таинственного «Огня и Железа». Не зря же Гесперон Бессмертный ему простым оруженосцем присягал... Эх, дура она, дура!

Леди Эммилия неторопливо убрала зеркало в специальный футляр, высланный бархатом. Показалось, или отражение в конце слегка улыбнулось? Как бы поощряя за понимание. Ну что ж, будем пробовать ещё. В молодости она сильно сглупила и до сих пор не могла исправить ошибку. Но теперь у неё должно всё получиться! Вон эта курица, леди Вероника де Аржантан, месяц назад уже двенадцатого малыша родила!

Сегодня ночь Бельтана. Или, как её теперь ещё называют – канун Ивана Купалы. Да, собственно, дело не в названии. Главное, что Колесо Года вновь повернёт к тёмному началу. А с ним воспрянет и всё, подвластное Тьме. Папоротник на месте старого боя никто не тревожил. Призраки сгоревших всё ещё надёжно отпугивают от этого места. Так что если, где и удастся найти цветок, то только там. Главное, не сглупить и успеть правильно им распорядиться. А то с Тьмой шутки плохи. Леди Эммилия решительно поднялась. Значит, нужно успеть. Подготовиться, отдать необходимые распоряжения. И залегендировать своё ночное отсутствие перед мужем. Последнее, пожалуй, будет наиболее трудным.

Но сегодня удача повернулась к ней нужной частью. Не прошло и часа, как лорд убыл с обозом на Купальскую ярмарку. Рита, естественно, увязалась с отцом. Хороший знак! Оставалось лишь добыть сопровождающего. Цветок папоротника, конечно, ищут в одиночестве. Чтоб не делиться волшебной удачей. Но у неё другой случай. Может, именно к этому и относилась поощрительная улыбка отражения?

Несмотря на то, что сэр Гром спас Эммилию прямо с церковного костра, настоящей ведьмой она тогда ещё не была. Скорее просто талантливой лесной ведуньей. Но их кельтская традиция, ставящая ночь или тьму прежде дня и света, всегда бесила новых служителей Единого. А уж вкупе с её независимым и крайне свободолобивым нравом... Итог, в принципе, был закономерен.

Девичья краса Эммилии привлекала многих. Но если крестьянские парни, получив незамысловатый «от ворот поворот», просто злились и ругались, то молодой шевалье де Карантан повёл себя иначе. Как же! Он же благородный отпрыск самого всесильного барона. Ему всё можно. Правда, ловкая ведунья смогла сначала вырваться из похотливого хвата, а затем ещё и не попасться посланным в погоню егерям. Шевалье посчитал себя оскорблённым и публично обвинил юную лесовичку в чёрном колдовстве. И тогда уже её поисками занялся «Гнев Господен». А от этих долго не побегаешь.

Эммилию передёрнуло от воспоминаний. Хорошо хоть у борцов с нечистью не было принято насиловать пойманных. Она ведь была ещё девой. Да и озабоченному шевалье, сколько тот ни просил, «гневники» не разрешили. Её, вместе с настоящими ведьмами, просто поставили на костёр. Появление баронов Шансона, бой и спасение стало для неё самым настоящим чудом. Поэтому в комнате хазарского домовладения она с благодарностью отдалась чудесному рыцарю. Ей казалось, что сам тёмный бог Диспатер послал молодого и отчаянного сэра Кальвадосского Грома. Но, увы! Утром за спасителем приехал сэр Волк и увёз на турнир. А ещё через два дня всех женщин, прятавшихся у хазар, после очередной трапезы с разбавленным вином сморил крепкий сон. Очнулись они уже связанными. Вероломные хозяева сначала вволю натешились с пленницами, а затем продали рыцарям ордена Храма.

О прецептории Гринеберг давно ходила дурная слава. Эммилия же вживую увидела, что братья-рыцари действительно оттачивали воинские навыки на живых людях. Пока пленники были здоровы и полны сил, их заставляли биться с тамплиерами голыми руками. Практически всегда воины Храма побеждали. Затем рабов, с переломанными и вывихнутыми конечностями, сокрушёнными рёбрами и разбитыми лицами, опаивали какой-то возбуждающей жидкостью и давали боевое оружие. Рыцари же выходили с тупыми мечами и копьями. И опять побеждали. Причём, убивали очень редко. Но и уцелевшие, как правило, уже представляли из себя жалкое зрелище. Мало кто мог двигаться. Если сохранялась подвижность верхних конечностей, то их в третий раз ставили на ристалище. На этот раз давали пучок тонких дротиков-сулиц, либо лук с боевыми стрелами. А храмовники учились преодолевать площадку под обстрелом. И лишь когда «живые квинтаны» уже совершенно ни на что не годились, на них отработывали калечащие и смертельные удары. А части павших ещё несколько дней служили мишенями для стрел и дротиков.

К несчастью рабынь, храмовники сдержанностью «гневников» не отличались. Хотя тоже считались монахами. К тому же, кроме братьев-рыцарей в прецептории оказалось ещё и несколько десятков их «боевых послушников», набранных из самого отребья Нормана. Поэтому невольницам пришлось ещё тяжелее. Эммилию спасло лишь то, что ещё до первого выхода на ристалище её увидел настоятель. Которому очаровательная кельточка приглянулась настолько, что тут же попала в его келью. Где продержалась до самого штурма Гринеберга.

Графиня досадливо взмахнула красивой укладкой. Да что за гадости сегодня в голову лезут? Не об этом сейчас нужно думать. Она чинно прошла в крохотную часовню святого Гинифора, где опустилась на колени и искренне восславила Диспатера. Очень быстро, не смотря на

светлый день, почувствовала ласковый отклик Тёмного Отца. Внимание божества наполнило силой, и Эммилия уверенно окликнула:

– Гинефор! Иди ко мне, мой хороший.

Практически сразу слева под локоть ткнул влажный собачий нос. Графиня с улыбкой повернулась. Рядом стоял крупный поджарый пёс. Точнее, сумрачное отражение. Гинефор и в Яви умудрялся выглядеть жителем зазеркалья. Лишь глаза горели внутренним огнём, сразу напоминая ночные страхи.

– Славный пёсик! Сегодня ночью помоги мне найти цветок папоротника.

Зверь слегка рыкнул, явно оскорблённый приказом. Это противоречило всей его натуре. Здесь святой Гинефор заслуженно почитался как целитель детских болезней. А в Та-Кемете ему поклоняются как сопровождающему души умерших в Навь. Так что Эммилии всегда было трудно с этой зверюгой. Это при Хольде он вёл себя паинькой. В своё время, по её просьбе, исцелил двух смертельно раненых мальчишек Ванланда. А затем, ещё до захвата Гринеберга, также в угоду могущественной парке, массово вылечил ребятишек Шансона. Они там с голоду всякую гадость есть начали. Вот кишечную эпидемию и подхватили. Зато после этого Гинефор стал почитаться местными как святой. Ребятишки уж больно тогда им восхищались!

Леди не удержалась и погладила сумеречный загривок. Под рукой заискрило, ладонь ощутила огромную мощь. Интересно всё-таки получилось. Святой – это ведь маг, творец чудес, исцелитель, заступник слабых и принижённых. «Своего» святого всегда ценят выше, чем «чужих», гордятся его могуществом. Вот и в Гринеберге, едва она захотела построить часовню во славу святого Гинефора, крестьяне чуть не в очередь выстроились, умоляя разрешить стать хоть чуточку причастными.

Вообще в местах, где распространялась вера Андроника-Ангела, бывшие божества, если не отвергались церковниками всецело, то либо превращались в новых святых, либо деградировали до нечисти. Лишь вот этот сумеречный зверюга избежал общей участи.

– Ты пойми, Гинефор! Помощь нужна нашему будущему ребёнку. Я же, как дар от Хольды приняла, потеряла возможность детей иметь. Да ещё и на лорда Николая, по глупости, кольцо безбрачия накинула. Приревновала, что он налево и направо баронским семенем разбрасывался. Бастард ещё этот... Да ладно! Гинефорчик, я никак не могу это заклятие дурацкое снять!! Что только не делала. Заигралась я, похоже, в могущество. А нам наследник нужен. Мальчик! Понимаешь? Очень нужен. Вон этот бастард, Людомир, уже замком в Лангедоке распоряжается! А лорду законный наследник нужен! Законный. Мой сын...

Она разрыдалась. А пришелец невозмутимо взирал сбоку. Ну, конечно! Он и не такие драмы видел. Если действительно умерших сопровождает. Леди отёрла слёзы. Когда «бабушка Линде» перед смертью передала ей часть своей силы, Эммилия была на седьмом небе от счастья. Ко всему прочему, она думала, что и этот четвероногий помощник перейдёт к новой хозяйке. Но всё оказалось сложнее. Гинефор слышал её, иногда приходил на зов. Особенно с тех пор, как Эммилия догадалась сначала заручаться благословением Диспатера. Но и только. Независимого пса каждый раз приходилось упрашивать сделать что-либо. Причём, без какой-либо гарантии успеха. Вот и сейчас, он явно не собирался помогать.

– Гинефор! Мне нужно снять с себя дар ведьмы. Я хочу заключить его в золото и волшебное зеркало. Переложить в клад, понимаешь? Но для успеха мне нужен цветок папоротника. С его силой переклад получится. Я не искать клад хочу, а заложить!

Пёс смешно склонил голову набок. Ну и что это значит?! Вдруг он дёрнулся, вытянулся по струнке, словно солдат по стойке «смирно». А затылка повернувшейся коснулся холод.

– Ты уверена в своем решении?

Голос у Хольды за прошедшие годы не сильно изменился. Но теперь это была уже не знакомая «бабушка Линде», веками прятая древняя долгожительница, а полномост-

ная парка, повелительница судеб. Повернувшись, Эммилия увидела только её пронзительные синие глаза, сиявшие на фоне иконостаса:

– Да, благословенная Хольда! Я уверена.

– За всё нужно платить. Не так просто изменить раз выбранную судьбу.

– Я готова!

– Ты ещё молода и глупа, Эммилия.

– Я очень глупа, бабушка Линде! Но я очень хочу всё исправить.

– Всё исправить невозможно.

– Но хотя бы то, что в моих силах! Я очень хочу родить и вырастить лорду Николаю достойного законного наследника! Помоги мне, бабушка!

– Хорошо. Делай, что задумала. Гинефор поможет с кладом. Заодно заберёт призраков. Дальше всё будет зависеть только от тебя и твоей силы...

Очнулась леди Эммилия в своей постели. Как выяснилось, только через два дня. У неё был сильный жар. Сознание всё ещё продолжало мутиться. Стопы, голени и предплечья покрывали многочисленные ссадины и царапины. Правда, уже заботливо промытые и заживающие. Ногти на руках были жестоко обломаны. Приготовленное для клада золото и волшебное зеркало исчезли. Служанка рассказала, что ближе к рассвету находящуюся в беспмятстве леди принес к замковому рву странный тёмный силуэт. Больше всего, по словам часовых, он походил на высокого тощего человека в шлеме из большой волчьей головы. Только двигался как-то странно. Более подробно рассмотреть не удалось. Платье владелицы оказалось в полном беспорядке, разорвано и выпачкано в земле. Из спутанных волос торчали листья молодого папоротника. Но следов насилия на теле не было. И это сильно обрадовало тридцатичетырёхлетнюю графиню. Если уж ей суждено ещё раз родить, то только от любимого мужа.

* * *

6701 год от Сотворения Мира, 27 февраля.

– Ульф-хед-нар! Ульф-хед-нар!! Ульф-хед-нар!!! – в иступлении орала Стая, вздымая копья. Галлы ритмично били топорами о щиты. Пахло гарью, жжёным мясом и свежей кровью. А уцелевшие каратели, сбившись в кучу на фоне горящего лесного завала, испуганно тянули вверх дрожащие руки. Их оружие валялось в грязи. Феоктистов стоял на бруствере, машинально тиская рукоять так и не пригодившегося меча. Это победа! Скорее всего, ещё не окончательная. Но решительная. Как на Курской дуге. Он физически ощущал несущие крылья своей Хамингья. Казалось, ноги вот-вот оторвутся от земли. Но стиснутое ожогом лицо скрывало бушевавший фонтан победной эйфории.

А ведь казалось, ничего не получится! Чем больше Феоктистов готовился к нападению, тем меньше у него оставалось уверенности. Слишком много неизвестных приходилось решать. Он упорно анализировал обстановку, часами просиживая над самодельной картой. Но в голове царил суший сумбур. Куда пойдёт первый удар? Как враг будет выдвигаться? До Шансона фактически один путь. По имперскому тракту. Занимает порядка десяти – двенадцати часов. Значит до Аржантана каратели смогут добраться на вторые сутки, до Канантона – на третьи. Если сэкономят на привалах. В этом случае им выгодно бить наши феоды поочерёдно, по мере продвижения. Как и предполагал сэр Жан... Правда, так враг сам рискует получить удар с тыла! От дружин ещё не атакованных владетелей. Будет так рисковать? Скорее всего, нет. Ладно. А что может предпринять ещё? Да, элементарно, Ватсон! Задействовать водный путь. Благо реки в Нормане никогда толком не замерзают. Из Кангарда, что до Аржантана, по Орну, что до Канантона, по реке Ви, можно добраться за четыре – пять дней.

Итого, что получается? Каратели могут неожиданно ударить в любом месте. Офигеть! Причём, даже объединиться для отпора будет проблематично. Успеть собрать союзные дружины можно только при условии, если враг поплывёт по рекам. И если разведка о его выдвижении сумеет своевременно сообщить... Самое же неприятное заключалось в том, что планиро-

вал нападение начальник тайной стражи. А уж де Крюсьен-то собаку на этом съел. Наверняка и все расклады уже просчитал, и какие-нибудь новые пакости придумал. С него станется. Одна попытка их отравления в Кангарде чего стоила! Прямо на приёме у Чина Ангельского. Хорошо хоть амулет Гесперона вовремя на яд сработал. Так маркиз моментально сам виночерпия и зарезал. Никто и охнуть не успел. Сто пудово – бедолага лишь выполнял его приказ. Но, «не пойман – не вор»! Как же узнать, что решит де Крюсьен?

Кое-что, конечно, удавалось. В частности, Бьорн подсказал хорошую идею для остановки речных караванов. Предложил разбить корпуса кораблей водным тараном. Попробовали. Соорудили мощное бревно с вбитыми в оба комля камнями, обвязали четырьмя верёвками. Два конца оставили на одном берегу Дива, два вывезли на другой. Викинг показал дружинникам, как тянуть. Сначала группы, с верёвками в руках, побежали по обоим берегам вверх по течению. Пока бревно не начало движение вслед. Затем резко развернулись и помчались обратно. Таран остановился, поплыл вспять, а там и ускорился за счёт начавших тянуть верёвок. В конце требовалось ещё и с двух концов одновременно поддёрнуть его. Долго не понимали зачем. Но когда пустили ещё и бревно-мишень, всё встало на свои места. Вовремя сделанный рывок придавал тарану инерцию. И получался не просто сильный тычок, а сокрушительный удар. Правда, от этого камни из комлей выпали, и новые пришлось фиксировать железными скрепами.

С тараном начали регулярные тренировки. Но тут возникли новые вопросы. Где придётся его применять, на Орне или Ви? Реки имели разную ширину и совершенно иной рисунок берегов. Если на более широком Орне найти место для побегушек с бревном ещё можно было, то сплошь заросшая Ви мало для этого подходила. Бьорн отобрал восемь молодцев и обследовал с ними ближайшие участки. На Орне им понравился плёс возле рыбацкого Веря. Попробовали, подобрали оптимальную длину верёвок. А затем обучили работе с речным тараном засадников, блокировавших Гринеберг. Для надёжности приказали изготовить ещё два. После чего убьили обследовать Ви. Тут им здорово помог Жак Хитрован, показавший удобную стрелку в месте впадения безымянной речушки, где раньше он частенько браконьерил уток.

Сам Феоктистов сосредоточился на сухопутной засаде. Место было подобрано ещё осенью – заросшая кондовым лесом низина на имперском тракте, недалеко от Гринеберга. Вот только требовалось как-то ухитриться оборудовать там скрытные позиции копейщиков и лучников, да ещё и занять их перед самым подходом неприятеля. И всё это на виду у проезжающих. Но даже не это было самым сложным. Главная проблема упиралась во время. От Кангарда до выбранного места войско с обозом могло дойти всего за пять часов. Так что посадить дружинников в засаду даже с Шансона можно было не успеть. Не говоря уже об Аржантане или Канантоне.

Взрыв экспериментального огнемёта осенил сэра Владимира буквально везде. Сначала, в прямом смысле. Огнесмесь накрыла клубком. Правда, здорово спас тёплый плащ. Руки практически сами сорвали его с плеч, скомкали огнём внутрь и бросили вниз. Для верности Феоктистов плюхнулся сверху животом. Затем сдёрнул пылающий шлем. Продолжали гореть лицо и перчатки. Физиономией уткнулся в снег, а когда понял, что не помогает, в тот же плащ. Вскоре, от недостатка кислорода, горение прекратилось. Лишь тогда пришёл черёд перчаток. Одну за другой подмял под себя, рывком сдернул с рук. А затем принялся тушить орущего Логина.

Боль была адская. Пламя обезобразило лицо и спалило часть волос. Пришлось сбрить налысо. Бабушка Линде сразу обработала ожоги снадобьем из костей Индрика. Немного полегчало, но внешнего вида не изменило. Когда Феоктистов посмотрел на своё отражение в ведре с водой, первой мыслью было: «Всё! Можешь забыть о леди Веронике...» Но тут же сзади кто-то положил узкую ледяную ладонь на его левое плечо: «А ты разве ещё на что-то рассчитываешь?» Оглянулся – никого! Но холод из плеча не уходил. И голова заработала лучше. «Впрочем, для боя моё состояние не помеха. Я же, вроде, хотел лишь защитить леди Веронику? Так

вперёд! Зато теперь точно знаю, что врагов лучше всего сжечь. Что бы им досталась эта мука!» А затем пришло и понимание. Не подстраиваться под противника нужно, а сделать так, чтобы он поступил, как требуется. Например, сам вышел на подготовленную засаду.

Впрочем, пульсирующая боль мешала даже думать. Как оказалось, «каменная кожа» совсем не спасала от пламени. Хорошо хоть глаза почти не пострадали. А то мог бы и ослепнуть вдобавок. Вечером, когда бабушка повторно обрабатывала ожоги, было так больно, что всё же спросил про «каменную кожу». Почему, мол, не помогла? Оказалось, применение целебного зелья снимало эффект. А он-то полностью им натирался! Слегка потыкал в руки кинжалом и погрузился – сверхъестественной защиты больше не было. Весьма не кстати! Вспомнил ещё одну странность:

– Бабушка, а кто мне сзади слева подсказывает? Там же, вроде, бес сидит?

Колдунья удивлённо взглянула:

– Я думала, ты уже догадался. Ты же её ещё на Йольском обряде увидел.

– Кого?

– Смерть. Она у тебя теперь вместо беса за левым плечом стоит.

Лицо аж болеть перестало. Корни волос зашевелились на голове:

– Зачем?!

– Да не расстраивайся! Наверное, за тем же самым. Жизнь твою отслеживать. Подтолкнуть, если ошибёшься. Она ведь тоже что-то вроде демона. Впрочем, кому как. У многих истинных воинов слева встаёт. Вы же её сеятелями в Яви становитесь. Но от неё и польза есть. Если всё правильно делать, в опасности своим крылом может помочь. Вместе с ангелом-хранителем. Так, на двух крыльях, и вынесут.

Феоктистов некоторое время осознал новость. Затем ухмыльнулся:

– Бабуль, а когда смерть и ангел на своих крыльях несут, это, случайно, не Хамингья называется?

Старушка ласково чмокнула его в бритую макушку и неторопливо начала собирать целебные принадлежности:

– В какой-то мере, внучек. В какой-то мере... В тот момент она меж ними как раз и зарождается. Ну, либо растёт, коли уже есть.

Именно осознание близости смерти вернуло сэру Волку победный кураж. Для верности он ещё раз съездил к мудрому сюзерену. Но тот лишь одобрил идею спровоцировать карателей выступить к конкретной дате. Поэтому сейчас, наблюдая картину разгрома вражеского авангарда, Феоктистов чувствовал законную гордость. Он смог перехитрить самого начальника тайной стражи!

Правда, сначала пришлось наступить на горло собственным чувствам и предложить союзникам сыграть свадьбу. Да не чью-то, а сына владельца Аржантана, сэра Уильяма, и вдовы барона де Трейси, леди Вероники. Причём, уже через месяц, перед самым началом Великого поста, не дожидаясь окончания её годовичного траура. Как и ожидалось, сначала идея шокировала друзей. Не то что бы кто-то был против. Но столь явное пренебрежение традициями у галлов не приветствовалось! Поэтому, в узком кругу, пришлось немного пояснить свою идею.

Расчёт сэра Волка строился на особенностях местной системы получения разведывательной информации. Определённые выводы он сделал из многочасовых бесед с Робин Гудом, Арчем Вислоносым и многоопытной Матильдой Гарм. А также из собственного опыта работы с маленькой сетью шпионов. Итак. Достоверно известно, что тайная стража принца готовит нападение на феодалы союзников. В связи с чем ведёт активное наблюдение за ними. Несколько агентов, нейтрализованных в Шансоне, скорее всего, не испортили вражескую систему получения информации. Следовательно, требовалось вслепую заставить её передать нужные сведения. Причём, простая дезинформация тут не подходила. Матильда рассказывала об используемых маркизом способах перепроверки важных сведений. Нужно сделать так, чтобы де Крюсьен

получил взаимодополняющие важные сведения сразу от нескольких независимых источников. Причём, такие, что не прореагировать на них просто не смог бы, а вариантов действий у него оставалось мало.

Нарушение традиций подходило по всем статьям. Из-за широкого резонанса оно просто не могло остаться без внимания маркиза. К тому же, данный шаг выглядел логичным завершением истории с уничтожением конвоя де Трейси. Но главная фишка заключалась в другом. Основная, скрытая идея свадьбы была в законном объединении Аржантана и практически равного ему баронства Трейси. Соответственно, сын благородного Торина получал красавицу-жену и свой феод в кормление, а сам владетель фактически удваивал боевые силы и возможности.

А вот это врагу уже совсем не нужно. Далее. На свадебные торжества союзные феодалы, как и положено по рангу, поедут в сопровождении сильных дружин. То есть, на короткое время ослабят, причём существенно, защиту и Шансона, и Канантона. Лишь в Аржантане численность войск значительно возрастёт. Свои выкладки сэра Волк привычно иллюстрировал разложением палочек на тканевой карте.

– Ты что, хочешь подставить под удар карателей себя и благородного Волкула? – озабоченно нахмурился Торин.

– Именно, брат! – просиял Феоктистов. – Смотри. Для быстрого удара по Шансону есть только один путь – имперский тракт. Уже за полдня можно дойти. До владения благородного Волкула по дорогам добираться около четырёх дней. Но за столько же можно и по Ви. Чтобы бы ты сделал в данной ситуации, на месте военачальника принца? С учётом достоверной информации о том, что гарнизоны и Шансона, и Канантона сильно ослаблены. Правда, на очень небольшое время?

Тактическая задача заинтересовала всех. Сэр Уильям, похоже, первым, нашёл решение, но лишь вопросительно взглянул на отца. Тот согласно кивнул:

– Давай, сынок! Посмотрим, что опыт крестоносца подскажет.

– Я бы нанёс два одновременных удара. Сначала выдвинул часть войска по реке к Канантону. А дня через два-три по тракту подошел бы и к Шансону. Для осады ослабленных замков слишком много народу не нужно. Полутора-двух сотен более чем достаточно. Одновременно окружить оба замка, начать обстрел из двух-трёх осадных машин. Главное, иметь рядом с ними сильный резерв, чтобы отбить возможную вылазку. А при удаче можно и на «плечах» ворваться в замок... Но гораздо надёжнее за один-два дня, пока осаждённые заперты, спалить деревни и захватить рабов. Кстати, Канантон построен из дерева. При наличии осадных машин и зажигательной смеси я бы просто попробовал поджечь его. При наличии двух сотен осаждающих можно управиться за два дня. С Шансоном труднее. Крепость каменная, можно только постепенно разбить ворота и башни камнемётами. А это долго. Проще просто запереть гарнизон, имитируя подготовку к штурму. А за те же два дня полностью разорить посад. Затем группа войск от Канантона и большая часть группы от Шансона выдвигаются с двух сторон к Аржантану. Где всё ещё проходят свадебные торжества. И всё – мы в кольце. Разгром лишь дело времени. Для верности, можно сюда ещё и резерв подкинуть. С дополнительными осадными машинами.

Айвенго настолько увлёкся, нанося обстановку на карту, что начал говорить о войске карателей как о своём:

– Жжём посад и деревни, поджигаем Аржантан. С учётом, что войск здесь... то есть у нас, много, мы наверняка пойдём на вылазку. Но тут каратели могут активно задействовать и камнемёты, и баллисты, да и простых стрелков. А затем уже ударить во фланг или даже в оба конницей.

Сэр Уильям погрузился:

– Скорее всего, с нами они справятся. А затем вернутся и добьют Шансон.

– Плохая идея, сэра Волк! – подвёл итог благородный Волкул Канантонский.

А Феоктистов развеселился:

– Конечно, плохая! Если мы, действительно будем играть свадьбу!

– А мы не будем? – удивлённо вскинулся Айвенго.

– Пока нет. Всё-таки, траур нужно завершить, как положено. Думаю, свадьба летом тебя устроит даже больше. Но об этом должны знать только мы с вами. Больше никто! Включая домочадцев, руководство дружин и их родню. Крестьяне и рабы пусть готовятся к торжествам. Да, самое важное! Благородный Волкул, тебе предстоит самая трудная задача: подготовить леди Веронику. Если она согласится на свадьбу с сэром Уильямом, прекрасно. А вот если заупрямится, постарайся уговорить. По большому секрету можешь сказать, что это будет лишь большая подготовка к летнему обряду. Но в подробности даже дочь не посвящай!

Владелец Канантона согласно кивнул, и Феоктистов продолжил:

– Единственное, что мы сделаем не так, это выдвинемся в Аржантан, во главе своих торжественных отрядов, немного раньше. Войска при этом берём больше и вооружаем для полноценного боя. Копья, клинки, тройной запас дротиков и стрел.

Он ткнул пальцем на дорогу, ведущую с имперского тракта в Гринеберг:

– Вместо Аржантана собираемся здесь! Карателей, идущих к Канантону, мы встретим на реке. Но на вторую засаду сил у Шансона просто не хватит. Да и занять её нужно будет практически сразу, как враг выйдет из Кангарда. А отсюда – успеваем. Созданная нами система дымового оповещения уже запущена, люди ждут. Надеюсь, сигнал мы получим вовремя. Но даже если и нет, есть у меня ещё одна хитрушка. Но она сможет оповестить только эту группировку.

Он ещё раз ткнул пальцем в гринебергскую дорогу.

– Хорошо, брат. Мои галлы с тобой! – важно кивнул Торин.

– Мои галлы с тобой! – повторил его жест Волкул.

– Сэр Уильям! – обратился Феоктистов к задумчивому племяннику. – Мне нужна твоя помощь с речной засадой. Сможешь грамотно уехать из Аржантана, чтобы все были убеждены, что готовишься к свадьбе?

– Конечно, дядя. Я всегда с тобой!

Вот так всё и получилось. Пришлось, конечно, попотеть, оборудуя место встречи. «Хитрушка» заключалась в том, что сэра Волк выставил на имперском тракте две таможни. Пятнадцать вооружённых всадников перекрыли его со стороны Кангарда, в пяти милях от гринебергского поворота, и ещё пятнадцать со стороны Фалеза, в пяти милях от шансонского. Они останавливали всех, кто намеревался проехать или пройти по тракту. Поясняли, что в «окрестностях Гринеберга совсем распоясались разбойники», и бароны Шансона организовали охрану наиболее опасной части пути. Всадники предлагали путникам, совершенно бесплатно, сопроводить их до второй таможни. С одним привалом по пути, у частогокола посада Шансона. Почти все соглашались. Всё-таки сладкий принцип «халявы» работал и в Митгарде. Вот только сопровождали таможенники так, как им было удобно. Сначала формировали из путников достаточно большой караван. Что занимало порой очень много времени, но было оправданно. А пока они этим занимались, гладиаторы спокойно оборудовали место будущей засады. Перед прохождением караванов работы замирали, а их следы маскировались.

В принципе, управились за три дня. Тут уж специфические навыки Шарля из Куне здорово пригодились. Почти на треть мили кондовый лес, расположенный в низинке, подготовили к валке на тракт – распределили деревья за бригадами секироносцев и даже частично подрубили. Чтобы потом меньше возиться. Сверху, на взгорке, за линией уложили троянские препятствия против конницы, из длинных острозаточенных кольев, соединённых поперечными жердями. Вот только сделали их аж тройными. А посередине связки из шести поднимающихся жал оставили место для двух живых копыеносцев. Сзади их должен был контролировать галл с луком и секирой.

В начале засады, там, куда планировали допустить голову вражеской колонны, раскопали удачно стоящий холмик. Внутри собрали из жердей подъёмную площадку для огнёмёта. В конце засады подходящего взгорка не имелось, поэтому аналогичную позицию для второй установки насыпали вручную. А на верхушки второго ряда деревьев повесили бочонки с огнесмесью. Попадание в них горячей стрелы вызывало взрыв и накрытие горячей жидкостью достаточно большой площади.

Со стороны низины деревьев к падению было подготовлено гораздо больше. Этот рукотворный завал должен был физически воспрепятствовать бегству врага в ту сторону. За ними свалили и уложили друг на друга верхушками в сторону будущей засады еще три линии деревьев. Их ветви образовали естественный «лес копий», а очищенная площадка должна была сработать для остановки планируемого пожара. Всё-таки тупо сжигать свой любимый Фалезский лес бароны не хотели. Были предусмотрены и отсечные позиции на тракте, для остановки тех, кто всё же смог бы вырваться из огневой засады вперёд или назад по ходу движения.

С учётом подхода семидесяти всадников с Волкулом Канантонским и шестидесяти с Торином Аржантанским, под контролем галлов в засаду смогли поставить более трёх сотен неподготовленных воинов. Из которых сорок четыре были уже проверенными гладиаторами, а остальные – освобождёнными бывшими рабами, купленными в Кангарде. Их даже успели несколько раз потренировать. Воины имитировали рубку и валку намеченных деревьев, затем бегом занимали позиции и поднимали рукотворный «лес копий». Передний в паре дополнительно закрывался щитом. И результат себя оправдал. Тем более, что во вражеской колонне оказалось не четыреста, а всего чуть более двухсот пятидесяти карателей.

Глава 7

6718 год от Сотворения Мира, 07 июля

«Вот почему дурные вести всегда так не кстати?!» – философски подумал лорд Владимир, рассматривая румяный бок запечённого сазана. Склонившийся в поклоне сквайр из КГБ с профессионально бесстрастным лицом только что доложил о прибытии гонца из Гринеберга. Раз уж решились прервать во время столь редкого лакомства, сообщение у того срочное. Соответственно, ничего хорошего не несёт! Приятные новости приходят другим порядком и никогда не портят аппетита. А ведь «человек есть то, что он ест»... Шериф небрежно отмахнулся:

– Пусть обождёт! И скажи Жильберте, пусть ещё облепихового взвару сделает.

Придумав отсрочку, облегчённо вздохнул и с наслаждением приступил ко второй рыбине. Дело Чарли Дорингема всё более процветало. Как готовить-то теперь в трактирах научились! Жирнющий сазан с травами запечён в сметане до нежной коричневой корочки. А гарнир из зелёной фасоли и молодого лопуха буквально тает во рту. Терпкий же облепиховый взвар придавал блюду особую пикантность. Эм-м-м! Пальчики оближешь. Да и ароматные горячие багетки чудо как хороши!

Самое интересное, что начало всему положила его чисто тактическая задумка. Семнадцать лет назад, когда оборудовали засаду на войско карателей, возникла необходимость убрать проезжающих с имперского тракта. Желательно, на длительное время, чтобы весть о приготовлениях не ушла до поры к тайной страже. Тогда и придумали собирать всех на «таможнях» и в обусловленное время толпой сопровождать мимо будущей засады. Правда, что бы задумка сработала, требовалось придать хоть какой-то достоверности слухам о «зверствах разбойников».

Феоктистов обратился к Робин Гуду. Вольные стрелки всё ещё блокировали Гринеберг, и атаман согласился помочь. Вот только имитировать его ребята ничего не стали, а просто убили нескольких путешественников, да перестреляли всех, кто ехал в трёх обозах, вожаки которых не вняли предупреждениям. Трупы оставили на обочинах, где вороны и волки быстро оценили бесплатное угощение.

Согласившиеся проехать под защитой всадников Шансона лично увидели чудовищные «последствия» угрожавшей им опасности. Молва о беспощадных разбойниках мгновенно разлетелась. Тем более что таможенники, сами испуганные зрелищем, подробно рассказали, как недавно деревни их феода терзали банды «боевых послушников» Гринеберга. Поэтому уже на второй день практически никого спрашивать не пришлось. Зато самого атамана Володька еле уговорил прекратить столь доходный и практически безопасный разбой на имперском тракте.

Одним из немногих, кого сэр Волк тогда частично посвятил в свой план, был пятидесятиоднолетний управляющий замком, бывший деревенский староста Чарли Дорингем. Ему поручили организовать обслуживание таможенников и их коней. Но хитрый крестьянин быстро смекнул, как можно было ещё и извлечь прибыль из ситуации. Ведь что нужно лошадям? Воду и фураж. А людям? Тоже воду и еду. Ну, и место, где отдохнуть. Но ведь это же касалось и путников, которых таможенники должны были вскоре начать приводить к ограде целыми толпами!

Чарли не стал заморачиваться переноской речной воды из Дива, чем довольствовался весь Шансон. Вместо этого он походил по придорожным кустам за воротами посада с колечком, подвешенным на нити. Приметил несколько мест, где конструкция начинала крутиться. А затем внимательно осмотрел там окружающую растительность. Дорингем по праву считался старожилом и знал, что от воды зависит почти всё. То, что люди вынужденно пили из заболоченного Дива, мало способствовало здоровью. А вот его родной Солми стоял на берегу лесного ручья, от чего и жители ныне сгнившей деревни были заметно здоровее соседей.

В указанном бароном месте, к сожалению, подобного источника не имелось. Но можно было попробовать добыть более чистую подземную воду. Определившись по хорошим приметам, Чарли выгнал на постройку сначала десяток рабов, а затем и ещё столько же. В колодец он вложил почти все собственные средства. Сначала докопали до водоносного слоя, и укрепили ствол шахты деревянным срубом. На это Чарли приказал пустить почти весь наворованный гриненбергский лес, который компенсировал баронству личным серебром.

Затем земляную шахту постепенно заглубили ещё почти на рост человека. Здесь уже рабам пришлось трудиться при постоянном притоке холодной февральской воды, поэтому двое постоянно вычерпывали её. Нижнюю часть сруба оборудовали по мере погружения, а затем дополнительно обшили досками. С этим Чарли управился сам. Но сначала незаметно заложил в четыре нижних венца по серебряному наконечнику стрелы и по деннарию. После этого дно шахты на локоть засыпали песком и, ещё на столько же, крупным гравием. Верхнюю часть сруба снаружи опоясали примерно трёхфутовым «замком» из жирной, утрамбованной глины. А поверх положили ещё и дощатый настил. Для удобства пользования.

Мокрым рабам Чарли разрешил обсушиться у двух костров, которые развели из отходов строительства и нескольких принесённых кизяков. А затем заставил соорудить ещё два больших крытых сарая. Один с коновязью, а второй с нарами для сна и двумя каменными очагами внутри. Поэтому, когда первый караван подошёл к ограде Шансона, к их услугам был уже готовый источник питьевой воды и два укрытия от непогоды – для лошадей и людей. А чтобы пришлые, да и местные людишки не испоганили его детище, Чарли поставил по вооружённому охраннику у колодца, в конюшне и в «гостевом» сарае.

Нужно отдать должное ныне покойному Дорингему. Он сразу сумел заложить и основу постоянного интереса к своему колодцу. Ещё во время строительства, «по секрету», пояснил десятнику охраны смысл проводимых работ. Дело в том, что неделю назад в Шансоне появился сверхъестественный пёс Гинефор, мгновенно исцеливший ребятишек от смертоносной кишечной эпидемии. Вот старый плут и заверил воина, что именно в этом месте тогда забил источник святого. Их тихую беседу подслушали два раба, ладившие венцы сруба. А уж от них и десятника весть о целебном «источнике святого Гинефора» пожаром распространилась по окрестностям. Отсюда становилась понятной и вооружённая охрана у колодца.

Приезжим воду выдавали бесплатно, но ограниченно. По полведра на человека и по ведро на лошадь. В принципе, можно было получить и ещё, но уже за меру овса или две меры сена. Тут же жители Шансона наладили и бойкую меновую торговлю с проезжими. А дальше – пошло-поехало! Часовня, а затем и полноценная церковь святого Гинефора у целебного источника. Тёплые гостиницы и конюшни для путников. Постоянно действующие трактиры. Знаменитый Шансонский рынок и две ежегодные ярмарки, со зрелищными публичными казнями воров и разбойников.

Лорд с сожалением посмотрел на опустевшее блюдо. Спасибо тебе, Чарли! Большое ты дело затеял. Доходы Союза от паломничества к источнику святого Гинефора неуклонно росли. И это при том, что церковники и содержатели всех заведений отдавали владельцам лишь часть полученных барышей. Сам Дорингем прожил ещё почти двенадцать лет, неуклонно пестуя и развивая своё детище. Он с лихвой вернул затраченные средства, и даже выслужил статус сквайра. Два его старших сына, в качестве сквайров-оруженосцев служили лордам. Один в КГБ, а второй в Стае. Младший же стал имперским купцом и продолжал отцовский бизнес.

Сэр Владимир вышел из трактира с чувством полного удовлетворения. Он искренне поклонился изукрашенной могиле старого приятеля. Когда Чарли всё же почил с миром, за свои заслуги он был признан Кангардским епископатам местнотимым святым и удостоен чести упокоиться в ограде церкви святого Гинефора. Которую, собственно, и возвели его попечением.

Сейчас рядом с этим объектом малого паломничества кучковались кагэбэшные арбалетчики. Один запевал, а остальные увлечённо подхватывали строки песни, сложенной ещё в крестовом походе:

*Такая жизнь по нраву!
Врагам покоя нет
Пока находит цели
Мой верный арбалет.
Когда в колчане тесно
От кованых болтов
Стрелять в броню и мясо
Солдат всегда готов!
А если опустеет
Дружок тиснёный мой,
Глаза в глаза сойдёмся.
Продолжим славный бой!
А коли уж придётся
За жизнь держать ответ —
Тогда лишь не поможет
Мой верный арбалет!*

Две последние строки ребята орали дружным хором, от чего песня «играла», находя отклик в душе. Возле лорда вновь возник давешний сквайр.

– Да, давай сюда этого гонца. Отряд – к выступлению!

Предчувствие не обмануло. Вести были не то, что дурными, а даже пугающими: вчера днём Зубров с обозом стекла уехал на Кангардскую ярмарку, а уже вечером его жена неожиданно исчезла. Причём, обнаружили это лишь сегодня утром, когда графиню, в бессознательном состоянии, принёс к воротам Гринеберга некий тёмный силуэт. Сейчас леди Эммилия уже пришла в себя, но якобы не помнит ничего из того, что с ней произошло. Гарнизон замка приведён в боевую готовность и ждёт дальнейших указаний хоть кого-нибудь из графов.

Феоктистов молча отпустил гонца. Очень уж подозрительно это исчезновение совпадало с визитом разоблачённого шпиона Та-Кемета. Что если его арест не прошёл незамеченным? В этом случае сообщники могли перейти к решительным действиям. Например, выкрасть одну из персон, посвящённых в тайны Свободных графств, и вдумчиво допросить. А что у нас может знать леди Эммилия? Да дофига чего! Коля же на всём снабжении Союза завязан. И от супруги не шифруется... Скверно. Впрочем, сначала нужно взглянуть лично. Причём так, как враг не ждёт. Куда там доставили бессознательную леди? К мосту замка? Вот с него и начнём.

Лорд Волк не стал искать лёгких путей и выехал к Гринебергу по лесным тропам. Специально не стал подъезжать близко. Дорога в замок довольно долго петляла вверх по скали-стому кряжу, но уже внизу он ощутил знакомый запах. Волчье восприятие никуда не уходило и порой выручало. Хотя чаще вынужденно притуплялось им самим. Особенно при работе с огнестрельным оружием.

Сейчас же наоборот, Владимир приказал сопровождающим отъехать на приличное расстояние. Командир десятки кагэбэшников, сквайр Зоррен Дорингем, категорически отказался. Ему было разрешено остаться, но при этом отойти шагов на десять, под ветер. Феоктистов спешился, отдал ему коня и отошёл на обочину. Поиски оказались недолгими, благо в июле найти живность не представляло труда. По стволу дубка полз какой-то жучок. Он и пошёл в кровавую жертву.

Ещё во время первых совместных приключений с Бьорном сэр Волк заметил, что звериное восприятие волной накрывало его от запаха свежепролитой крови. Постепенно выяснилось, что хватало даже смерти насекомого. Поэтому Владимир с силой вдохнул то, чем пах

раздавленный жучок... Лес, пряная сырость. Свежий сок ломаного папоротника. Характерная смесь женских запахов леди Эммилии. И что-то странное, непроизвольно заставляющее приподняться верхнюю губу.

Он с трудом сдержал звериный рык. Так, спокойнее. Ещё раз повёл головой из стороны в сторону. Ага! Нашёл. Запахов хозяйки Гринеберга было два. И оба раза её сопровождал этот странный, но неуловимо знакомый. Ладно, внимательнее. Более сильный низовой, к которому примешивается запах обуви. А вот второй, более слабый, воспринимался только верхним чутьём. Но всё же он – явно более поздний.

Более тщательные поиски подтвердили догадку. Сильный запах шёл от того, что леди Эммилия шла пешком. Пешком?! Могущественная графиня де Гринеберг? Это казалось невероятным. Но тем не менее было. В сотне полутора футов нашёлся характерный след её сафьянового сапожка, смотревший носком от замка. Значит, точно, куда-то ходила. А второй след? Возвращалась? Очень на то похоже. Вот только обратных отпечатков не было. Да и запаха обуви. Что за фигня? Причём, в обоих случаях леди сопровождал этот, вызывающий у него непроизвольную агрессию. А точно спутник у леди был один? Да, вроде, похоже.

Хорошо, что оба следа тянулись примерно в одном направлении – прямо по гринебергской дороге. По ней лорд и припустил, как хорошая розыскная собака. «Колдуны» подковой развернулись сзади и приготовили к бою мощные арбалеты. Лишь верный Зоррен с кавалерийский копьём наперевес рысил по обочине чуть сзади, стараясь не мешать магии сюзерена. Вскоре обнаружился и след спутника леди Эммилии. Очень крупный, почти овальный характерный отпечаток с хорошо заметными конусами тупых когтей. Волк? Да нет уж, скорее собака. Вот только размер следа превышал кулак рыцаря. Он был вдавлен в чуть рыхлый грунт на полторы толщины фаланги указательного пальца. Ни фига себе чудовище! След двухсотпятидесятифунтового Феоктистова лишь на полпальца продавил землю в этом месте. Так-так. Чёрточки когтей смотрят в сторону Гринеберга. Это что же, леди верхом на собаке ехала, что ли? Странный пёсик...

Примерно через три мили запах первого следа вывел следопыта сначала на имперский тракт, а затем, по нему, к большой лесной проплешине, заросшей тонким густым подростом. Семнадцать лет назад здесь рос кондовый дубовый лес, уничтоженный ими в огневой засаде. Уже второе десятилетие местные боялись этого места, наполненного агрессивными призраками сгоревших. Лорд непроизвольно опустил на густо заросшую кочку. Теперь его накрыло воспоминаниями.

* * *

Тогда, в победном феврале 6701-го, большая часть устроенной союзниками засады состояла из неопытных копейщиков. И всё же потери оказались минимальны. Отряд карателей принца, как и положено, шёл с головным дозором. Поэтому передовых всадников сэр Николай предусмотрительно пропустил, а вот по основной группе отработал почти в упор. Огнемёт, неожиданно вынырнувший из придорожного холмика, стал для них поистине смертельным сюрпризом. Впереди мерно месящего стылую грязь обоза вдруг поднялась яркая стена огня. Практически сразу истошно заорали сгоравшие. От этого все каратели растерянно остановились. Своеобразный сигнал запустил настоящую мельницу уничтожения. Гладиаторы бросились к следам, подпиравшим заранее подрубленные деревья, выдернули и начали дружно толкать вековые стволы, стараясь уронить их прямо на остановившихся. Десятка из передней отсечной позиции и охрана огнемёта подняли противокавалерийские устройства. А благородный Волкул с пятью всадниками обрушились на двух уцелевших дозорных.

Галльские лучники удачно отстреляли по подвешенным на деревьях огневым фугасам, из-за чего многочисленные очаги пролившихся сверху возгораний внизу быстро начали соединяться в один. Что было страшнее всего – холодная мартовская грязь совсем не мешала страш-

ному красно-синему огню. Лужи лишь пузырились и шипели под его жаркими языками. Но каратели не желали умирать. Они бросились вправо и влево от горящей дороги.

Слева, в низинке, им пришлось долго и с потерями продирааться через постоянно падавшие кондовые деревья. А вот справа ситуация быстро изменилась. На очистившемся взгорке поднялся «лес копий». Несмотря на то, что две трети его составляли просто острозаточенные колья, сходу преодолеть такое препятствие было проблематично. К тому же центровые копейщики, с круглыми от ужаса глазами, хаотично пихались вполне боевым оружием. А из-за их спин деловито работали меткие стрелки. Но сзади карателей всю разгоралось нешуточное пламя.

– Вперё-о-о-од!!! – заорал предводитель конницы. Это было, конечно, совсем не то, к чему он привык. Одно дело бить и хватать практически безоружных, и совсем другое – броситься грудью на ожидающего многочисленного врага. Впрочем, испуганные глаза бывших рабов подстегнули привычным азартом. Бронированные воины вломились прямо в стену деревянных жал, жертвуя конями. А затем начали прыгать прямо на головы паникующих центровых копейщиков.

Впрочем, галльская подстраховка не дремала. Замолотили точные и безжалостные секиры. Пластинчатые доспехи карателей они, конечно, не пробивали, но и инерции от ударов оказывалось достаточно. Благородный Торин быстро смекнул, чем можно заткнуть наметившийся прорыв. Он погнался к месту схватки бывших рабов и галлов, стоявших слева, на чьём участке противника ещё не было. Да и сам не оплошал. В самый напряжённый момент верхом подскочил к уже почти прорванному участку с резервным огневым фугасом. Увидел знакомого стрелка:

– Мердок!!! Горящей стрелой в бочонок!

И зашвырнул фугас через головы дерущихся. Галл не подвёл и вlepил заряд ещё в полёте. Почти сразу клубок спирто-скипидарного пламени накрыл и сбившихся в клин карателей, и часть засадников. А затем разбавленная смолой огнесмесь потекла по склону, опалая всё большее число нападавших. Всех горящих, и своих, и чужих, подбежавшие копейщики столкнули вниз, закрывая прорыв. Уцелевшие каратели произвольно начали смещаться вправо, в сторону Кангарда. Они уже не пытались бросаться на «лес копий».

В итоге всё быстро превратилось в бег наперегонки. Враг пытался успеть обежать рукотворное препятствие, а бросившие было свои участки засадники, умчавшие на устранение прорыва, дружно ломались обратно, едва успевая поднимать колья и копыя. Так продолжалось на протяжении почти трети мили. Пока второй вознесшийся над бруствером огнём не поставил жирную линию финиша. Сэр Волк, более опытный в обращении с новым оружием, распылил огнесмесь тремя последовательными волнами. Начиная с максимальной дальности в 20 футов, затем на 15 и 10. Всё, кто вломился в зону сплошного горения, закончили жизни быстро, но мучительно. А остальные, объятые уже паническим ужасом, предпочли сдаться.

Как вскоре выяснилось, и в низине из засады никто не ушёл. Оставленных там четырёх десятков бывших рабов и десяти галльских всадников оказалось недостаточно. Но очень вовремя подоспели ещё девять лёгких конников во главе со Спартаксом. Отчаянный гасконец не только вовремя передал сигнал о выступлении и грамотно воспользовался предоставленными лошадьми, но и собрал по дороге наблюдателей ещё двух «гнезд». А прибыв, по собственной инициативе возглавил бой. Причём так, что слушались его даже вольные галлы.

Стрелами, копыями и секирами, точечными ударами сводной конной группы они сдержали врага на линии засек. А остановившихся хладнокровно перебили камнями из пращ. Благо подходящих боеприпасов бывшие наблюдатели, по совету Спартака, за время обслуживания «гнезд» набрали по два мешка. И ежедневно практиковались, разнообразя подбитыми белками и птицей скудный лесной рацион. Из пришибленных в плен никого брать не стали. А вот ору-

жие и доспехи взяли практически целыми. Причём, управились как раз к подходу лесного пожара.

* * *

6718 год от Сотворения Мира, 07 июля.

Лорд Волк слегка встряхнул головой, отгоняя воспоминания. Что-то здесь было не так. Обычно на месте бывшего боя он ощущал тоскливое присутствие смерти. Не той яркой и злобно-весёлой, что вела в бою, а какой-то застывшей, неправильной. А сейчас было пусто. Теперь подлесок ничем не отличался от окружающей исконной дубравы. Ладно, это всего лишь ещё одна странность. Правда, приятная. Феоктистов прошёл чуть вперёд и увидел многочисленные проломы в густом поле высокого папоротника, заполонившего нижний ярус проплешины. Даже без волчьего чутья было понятно, что совсем недавно там кто-то шарахался. Запах же красноречиво свидетельствовал, что это была леди Эммилия со своим собакообразным спутником.

Почему-то лорду Волку совершенно не хотелось лезть в это хитросплетение. Он привык доверять интуиции, но пока не мог представить, как ещё можно было разобраться в произошедшем. Подошёл сквайр Зоррен:

– Что случилось, милорд?

– Я не хочу лезть в эти заросли.

– Понятно! Значит, не лезьте.

– Мне нужно понять, что здесь произошло.

Зоррен согласно кивнул:

– Насколько я понял, мы шли по следу леди Эммилии? Мне позволено узнать, сколько с ней было человек?

Лорд недоверчиво посмотрел на телохранителя, но всё же ответил:

– Ни одного. Только что-то вроде огромной собаки.

Лицо сквайра осталось бесстрастным. Феоктистов всегда поражался выдержке старшего из сыновей Чарли Дорингема.

– У Бонифаса хорошие навыки следопыта. Лучше всего направить его. Но могу и я сам. Так получится более тайно.

Лорд решил:

– Добро, Зоррен! Идёт Бонифас, ты его прикрываешь. Мы с остальными встаем на краю тракта. Если что, поддержим вас стрелами, потом атакуем конным строем. Хотя, здесь я опасуюсь чего-то вроде неожиданной ловушки. Засады не чувю.

– Понял, милорд. Разрешите выполнять?

«Колдуны» лазили по зарослям почти час. Никакого сигнала опасности от них так не поступило. Наконец, Зоррен вышел к Феоктистову:

– Милорд, мы нашли три интересные вещи. Желаете взглянуть? Или?...

– Пойдём, покажешь! – Владимир неторопливо спешился.

Первой «интересной вещью» оказалась чёткая цепочка следов спутника леди, перекрывавшая её отпечатки. Что-то в ней было не так. Сквайр понятно подсказал:

– Все следы одинаковы.

Точно! Не было отпечатков передних и задних лап. У любого животного следы от передних чуть меньше и уже. Да и сама ширина шага слишком велика. Такое ощущение, что собакообразный шёл только на задних (ну или на одних передних) конечностях. Феоктистов вложил палец в наиболее чёткий отпечаток. Чуть меньше фаланги. Понятно, ещё не вёз Эммилию. Вон, сразу по её следам топал.

Во втором месте стоял грустный сквайр Бонифас. Он указал рукой на необычный конусообразный пучок папоротника:

– Видите, милорд? Верхушка сорвана.

Действительно, центральный стебель имел свежий аккуратный надлом. Феоктистов осмотрел чуть влажную землю внизу. Леди немного потопталась здесь своими сапожками. Собакен стоял чуть сзади. О-па! Рядом, действительно, виднелись лишь два когтистых отпечатка. Он молча вопросительно указал на них Бонифасу.

– Везде одно и то же, милорд. Это существо ходит на двух лапах.

– Н-да, я тоже так решил. А чем тебе стебель не понравился?

Следопыт немного помялся:

– Мне кажется, леди Эммилия де Гринберг сорвала здесь Цветок папоротника.

– Ну и что?... – по инерции произнес лорд и тут же осёкся. Цветок папоротника. Мистическое чудо-средство. Ещё в своём мире он читал доводы ученых, которые доказывали его невозможность. Папоротник относится к семейству голосеменных. В его цикле размножения цветы попросту отсутствуют... И тем не менее. Вчера как раз была ночь на Ивана Купалу. Самое время для поисков Цветка. Собакоид ещё этот.

– Ясно. Что ещё?

– Мы нашли место, где может быть предсказанная вами ловушка.

– Так. Показывайте. Бонифас – вперёд. Зоррен, замыкающий.

Сторожко тронулись. Вскоре следопыт указал на земляно-травяную кучу:

– Похоже, там леди голыми руками копала. А этот пёсообразный ей помогал.

Владимир принюхался. Никаких незнакомых запахов. И в то же время...

Он всё ещё медлил, когда из-за кучи показалась маленькая мерзкая собачка с острыми стоячими ушками. Она смешно наморщила носик, показывая крохотные зубки. Сзади испуганно охнул Зоррен. Как будто увидел, как минимум бенгальского тигра. Нерешительно потянул из-за спины арбалет.

И тут Феоктистов узнал крохотное животное. Причём, скорее как раз своим обострившимся волчьим чутьём. Именно эта собачка облизывала его и Зуброва, когда они впервые очнулись в избушке бабушки Линде. Вместо того чтобы умереть от ран, нанесённых мечом первого барона де Шансон.

Решительно протянул руку, перегораживая сквайрам направление стрельбы:

– Отставить! Взбесились, что ли?!

Странно, но оба сурово выцеливали что-то высокое. Обернулся. Никого. Лишь скалит зубы лохматый пёсик. Запах... Он понял, что перед ним был не просто старый знакомец, а ещё и тот самый таинственный сопровождающий леди Эммилии. Кстати, больше он эту собачку у бабушки Линде не видел. Хм, это сколько же зверюшке лет? Слышал, конечно, что маленькие живут дольше. Но что бы настолько? За последние двадцать лет пёсик, похоже, вообще не изменился.

Теперь стала понятной и взаимная произвольная агрессия. Срабатывала извечная неприязнь волков и собак. Ну, это легко поправить! Нужно лишь разделить с ним трапезу. Вместе с волком он съел бы мясо... А с пёсиком?

– Бонифас, стрелой к отряду. Каравай хлеба мне. Живо.

Сквайр умчался и вскоре принёс ворох ещё тёплых багетов.

– Милорд, каравая ни у кого нет! Только это.

– Пойдёт. Ждите здесь.

По мере того, как он подходил, пёс проявлял всё больше признаков агрессии. Но с места не двигался. Феоктистов учуял запах встревоженного пота оруженосцев. Они-то чего взволновались? Отломил крохотный кусочек хлеба и протянул на раскрытой ладони. Собачка аккуратно взяла. И тут же оттяпала почти половину торчавшего вперёд багета! Как это у неё получилось?! Во время его движения боковым зрением Владимир заметил, что пёсик был гораздо больше. Он протянул остаток булки, и зверюшка опять одним укусом оттяпала его. В руке остался лишь маленький кончик.

Так, попробуем по-другому. Феоктистов стал ломать багеты на кусочки, умещавшиеся в руке. Предварительно поплёвывал, чтобы приучить собаку к своему запаху, а затем протягивал на раскрытой ладони. Пёс с удовольствием брал хлеб и одним движением проглатывал. Даже не жевал. Во время этой кормёжки лорд Волк сознательно отвернул голову вбок и начал смотреть на лес. Но так, чтобы визави оставался на периферии зрения. Увиденное стоило эксперимента. Рядом на корточках сидело огромное чёрное существо. Нижние лапы и голова явно собачьи. Чем-то напоминал добермана. Такой же вытянутый, хищный, стремительный. А вот корпус больше похож на человеческий. Верхними конечностями зверь не пользовался, но всё равно оставалось впечатление, что они смахивали на руки. Вот его-то пасть как раз подходила глотательным движениям. Но при прямом взгляде перед рыцарем опять сидел крохотный пёсик, поглощавший хлеб непропорционально большими кусками.

Кажется, Феоктистов понял, с кем делил трапезу:

– Гинефор!

Собачка радостно повиляла куцым хвостиком, увлечённо доедая багеты.

– Так это ты здесь с Эмилией баловством занимался!

Пёс радостно тявкнул. Потом посмотрел серьёзно и негромко зарычал.

– А, понял! Эту штуку лучше не трогать. Так?

Гинефор с видимым усилием кивнул головой. Ещё раз повилял хвостиком и неторопливо скрылся за кучей. Раздались хлопки больших крыльев. Оба сквайра синхронно проводили головами что-то невидимое лорду.

– Так, голуби мои сизокрылые. По одному – ко мне!

Перекрестный опрос показал, что оба телохранителя видели одно и то же: огромного крылатого волка. Они были убеждены, что лорд из собственных рук покормил бога воинов, Семаргла. Феоктистова это вполне устроило.

Немного подумав, он отправил троих сквайров, во главе с Бонифасом, в Гринеберг. Они взяли его приказ перейти в обычный режим охраны и пояснение, что леди Эмилиа де Гринеберг занималась в Купальскую ночь целебным обрядом с самим святым Гинефором. Услышав это, глаза следопыта полезли из орбит:

– Так наш святой Гинефор – это Семаргл?!

– Это – НАШ СВЯТОЙ ГИНЕФОР! – раздельно отчеканил Феоктистов.

– Я понял, милорд! – восхищённо ответил сквайр. В подтверждение истинности полномочий он получил отпечаток кольца-печати графа и умчался выполнять приказание.

– Зоррен, тебе более ответственное поручение. Сейчас с одним помощником летишь в Шансон и получишь у старого сэра Логина огненный ящик. Привезёшь сюда. Но так, чтобы ни одна живая душа не знала!

Здесь, для подтверждения истинности своего тайного поручения перед главой клана «огнемётчиков», «колдун» получил в дополнение к отпечатку печати ещё и личную замысловатую подпись графа. Именно кагэбэшники разработали эту систему сигналов, позволявшую лордам гораздо лучше управляться с огромным хозяйством Союза Свободных графств. Теперь практически все доверенные лица, в подражание владельцам, носили их давнее изобретение – «записки». Это были деревянные плоские коробочки с откидывающейся верхней крышкой и внутренней поверхностью, покрытой толстым слоем пчелиного воска. Сами лорды, а также обученные грамоте «огнемётчики», делали на нём различные бытовые пометки, которые легко стирались по миновании надобности. А иногда и обменивались короткими письмами. Остальные же доверенные, большей частью неграмотные, получали в «записки» вещественные подтверждения полученных указаний: отпечатки личных печатей графов и их подписи.

В ожидании заказанного ящика лорд развернул кипучую деятельность, задействовав всех оставшихся «колдунов». Папоротник на сотню футов от места, помеченного горящим костром, выкосили, а подрост вырубил. Затем стволы, ветви и траву выложили на освобожден-

дённой поляне тартарийским крестом: двумя пересекающимися под прямым углом лучами, опоясанными замкнутым кругом. Вертикальный луч здесь символизировал Бога-Отца, горизонтальный – Бога-Сына, а круг, соответственно, Бога-Духа Святого.

Дождавшись Зоррена с напарником, Феоктистов отдал им какое-то распоряжение и увёл остальных под Гринеберг. Там ещё полдня они ждали возвращения также срочно оповещённого лорда Николая. И лишь получив его личное разрешение, вошли в замок. Утром следующего дня друзья и стремительно выздоравливающая леди Эммилия, в сопровождении уже двух десятков «колдунов», вновь вернулись к поляне.

Ещё издали заметили тонкий столб дыма, а подъехав, убедились, что по злополучному месту повторно прошёл пожар. На поляне, в хаотичном беспорядке, лежали четыре обгоревших тела. Было заметно, что сгубившее их пламя выплеснулось прямо из центра импровизированного тартарийского креста. Там же обнаружили остатки лопаты. Феоктистов, стараясь не подавать вида, наблюдал за женой Зуброва. А та лично осмотрела углубление в центре поляны, после чего заметно успокоилась. Когда в одном из обгоревших опознали сквайра Бонифаса, polegчало и ему.

Значит, массовое уничтожение ближних ориентиров смогло ввести в заблуждение даже такого опытного следопыта! Смертоносный центр поляны отстоял от бывшего холмика леди Эммилии и святого Гинефора более чем на двадцать футов. Истинное же место теперь было хорошо притоптано и практически не отличалось от остальной горелой проплешины. Вот и ладно! Пусть опасный секрет леди Эммилии там и покоится. В центре же сработал «огненный ящик», одна из секретных разработок ССГ. Своеобразная мина из «греческого огня» с двумя порохowymi взрывателями, рассчитанными на неизвлечение.

В ходе обыска остальных погибших нашли несколько тонких листов папируса с торопливо сделанными записями. Это уже были характерные иероглифы Та-Кемета. Значит, точно шпион был не один. Ушлые ребяташки! Вон, похоже, даже кагэбэшника как-то сумели переманить. Но не всё так плохо. Гинефор-то, если вспомнить облик, рассмотренный боковым зрением, вылитый та-кеметский Анупис. Плохо помнится, за что он там у них отвечает. Но здесь, вроде, нам помогает. Так что жрецы пока «пешком постоят».

Глава 8

6718 год от Сотворения Мира, 08 июля

Лорд Николай пребывал в самом скверном настроении. Мало того, что сорвали с имперской ярмарки в самый разгар распродажи стекла, так ещё и эта странная история с целебным обрядом! За каким, спрашивается, лядом, он понадобился Эммилии?! Никаких опасных хворей в округе не было. Да ещё и проклятый подрыв на огненном фугасе! Ясно же, что Володька знает намного больше, чем говорит. Но не соизволил, видите ли, поставить в известность. К тому же ему уже шепнули по секрету, что вчера на том самом месте лорд Волк кормил с рук какого-то там Симаргла. Да и папирусы эти с та-кеметскими иероглифами он лично видел. Ох, чует сердце, опять громадный песец подкрадывается незаметно!

Немного успокоили лишь поднявшиеся над кромкой леса дымчатые башни Гринеберга. Тоже ведь символом зла когда-то для них были. Да каким! А теперь вот отчий дом Ритки, да охотничья вотчина Маркиза. Собственно, и его шерифский титул. Коля непроизвольно улыбнулся, и молчаливая жена тут же заметила перемену:

– Милый, а ты заметил, сколько соловьёв в этом году?

– Что?! Каких соловьёв?

– Обыкновенных. Птичек. Которые так сладко поют по ночам.

– А! Так ты соловьёв ночью ходила слушать? – ядовито осведомился граф. Леди поравнялась с ним стремя в стремя и легонько коснулась руки мужа своей перебинтованной ладонью:

– Не сердись! Тебе это не идёт. Если ночью открыть окно в спальне северной башни, то можно их услышать.

Глаза жены сияли каким-то необъяснимым огнём. Он почувствовал, что внутри начало разгораться прямо-таки юношеское желание. Словно и не было этих двадцати лет. Но ответил привычно сварливо:

– Нет. Мне нравится наш донжон.

А сам непроизвольно сжал ладошку Эммилии. Так они и ехали дальше, не размыкая рук. И оба ощущали что-то, казалось давно забытое.

Ночью Коля неожиданно проснулся. Высвободился из объятий сладко утомившейся жены и, действительно, потихоньку приоткрыл окно. Приятный дух далёкой дубравы, слегка испоганенный запахами конского навоза и кузнечной гари, быстро заполнил комнату. Постепенно начали ощущаться и ароматы разнотравья. Сенокос в самом разгаре. Где-то на башне позвякивала амуниция дозорного, кто-то шараялся вниз. Кому там, интересно, не спится? А, конюх проверяет подопечных. Молодец! И тут он услышал. Все близкие звуки как-то вдруг приглушились, и стали различимы далёкие трели. Множество соловьёв заливались неистовым хором извечной страсти, стараясь перещеголять друг друга. Надо же! А он и не замечал.

* * *

Мощный толчок подбросил графа. Крепко приложило плечом о каменный выступ оконного проёма. ШАРАХ!!! Дошла запоздалая волна звука. Весь донжон затрясся, закрипел. Бум!! Бум! Бум! Меньшие продолжающиеся толчки усиливали хаос. Сверху, по внешней стене зашуршал камнепад. Пару раз гулко стукнули валуны. «Землетрясение!!!» Внутри сразу забились животная паника. Деревянный пол угрожающе затрещал. На кровати испуганно пискнула Эммилия. Это вывело Зуброва из ступора. Метнулся к ней, сгробастал вместе с меховым одеялом. Доски под ногами уже заметно кренились. Бросился в противоположную сторону, к двери. Не сразу сообразил, что на ночь закрыл её на засов. По привычке взялся за кованую ручку, дёрнул раз, другой... И тут пол рухнул вниз.

Николай едва удержался за спасительную железку, так как инерционный рывок его двухсот тридцати фунтов, да ещё почти ста сорока Эммилии чуть не отправил обоих в полёт за

кроватю. Горячие забинтованные пальцы выпростались из-под одеяла и сильно впились ему в голую руку. Темно, хоть глаз коли. Какая-то едкая смесь каменной пыли и сора забивала носоглотку. Офигеть приключение! Только ведь они так долго не провисят... Словно в ответ на его просьбу, обрушилась часть внешней стены. Та, где раньше было окно. Сразу стало светлее.

Вверху угрожающе нависали торцы балок перекрытия. Так вот что это был за камнепад! По внешней стороне их шатровой конструкции ссыпались скальные плитки, слагавшие крышу. Хорошо, что не внутрь. Вес-то там... Ага! Справа, буквально в шести-семи футах от него из стены торчал толстый деревянный брус с несколькими, всё ещё держащимися на нём досками. Насколько смог рассмотреть, он по-прежнему упирался в противоположную стену. Оставалось надеяться, что вес жены выдержит.

– Эммилия, я тебя сейчас раскачаю. Ты должна попасть вон на ту балку!

Та лишь отрицательно помотала головой. Глаза были круглыми от ужаса.

– Упадём оба!!! Я долго не продержусь!

Это подействовало.

– Готова? Как скажу «Давай!» – цепляешься за бревно.

Начал её раскачивать. Огнём горела рука, вцепившаяся в тонкий прут дверной ручки, но Коля старался об этом не думать. Сначала нужно спасти жену. Раз, два, три... Амплитуда увеличивалась.

– ДАВАЙ!!!

Не сразу пальцы отпустили его руку, и Эммилия уже практически пошла в обратный полёт. Поэтому упала на балку не грудью, как задумывалось, а успела лишь ухватиться руками. Вцепилась, хаотично замолотила ногами. Очевидно, страх придавал ей сил. Кое-как вскарабкалась на спасительный мосток над страшным тёмным провалом обрушившейся башни. У Зуброва отлегло от сердца. Он подтянулся, ухватившись за собственное предплечье, и отодвинул засов. Дверь комнаты открывалась наружу, поэтому, упираясь в потихоньку освобождавшийся косяк, смог залезть в крепкий дубовый проём.

– Ко-о-оля-а!!! Она проворачивается!! – истошно завопила жена. Ну, ладно! Согнув левую ногу, поджал ей к бедру полотно двери и протянул руки:

– Прыгай!

Упрашивать не пришлось. Эммилия стремглав вскочила на балку и тут же сиганула навстречу. Подхватил, стиснул. Лишь чуть хрупнуло под напрягшимися мышцами ноги храбра крепкое полотно двери. И почти сразу дошёл звук удара от долетевших до дна остатков пола их спальни. Теперь уже жена деловито поползла по стене, помогая затащить и её в спасительный проём. Получилось. Оба крепко прижались друг к другу, ожидая рассвета и помощи. Благо небо уже серело.

В пролом хорошо была видна северная башня, в которой ночевала Ритка. На вид – довольно целая. Если не считать лысой оплётки крыши, тоже лишившейся местной каменной черепицы. «Кстати, давно пора бы и нормальную начать обжигать!» – некстати пришла хозяйская мысль. И тут же сознание заработало более чётко: «Нет, это не землетрясение. Здесь их не бывает. Скорее всего, опять угольная шахта рванула!» Еле заметное красное зарево, мерцавшее за северной башней, похоже, подтверждало догадку. «Твою ж дивизию! Кажется, на этот раз ещё и «чёрный камень» загорелся!»

Замок Гринеберг, исконное владение гальских принцев, располагался над настоящим сокровищем: пластом каменного угля. Именно это секретное высокотемпературное топливо, добычу которого они организовали вскоре после возвращения из Крестового похода, позволило создать огнестрельное чудо-оружие. Вот только через несколько месяцев работы их первая угольная шахта рванула. Погибли все семнадцать горняков, находившиеся в забое, а ещё три возчика и два быка получили ранения.

Пострадал и замок, стоявший на вершине небольшого скалистого отрога, отсекавшего угольный пласт от русла Орна. Тогда стены и башни во многих местах потрескались, а часть камней вообще вывалилась. Зуброву пришлось несколько лет восстанавливать свою шерифскую цитадель: бригады рабочих перебирали стены, крепили трещины дорожными железными скрепами, да переделывали часть построек. Благо сил и средств тогда хватало.

А Феоктистов высказал и наиболее вероятную причину трагедии – объёмный взрыв. Ещё в своём мире он читал, что учёные гитлеровской Германии пытались использовать угольную пыль для уничтожения армий бомбардировщиков союзников. В определённой пропорции с воздухом она создаёт взрывоопасную смесь, что часто приводило к взрывам на угольных шахтах Силезии. Впрочем, на открытом воздухе это оказалось неприменимо.

– А в нашей шахте, похоже, как раз такая пропорция и сложилась!

Для освещения места работ горняки использовали масляные лампы. Их пламя, скорее всего, и сработало тогда своеобразным взрывателем. Поэтому больше вольных людей на работу в шахту не посылали. Теперь уголь добывали только с помощью рабов, которых заставляли трудиться под землёй в полной темноте. Правда, вместо надсмотрщиков придумали иной стимул: каждый шахтёр получал свободу после личной добычи им пяти тысяч фунтов «чёрного камня».

Похоже, и эти предосторожности не помогли. Кто-то опять пронёс огонь в секретную шахту. Да нет, глупость – ночью она не работает! Рабам-горнякам специально дают выспаться и кормят усиленным рационом. Это увеличивает выработку. Да и после получения свободы многие потом просят оставить трудиться при шахте. Работа там организована в две смены, примерно по шесть-восемь часов каждая. Ночью же стоит только охрана. А она в забой не спускается. Впрочем, не завидное положение, в котором он сейчас оказался, заставляло всё же склониться к версии повторения трагедии. Даже скорее, хуже – целой серии последовательных взрывов. Если вспомнить всё, что услышал. В детстве, ещё с родителями, Коля пережил небольшое землетрясение в Ашхабаде. Но там он ощущал лишь подземные толчки. Никакого запоздалого шумового сопровождения.

Жена начала крупно вздрагивать, и Зубров снял с себя холщовую сорочку. Преодолевая слабое сопротивление, натянул поверх, обнял. Эх, жаль одеяло улетело! Уцепил ведь сначала... Хорошо лето на дворе – до смерти не замёрзнут. Храбр он, всё-таки, или кто? Эммилия благодарно прильнула, задышала ровнее.

А ведь Гринебергу теперь, похоже, конец. Дешевле заново отстроить. Где-нибудь подальше от шахты. Впрочем, таких удобных для обороны мест в лесном Кальвадосе не много. Принцы знали, что делали. Южные стены проходили по краю почти отвесной скальной стенки, заканчивавшейся на берегу речки Чернушки узким галечным пляжем. Остальные укрепления так же грамотно вписаны в редкий тут каменистый отрог. А уж по нему петляет единственная, хорошо простреливаемая с северной и надвратной башен дорога. Никто же не знал, что в основании одинокой скалы огромная бомба лежит... Впрочем, если бы не их вмешательство, Гринеберг ещё многие столетия мог бы считаться практически неприступной крепостью. Ведь и их штурм удался только из-за малой численности защитников, оставшихся в замке, да дикой отваги Ульфхеднара.

* * *

6701 год от Сотворения Мира, 28 февраля

Войну с карателями, угрозы которой так долго боялись, выиграли тремя сокрушительными ударами. Сначала дружинники Шансона под руководством сэра Уильяма де Аржантан разбили речными таранами вражеский караван на реке Ви. Потом уже в их с Володькой сухопутную засаду на имперском тракте угодила конный отряд. Как потом выяснилось, через два дня после победы «Айвенго». А от пленных узнали о третьем, идущем к Аржантану вверх по Орну. Феоктистов с «племянником» точно смогли просчитать действия противника.

Сразу после экспресс-допросов сэра Волк разделил засадников. Гладиаторов, под прищотром галлов благородного Волкула Канантонского, оставили на имперском тракте собирать трофеи. А конники Аржантана, вместе с отрядом Спартака и баронами Шансона, помчались усиливать засаду у Верея. Еле успели – из-за ближайшего поворота уже показались корабли противника. От этого третий бой получился суматошным, бестолковым. Не то, что у «Айвенго». Тот-то и просеки в прибрежной растительности сделал, что бы копейщикам и лучникам было удобнее бегать, и все наиболее удобные для причаливания места «противокавалерийскими» устройствами успел оборудовать. Да и потренировал своих как «лес копий» в нужных местах ставить и стрелять через кустарник.

Но всё же и этот бой стал победным. Хорошо, что догадались три десятки сразу, на глазах подхидовивших карателей, загрузить в два тамплиерских кораблика и переправить на левый берег. Остальные затаились среди остатков деревеньки. Поэтому, если суматошная переправа и насторожила врага, то не помешала хорошо натренировавшимся засадникам успешно отрабатывать тараном по головному судну.

Получив три пробоины, со сломанным форштевнем и гребными вёслами, оно остановилось. Экипаж лихорадочно вычёрпывал студёную воду и пытался заткнуть течи. Следовавшее следом купеческое судно, больше похожее на огромную деревянную лодку с мачтой, попыталось обойти его по правому борту. И тоже попало под удары тарана. С корабля в засадников, тянувших верёвки по кромке левого берега, полетели стрелы. Но тут уж Торин с тремя верховыми закрыл ребят своими и конскими телами. Всадники при этом успешно использовали щиты. А затем ещё и догадались помочь тянуть таран. Остальные галлы начали стрелять в карателей.

Стрел, правда, после тракта оставалось немного. Едва хватило, чтобы обеспечить повреждение второго «купца». На трёх целых судах почти синхронно развернули квадратные паруса, благо ветер дул вдоль Орна, а вёсла заработали в обратную сторону. Их лучники тоже начали бить по берегу. Но далеко отступить карателям не дали. На левом берегу воины Торина, а на правом всадники Спартака помогли остаткам засадников обогнать корабли и поднять до поры притопленный второй таран. Вот только удары им теперь получались не синхронными. Кое-как сломали часть вёсел у замыкающего корабля, шедшего теперь головным.

Наконец Феоктистов догадался применить зажжённые стрелы. Дистанция с правого берега была большая, да и холодный ветер мешал. Но всё же смогли поджечь паруса. Оба неповреждённых «купца» предпочли сбросить их, и пошли на вёслах прямо к правому берегу. Когда первый уткнулся носом в сухой камыш, с него начали прыгать каратели. Володька повёл всадников в атаку. Рубились долго и упорно. Сначала успешно отбрасывали прущих на берег копейными ударами. Быстро отскакивали назад и вновь атаковали копьями. Но тут пришвартовался второй, и ещё полусотня посыпалась на мелководье.

– Коля! Спартак! Ко мне!! – заорал Феоктистов и повёл друзей в новый бой. Галлы остались добивать атакующих с первого корабля. Теперь уже секирами. А затем пришли на помощь трём храбрам, яростно рубившимся в плотном окружении.

Как выяснилось, на всех повреждённых судах, при виде «тёплого» приёма на правом берегу, одновременно было решено выгребать к левому. Так что и воинам благородного Торина тоже пришлось не сладко. Но всё же, хоть и потеряв три четверти бойцов, победили. Уцелевшие галлы в ярости загнали копьями всех пленных в Орн, где и держали, пока от слабости и холода те не потонули.

* * *

6718 год от Сотворения Мира, 09 июля

– Ваше сиятельство! Миледи! – неожиданно послышались откуда-то снизу встревоженные голоса. Зубров встряхнулся и чуть не выпустил плечи супруги.

– Мама!!! Па-а-апа! – донёсся истеричный крик дочери. Он прокашлялся:

– Здесь мы! Живы!

Какафония восторга была наградой. Давно замечал, что подданные их уже не просто любили, а как-то по-особенному боготворили. Снизу, похоже, пытались открыть дверь донжона. Присмотрелся. Там, футах в сорока, смутно просматривался хаос завала. По его прикидкам, он был выше двери.

– Бесплезная работа! Нужно на стену лезть.

Через пару часов импровизированные спасатели добрались до них. Ещё через час сумели снять с «гнезда». Навстречу бросилась растрёпанная Ритка. Похоже, сама пыталась откапывать донжон. И мать, и дочь тут же зарыдали. Обступившие люди наперебой предлагали помощь. Кто плащ протягивал, кто кувшин с водой. Замёрзшие и затёкшие от долгого сидения тела плохо слушались. Поэтому первым делом лорд отвёл своих девочек в уцелевшую баньку и хорошенько растёр кальвадосом. А потом ещё и внутрь немного определил. Сам же ограничился небольшой дозой лекарства и переоделся в тёплое. Нужно было спешить на шахту.

Увы! Худшие предположения оправдались. Из входного отверстия валил чёрный дым, а менее чем в полумиле из разверзшейся в земле ямы вырывались красные языки угольного пламени. Отважные шахтёры, искренне любившие свою подземную «кормилицу», уже организовали две живые цепочки с вёдрами от берега Чернушки и пытались хоть как-то залить огненный провал.

В лорду подбежал закопчённый старейшина гильдии, Мёрдок из Верея:

– Ваше сиятельство! Людям к огню подойти почти невозможно. Ничего не получается. Словно ад там разверзся.

– Вижу. Вёдрами не справиться.

Мёрдок с поистине детской надеждой смотрел на шерифа. Как и почти все в Союзе, он был уверен, что их ванландцы могут всё. А Коля лихорадочно перебирал варианты. Попробовать бочками? А как их подвезёшь? Лошади не пойдут. Реку попробовать отвести? Ага. Как? Вверх по склону? Голова приподнялась к остатку отрога, вдоль которого шла шахта. Если огонь нельзя залить, его можно засыпать. Перекрыть доступ кислорода. Взгляд стал более осмысленным. Так. Сейчас сама шахта является огромным поддувалом и создаёт тягу. Значит, нужно её заткнуть.

– Мёрдок, всех людей ко входу в шахту! Первым делом засыпать его землёй. И утрамбовать. Чтобы ни туда, ни оттуда ничего не просачивалось. Бегом!

Дело сдвинулось. Пока горняки возились с устьем шахты, ещё раз осмотрел нависающую скалу. Как и стены его многострадального замка, сейчас её всю покрывали свежие трещины. Ещё бы один удар, и можно было обрушить. Махнул ближнему кагэбэшнику и торопливо написал в его «записку» по-русски: «Нужен порох. Срочно. Много! Взорвать скалу» Оттиск печати, подпись.

– Стрелой к лорду Волку. Объяснишь ситуацию.

По мере закупорки устья шахты пламя в провале шло на убыль. Но дым валил по-прежнему. Вновь подошёл Мёрдок:

– Ваше сиятельство, теперь точно потухнет?

– К сожалению, нет, дружище. Так мы только интенсивность горения убавили. А теперь нужно саму огненную яму засыпать.

– Так туда же подойти невозможно. Истинное пекло.

– Не спеши. Попробуем. Пока вели организовать как можно больше бочек с водой на повозках. Вскоре может понадобиться.

Ободрённый старейшина рысью помчался к шахтёрам. Дело закипело. А к вечеру прибыли и шансоновцы с двумя плотно зашнурованными повозками. Феоктистов осмотрел место происшествия:

– А к скале пройти-то можно?

Оказалось, что нельзя. Камень уже нагрелся от подземного жара. Тут-то и пригодились бочки. Шахтёры пролили дорожку к основанию скалы, а затем под руководством лорда Волка начали бить в нём шурфы. Горняков приходилось часто менять, так как жар там не уступал хорошей парилке. Феоктистов стоял рядом с Зубровым и что-то быстро высчитывал в своей «записке»:

– Блин, скалы мы ещё не подрывали. Пороху маловато. Попробуем три бочонка... А, ладно! Пусть пять.

– А не много?

– Да фиг его знает! Говорю же, не экспериментировали. Если что, ещё семь в запасе остаётся. По результатам и увидим.

Закладку заряда произвёл сам, с помощью двух «огнемётчиков». Заполненный шурф тщательно забутовали, оставив лишь вход для пороховой дорожки, исполнявшей здесь роль запального шнура.

– Всем укрыться! – заорал лорд Волк и высек сноп искр из кресала. Яркий искрящийся огонь резво побежал по земле в сторону заряда. Шахтёры, как на грех, почти все, раскрыв рты, уставились на новое чудо.

– Ложись!!! – надрывались лорды и «огнемётчики». Но их никто не слушал. И лишь когда мощный взрыв поднял в воздух обломки скалы и густые клубы пыли, люди кинулись прочь. К сожалению, часть зашибло разлетающимися камнями. Но не это было главное. От взрыва часть земли возле провала осела вниз, и в эту воронку ссыпалась большая часть валунов и каменного крошева. Дым оттуда всё ещё валил, но уже разобшёнными струями.

– Пролить дорогу водой! Закапывать провал! – заорал Коля, и уцелевшие бросились исполнять приказание. Но лишь через два дня подземный пожар был полностью надёжно запечатан. Теперь оставалось ждать, пока там всё остынет, и лишь затем возобновлять добычу угля. Всего вторая трагедия на шахте унесла жизни одиннадцати человек. Ещё двадцать три получили ранения и ожоги различной степени тяжести.

* * *

6718 год от Сотворения Мира, 12 июля.

Вволю напарившись в баньке Гринеберга, друзья уселись в распахнутом предбаннике пить травяные взвары. По двору предусмотрительно никто не шастал. Уважали отдых владельцев. Но вообще-то зрелище было печальное.

– Блин, тут даже после нашего штурма приличнее было! – как-то невесело рассмеялся Феоктистов.

– Скажешь тоже. Там и делов-то оказалось – мусор убрать!

Оба замолчали, посасывая деревянные ложки с мёдом. Правда, на его запах уже подтягивались пчёлы. Но лорды хозяйственно не трогали крылатых работяг. Каждый думал о своём. В 6701 году война с карателями обошлась им дорого. Особенно прибрежный бой у Верея. Бароны и благородный Торин были здорово измяты в рубке, но кольчуги спасли от серьёзных повреждений. А вот остальным досталось. Из восьмидесяти двух человек в живых осталось тридцать девять, из которых двадцать пять ранено. Оказали первую помощь и послали за подмогой. Правда, радовало то, что справились аж с пятью кораблями, перевозившими двести пятьдесят карателей.

Вскоре с гринебергского поворота подтянулись и канантонцы с двумя сотнями новых воинов Шансона, которые управились с трофеями. Несколько бывших рабов щеголяли в полных доспехах карателей. Ещё почти три десятка имели вражеские топоры и шлемы. Благородный Волкул пояснил, что так он премировал тех, кто лично убил хотя бы одного врага. Причём, к последним относились и те, кто добывал обезоруженных пленников.

Раненых отправили в Шансон и занялись оприходованием новых трофеев. Все пять захваченных кораблей перевозили составные части осадных машин. Это подтолкнуло Феокти-

стова к мысли о штурме Гринеберга. Вражеская цитадель надоела уже, как назревший чирей. К тому же сил теперь было чуть ли не в десять раз больше, чем у заблокированных храмовников. Благородный Волкул чувствовал себя неловко от того, что за всю войну потерял всего одного галла. Да ещё пятеро его всадников получили ранения. А ведь будущие родственники, ценой своей крови спасли от рабства и Канантон. Поэтому он первым предложил свою помощь. Седой Торин тут же поддержал. Хотя с трудом выпрямил избитую спину.

Окончательно же решил вопрос подход отряда из Шансона, вместе с которым прибыл незнакомый суровый крестоносец. Сэр Уильям представил его как самого короля Ратибора Львиное Сердце! Похоже, монарший оруженосец уже оправдался перед своим сюзереном. Вольные владетели, за исключением Айвенго, тут же слегка задрали подбородки, показывая, что не склонят головы даже перед наместником императора. Но и тот не стал чваниться. Попри- ветствовал каждого кивком головы и попросил относиться как к равному им рыцарю. Это галлам понравилось. Лишь сэр Уильям смотрел на короля с каким-то немым обожанием.

Не откладывая дела в долгий ящик, перетащили трофеи и павших под стены Гринеберга. Наконец-то смогли отпустить «вольных стрелков», измаявшихся в блокаде. Впрочем, разбой-ники ещё остались на тризну по погибшим. Её устроили на руинах посада. Выяснилось, что Айвенго, во главе ста тридцати трёх человек, тоже затопил пять кораблей с двумя с половиною сотнями карателей. Но потерял лишь пять неопытных гладиаторов! (В плен его отряд тоже не стал никого брать). С тракта доставили двадцать шесть погибших. А всего огню предали тела семидесяти пяти воинов. Вот только валькирий на этот раз никто не увидел.

Король Ратибор оказался поистине находкой для разношёрстного войска. Вновь оказав-шись среди воинов, он словно помолодел. Даже аккуратная тёмно-русовая борода выглядела к месту. Только вот какая-то мудрая стариковская улыбка нет-нет да и возникала на загорелом волевом лице тридцатидвухлетнего монарха. У него, как и у князя Ратмира, были пронзитель-ные льдисто-голубые глаза, взгляд которых подстёгивал не хуже командного окрика.

По совету короля всех пеших воинов экипировали в доспехи карателей, от чего толпа сразу начала походить на древнеримскую когорту. Так же сир Ратибор научил союзников соби-рать и использовать трофейные палинтоны и «скорпионы». Благо в Трое получил хорошую практику работы с ними. Помог организовать проведение боевых тренировок личного состава. А когда под Гринеберг прибыл ещё и сэр Жан Дыб-Кальвадосский, со своим «копьём», в сбор-ном войске сложилось даже маленькое братство крестоносцев.

Вот только сэр Волк очень не хотел терять людей ещё и при штурме. Горечь за каж-дого павшего буквально грызла его. Поэтому он придумал свой сумасшедше-самоубийствен-ный план. Для начала, с помощью короля, организовал грамотную осаду Гринеберга. Затем, вместе с братцем Бьорном, отобрал из войска десятку особо ловких сорвиголов. В том числе и выздоравливающего Спартака. К тому времени гасконец уже женился на «непримиримой» Ольгерте, которую освободил из рабства своей отвагой. Да ещё и серебра им на свадьбу добыл. Но перед тем как увезти новобрачную к себе в горы, решил ещё немного повоевать у удачли-вого сэра Владимира.

За одним из поворотов Орна имелась маленькая скальная стенка, подобная той, на кото-рой стоял Гринеберг. Вот по ней сэр Волк и начал гонять своих «боевых альпинистов». Сначала они учились лазать лишь в холщовой одежде. Затем начали брать небольшой груз. Следова-тельно – верёвку, кинжал, меч или топор. А Борьн сразу начал тренироваться с «Ягереном». Под конец второго месяца тренировок уже уверенно лазили по скале в кожаных куртках-пле-тёнках, с оружием и бухтой верёвки. Да ещё и ночью.

Наконец, Феоктистов решил, что отряд «альпинистов» готов. Вечером 6 мая 6701 года согласовали порядок штурма. Король должен был командовать боем у ворот Гринеберга и кон-тролировать работу осадных машин. Сэр Гром возглавил атакующую пехоту, а бронированная конница галлов составила резерв. Они должны были ворваться в крепость после падения моста.

Ночью войска начали подъем по скальной дороге. С крепости выдвижение было мало заметно, от чего применение камнемёта с северной башни и баллисты с надвратной оказалось малоэффективным. К тому же воины шли рассредоточенно, прикрываясь щитами. Конники также поодиночке просочились наверх и до поры залегли вместе с конями. Наиболее заметным был лишь подъем и сбор осадных машин. На них-то тамплиеры и сосредоточили все свои залпы. Что бы снизить их эффективность, король начал выдвигать к стенам небольшие, постоянно меняющиеся отряды лучников. Эти выстрелы в темноте тоже не могли похвастать меткостью. Но зато нервировали и отвлекали обороняющихся.

Под прикрытием боя у ворот, «альпинисты» скрытно вскарабкались по скале и камням южной стены цитадели. Снизу их страховал ещё один отряд галльских лучников. Но всё обошлось. Первые поднявшиеся ликвидировали двух наблюдателей, оставленных сэром Боргом на «неприступном» участке. Затем верхолазы соединили все верёвки в две длинные, с помощью которых подняли с пляжа сначала свои шлемы и щиты, а затем ещё и лучников. Отряд сразу же превратился в полноценную штурмовую группу.

Как не хотелось сэру Волку разбивать её! Но пришлось, что бы одновременно атаковать боевые машины в северной и надвратной башнях. Без них-то и обычный штурм имел шансы на успех. Разделились. Ульфхеднар приобнял «родственника»:

– Бьорн, на тебе северная башня. Нужно заткнуть этот долбаный палинтон. Не подведи, братишка!

Они дружески стукнулись лбами. А затем Феоктистов дополнительно мазнул чело викинга пальцами, смоченными в своей крови (всё же ободрался на скальном подъёме). У того аж плечи распрямились:

– Я не подведу, брат!

Двумя ураганами промчались группы по практически не охранявшимся восточной и западной стенам. Ворвались в башни, перебили расчёты боевых машин. И даже сумели открыть крепостные ворота. Измаявшиеся галлы и пехота бросились внутрь. После короткого жаркого боя, Гринеберг пал. Подавляющий перевес – он и в Африке подавляющий перевес.

За пленение самого сэра Борга де Гринеберг король установил денежное вознаграждение – десять экю за живого, и три за мёртвого. Но хитрый настоятель, с ещё двумя храмовниками, успели укрыться в донжоне. Там, в верхней комнате, служившей Боргу спальней, содержалась и рабыня Эммилия. Бой на стенах и в переходах замка уже завершился, когда стало ясно, что кто-то заперся в центральной башне. Для крестоносцев ситуация привычная. Король тут же выдвинул к донжону и на окружающие стены лучников, с задачей «загасить» бойницы внутренней цитадели. Так что выстрелов оттуда можно было не опасаться. А вот со взятием башен всегда возникали проблемы. Впрочем, подтянувшиеся остатки «альпинистов» помогли решить затруднение.

Сэр Волк с новой колющей раной в боку и порезами на всех конечностях в верхолазы уже не годился. Но Бьорн и ещё двое сорви-голов были в порядке. Их и решили использовать. Деревянная дверь башни располагалась на высоте около двадцати пяти – тридцати футов, а обрушенные мостки валялись внизу. Но вместо того, что бы их восстановить, во двор вкатили «скорпион». Двое альпинистов полезли прямо по каменной стене. А Феоктистов с Бьорном занялись огромной стрелой баллисты.

Вырезали кольцевой дол в окончании и накрепко привязали к нему свою проверенную верёвку. Свободные концы аккуратно сложили кольцами впереди. Верхолазы уже заняли позиции с обеих сторон двери. Король лично шарахнул из «скорпиона». Как и ожидалось, стрела пробила дерево и застряла в дверном полотне. Вот только от её удара упали и оба бойца. Но рефлекторно оттолкнулись ногами и напрыгнули на стрелу. К счастью, та выдержала, и альпинисты вернулись на стену. А четверо конных галлов взялись за верёвку и в дружном разгоне

выдернули дверь из башни. Вместе с косяком. Бойцы скрылись внутри, и вскоре там послышались звуки рубки.

Тут распахнулось верхнее окно донжона. Стрелки не замедлили нацеливать его смертоносными «гостинцами», но человек успел скрыться.

– Брат! – заорал Бьорн. – Давай в окно шарахнем!

Начали оборудовать верёвкой вторую стрелу.

– Нужно задрать нос «скорпиона»! – уточнил король. Феоктистов призывно махнул рукой и к ним подбежали пехотинцы. Зарядили. Взялись за баллисту с двух сторон и на руках подняли за переднюю часть. Сир Ратибор тщательно выцеливал:

– Левее. Ещё. Выше. Да куда задрали! Чуть правее...

Бу-у-умс! Сработали торсионы, и стрела пошла вверх. Чиркнула по камню подоконника и гулко бумкнула внутри. Похоже, впилась в потолок. Но не успел Бьорн начать подъем, как из башни выпрыгнула гибкая фигурка и заскользила по верёвке вниз. Бросились, поймали. Думали, настоятель. Оказалось – девушка! Красивая. Хорошо, хоть сразу топором не приложили.

– Эммилия! – бросился к ней сэр Гром. Раскидал пехотинцев, стиснул в объятиях. Та несмело ответила, пачкая рыцарский плащ кровью с содранных ладоней. А викинг уже споро лез вверх по той же верёвке. Беспрепятственно скрылся внутри. Вскоре из башни донёсся его боевой рёв. Что-то загремело, затрещало. Потом всё стихло.

Оказалось, Эммилия замкнула дверь комнаты, и тамплиеры не смогли в неё попасть. Поэтому бились с «альпинистами» на лестнице. Там-то на них сверху и обрушился викинг со своим «Ягереном». Всех трёх взяли переломанными, но живыми. Бьорн честно заработал королевские десять экю. А сир Ратибор получил неопровержимые доказательства предательства, совершённого братом.

Глава 9

6718 год от Сотворения Мира, 12 июля

– А слабо тебе как тогда, по южной стене залезть? – прервал молчание лорд Николай. Володька шутливо «чокнулся» с ним глиняным стаканчиком:

– Да фиг его знает! Сами же скалу потом стёсывали. Может и не слабо, если «дворником» не махать.

Зубров непроизвольно улыбнулся. Он стал хозяином Гринеберга уже через день после захвата. Соответственно вскоре озаботился и тем, чтобы уже к нему не влезли какие-нибудь ушлые «боевые альпинисты». Для начала южную стену начали регулярно обметать, сбрасывая с угловой башни железный шар, крепившийся к середине укрепления на прочной цепи. За характерные маховые движения, сходные с очисткой лобового стекла автомобиля, Володька окрестил его «дворником». А через год дополнительно и скалу выровняли, придав ей небольшой отрицательный уклон. Теперь забраться там можно было только со специальным альпинистским снаряжением. Которое, к счастью, в Митгарде пока не делали. Но на всякий случай каждую ночь южную стену ещё и обметали железным «дворником».

8 мая 6701 года, пока союзники увлечённо грабили бывшую резиденцию галльских принцев, крестоносцы провели допрос сэра Борга. С применением дыбы и калёного железа. Благо тамплиеры оборудовали отличную пыточную. После этого на когда-то грозного Лиса Побережья было жалко смотреть. Но, желая ещё больше унижить предателя, король приказал бросить его к своим ногам. А боевому побратиму, сэру Грому, опуститься на одно колено, встав прямо на грудь бывшего настоятеля:

– Готов принести вассальную присягу?

Очевидно, король хорошо помнил ответ Феоктистова на попытку что-то напрямую командовать воинам Шансона: «Вассал моего вассала – не мой вассал!» В растерянности Коля лишь кивнул. А сир Ратибор Львиное Сердце, не мешкая, достал меч и легонько коснулся боковиной лезвия обоих его плеч:

– Доблестный сэр Кальвадосский Гром, барон де Шансон! Данной мне властью дарую тебе титул шерифа королевства Норман, земли вотчины Гринеберг и этот замок. Сила Империи с нами! Встань же, королевский шериф де Гринеберг!

И только тут до Зуброва дошло. Он невероятно повышал свой статус, но теперь становился личным вассалом короля! Со всеми вытекающими. Тут же вспомнились схватки с готами, когда вдвоём с Володькой утраивали свои силы.

– Ваше Величество! – Николай не смел подняться с колена. – Я не могу принять эту честь. Мы всё должны делать вместе с сэром Кальвадосским Волком!

Бровь сира Ратибора удивлённо приподнялась:

– Вместе?

Нашёл глазами в окружающей толпе свежезабинтованного Ульфхеднара:

– Готов стать вассалом короля Нормана?

Тот молча подошёл и, слегка покряхтывая, тоже уместил колено на тамплиере. Меч сира Ратибора коснулся и его плеч:

– Доблестный сэр Кальвадосский Волк, барон де Шансон! Данной мне властью дарую тебе титул шерифа королевства Норман, земли и замок вотчины Шансон. Сила Империи с нами. Встань же, королевский шериф де Шансон!

Оба новоиспечённых вассала поднялись. Кажется, этот «рубаша-парень» сумел использовать их в своих целях. Ведь теперь у короля Ратибора появилось личное рыцарское войско. А Феоктистов думал уже именно в этом ключе:

– Мой король! Фалез является надёжным союзником принца Жана. К тому же, плотно перекрывает имперский тракт. Может, стоит сначала тамошнего шерифа навестить?

– Предлагаешь сначала штурмовать Фалез?

– Не обязательно! Но добиться безопасности с той стороны, безусловно, необходимо. К тому же, это по пути домой нашим галльским друзьям. Мне почему-то кажется, что сейчас они не пойдут с вами на Кангард.

– Если ты скажешь, брат, я пойду! – чуть выступил вперёд благородный Торин. Король отвесил ему церемониальный признательный поклон:

– Друзья мои, нет никакой спешки! Помнится, вы же собрались по случаю бракосочетания сэра Уильяма Аржантанского с дочерью благородного Волкула?

Айвенго растеряно кивнул. А сир Ратибор победно улыбнулся:

– Предлагаю после решения вопроса с Фалезом там и сыграть свадьбу. И, если не ошибаюсь, мой новый шериф де Гринеберг тоже спас здесь свою даму сердца? Сыграем сразу две свадьбы! И сам король будет посажённым отцом.

Вольных галлов монарший хитрец тоже сумел расположить к себе. И получил возможность задействовать их опытную бронированную конницу.

* * *

6718 год от Сотворения Мира, 12 июля

После бани лорды внимательно осмотрели все стены и постройки Гринеберга. В принципе, ремонта требовали только каменные строения. Но два сотрясения подряд развалили многие основные узлы. Зубров раздосадовано стукнул в стену:

– Блин, цемента здесь нет! Если бы эти валуны скрепляли, а не просто притёрли!

– Если бы, да кабы – во рту росли грибы. Нету у нас цемента! И сделать не из чего. Слышал, что в Та-Кемете из «философского камня» огромные дворцы и храмы строят. Но его секрет лишь тамошним жрецам и введом.

– Что ещё за «философский камень»?

– Думаю, как раз что-то вроде нашего цемента. Когда из обычных, вроде бы, компонентов валун нужной формы получается. Философский – это от слова «философия», работа мысли. То есть камень, созданный человеческим знанием. Помнишь затычку акведука в Йоросе?

– Н-да! Умные ребяташки в Та-Кемете живут!

– Ну, не дураки. Это точно.

Оба замолчали. Вспомнили, что сейчас «ребятышки» активно интересовались ими самими. Первым заговорил Зубров:

– Что-то там «колдуны» наши очень уж рьяно за шахтёров взялись. Неужели думают, что те сами свою шахту взорвали?

– Да уже не думают. Знают.

– Что-о?!

– В общем, такая фигня. Ночью в шахту проник вольный Лонгрен из Тулузы. Бывший раб, недавно освобождённый за стахановскую выработку.

Зубров кивнул. Помнил такого.

– Только его тело кагэбэшники не обнаружили после проверки всех шахтёров. И живых, и мёртвых. По ходу, так в горящей шахте и сгинул.

– Да зачем это ему?

– В том-то и дело, что не ему! Оказывается, возле шахтёров уже с полгода некий купчишка вертелся, Моисей из Кангарда. Внешне похож на хазарина. То продукты по дешёвке привозил диковинные, то мелочёвку всякую для дома. Но не это главное. Так-то торгового люда там много толчётся. Вольные горняки народ далеко не бедный. Самое интересное, что очень этого Мойшу горные выработки интересовали. Сначала образцы торфа тайно скупал. Причём платил чистым серебром. Затем то к одному, то к другому вольнику с шахты начал

подкатывать. Просил кусочки «черного камня» из разных частей забоя продать, да объяснить, зачем они нам с тобой нужны. Несколько опрошенных горняков сознались, что приносили ему образцы. Ведь за каждый кусок угля Мойша платил аж по два деннария. Вот только добывали они их не ночью, тайком, как тот просил. Да ещё и лампу при этом бесплатно выдавал. Уголёк они подбирали днём, во время работ. В забое же всё равно темно, и никто не видит, что ты конкретно делаешь. А вот простачок Лонгрэн, похоже, решил точно исполнить инструкцию. И неумышленно подорвал шахту.

– Что-то уж больно хитро.

– Да? Вот, полюбуйся! – лорд Волк извлёк из сумки отдельную «записку». На её воске с большим, нужно признать старанием, кто-то нарисовал карикатурный портрет бровастого человека с большими пышными бакенбардами. Видно было, что каждая часть нарисованного лица сначала многократно затиралась художником.

– Это что за восковая живопись?

– Не узнаёшь? Наш же с тобой «фоторобот». Только мы так облик Пиренейского дракона пытались выяснить, а вот кагэбэшники – «морду лица» Моисея из Кангарда.

Николай всмотрелся. Потом взял «записку», отнёс от себя подальше и начал внимательно разглядывать с разных углов.

– Что, знакомая рожа?

– Да вроде того... Если вот вместо бакенбард бородку изобразить, похож на... Блин, как же его... А! Эрходур из Дамаска. Мы у этого купчишки несколько лет назад образцы восточного оружия пытались купить. В том числе хваленые дамасские сабли.

– Помню. Про сделку. А ты что же, всех своих продавцов на память помнишь?

– Ну, всех не всех, но многих. Тут же от личных отношений многое зависит.

Феоктистов заинтересовался:

– Так-так-так! И что же это там за Эрходурчик такой ещё нарисовался?

– Мне он не понравился. Не то чтобы пытался дела нечестно вести, а вот какое-то ощущение гадливости от общения с ним постоянно возникало. Оружие, кстати, оказалось не самым лучшим. Несколько клинков, мы помнится, при нём пополам разрубили и заставили деньги вернуть.

– И что дальше?

– Вроде, к себе в Дамаск морем ушёл. Я его больше не встречал.

– Знаешь, что интересно? – ноздри у Феоктистова начали хищно подрагивать. – А ведь и почти все шахтёры, что с этим Моисеем общались, отмечали некую неприятность общения. Отчего и просьбочки его гадские выполнять не спешили. Там у нас сквайр Зоррен Дорингем расследование ведёт. Перечислишь ему, кто ещё с этим Эрходуром из наших общался?

– Конечно. А знаешь что? Вы эту мордочку остальным торгашам покажите, кто с нашей шахты кормится. Они народ глазастый, да и с памятью дружат. Единственно, денежку могут запросить за подробные воспоминания.

– Ну, это уж как водится! – видно было, что Феоктистов уже весь находился во власти охватившего его охотничьего азарта.

* * *

21 мая 6701 года от Сотворения Мира друзья официально создали свой «Союз Свободных графств». Полученные королевские титулы просто требовали какого-то юридического решения. Да и сам сир Ратибор нет-нет да и поглядывал лукаво. Как вы теперь-то «вместе» управитесь? Управились. Благо в памяти был собственный Союз Советских Социалистических Республик. Официально принесли друг другу тут же придуманные клятвы и распределили обязанности в сильно расширившемся хозяйстве. Оба галльских владетеля подтвердили свою верность в качестве союзников уже ССГ.

Так что к Фалезу вновь подходило единое войско будущих родственников, возглавлял которое сам король. Семь рыцарей, три сотни бронированной пехоты, осадные машины и почти семь десятков кавалеристов. Внешне это выглядело как очень грозная сила. Но шериф мог просто отсидеться за городскими стенами, ведь Фалез имел мощный гарнизон. Однако опытный Львиное Сердце при подготовке к штурму Гринеберга не зря встречался с Робин Гудом и его стрелками. Главарию разбойников он вернул титул шевалье д'Худа, с перспективой стать бароном (после возвращения родового владения атамана под скипетр Ратибора). А лесная банда беглых рабов в одночасье превратилась в «отряд королевской разведки». Вот они-то и срабатывали.

Бывшие разбойники заранее проникли в Фалез и распространили там кучу слухов – один страшнее другого. Причём, почти все правдивые. Люди заговорили и про предательство короля, совершённое родным братом вместе с вероломными храмовниками, и про встречу Львиного Сердца преданными ему вольными галлами и непобедимыми Кальвадосскими рыцарями, вместе с которыми самодержец взял мятежную прецепторию Гринеберг. Но главная новость заключалась в том, что сир Ратибор уже взял живьём одного из предателей, и теперь шёл воздать справедливую кару всем его приспешникам. А в качестве первого кандидата на эту малопочётную роль почему-то ненавязчиво фигурировал сам шериф Фалеза.

Поэтому к подходу королевского войска накал страстей в городе уже достиг апогея. Никто не хотел умирать из-за «предательства» графа. В том числе не было единства и среди воинов гарнизона. Армия сира Ратибора подошла, демонстративно побрякивая оружием, блокировала входы-выходы из города и выстроилась перед главными воротами Фалеза железной когортой. Затем сам Львиное Сердце картинно подъехал и зычным «командным» голосом потребовал шерифа на суд. Тот ожидаемо не вышел, а ответил со стены. В том смысле, что нет на нём никакой вины. Король оглушительно захохотал:

– Так что же ты тогда трусливо прячешься от меня?!

Если обвинение в трусости и задело графа, то не настолько чтобы открылись городские ворота. Тем временем на стенах появлялось всё больше простого народа. Люди хотели знать, чем всё закончится, и будет ли штурм. Вид сверкающей когорты как-то не вселял оптимизма.

После небольшого препирательства авторитет Фалезского владетеля был полностью уничтожен. Уже никто не сомневался в его вине. Но тут король предложил упряму не губить его любимых подданных в своём глупом упорстве, а лично оправдаться Божьим судом. То есть выйти на смертельный поединок. Один на один. Победитель такого признавался безусловно правым, так как считалось, что невиновному должен помочь сам Единый.

Ответа долго не было. А Львиное Сердце уже откровенно забавлялся:

– Эй, трусишка! Со мной биться ты недостоин. Но есть у меня один молодой шерифчик. Попробуй хотя бы с ним! С Божьей помощью ты даже его не одолеешь!

Вперёд выступил лорд Кальвадосский Волк. В принципе, обожжённое лицо не позволяло его узнать. Но он ещё и одел самую неприязательную куртку-плетёнку, с предусмотрительно поддетой кольчужгой, и ношенный плащ. В руке солдатский щит, на голове «древнеримский» шлем командира карателей. Сверкающий меч Бьорна до поры скрывался в ножнах.

– Это ещё кто такой? – наконец соизволил ответить владетель Фалеза.

– Я лорд Ульфхеднар, шериф Союза Свободных графств!

Какое-то движение началось в городе. Примерно так же, как в не желавшем сражаться Андрезе. Но результат был другим:

– Я принимаю вызов на Божий суд!

Ворота открылись, показался отряд кольчужников. Им навстречу двинулась королевская когорта. Увы, не смотря на все проведённые тренировки, шагали бывшие рабы не так уверенно и слитно, как опытные воины Фалеза. Отряды сомкнулись и молча образовали вокруг Феоктистова бронированное ристалище. Наконец, вышел сам шериф. Его кольчуга была почти

сплошь закрыта железными накладными пластинами с дорогой золотой гравировкой. Рыцарский шлем полностью скрывал голову. Маленький литой щит, как своеобразное украшение, жёстко закреплён на левом наручье. А в обеих руках граф держал металлическую секиру, с двумя острым навершиями и небольшим металлическим зубом в нижней части рукояти. Таким оружием можно было успешно драться с обоих концов. Причём, как рубить, так и колоть. К тому же шериф был опытным тренированным бойцом.

– Да начнётся Божий суд!

Граф бросился на спокойно стоящего Ульфхеднара. Почти в последний момент тот плавно скользнул вниз, одновременно извлекая меч. Пропустил боковой удар над собой и мощным встречным рубанул на противоходе. Крак! Разлетелась перебитая пополам рукоять, вместе с отсечённой кистью. Шериф лишь вскрикнул и в запале бросился вперёд с остатком секиры. В новом неожиданном приседе Феоктистов ударил уже в ногу. Крепость и острота доставшего клинка неведомого «силача подземелья» превосходила все мыслимые пределы. А в сочетании с точными ударами храбра вообще представляла что-то страшное. Затем Ульфхеднар просто стоял и ждал, пока поверженный граф не умрёт от потери крови. Чистая победа. Фалез был лишён статуса шерифского города. Зато остался цел. Его и все графские владения король жаловал Феоктистову, и они тут же вошли в состав ССГ.

В городе армия задержалась. Как и было обещано, сыграли и широко отметили сразу две свадьбы – детей галльских владетелей, а также лорда де Гринеберга с «вольной девой» Эммилией. За эти недели Феоктистов, как новый шериф, старался решить две взаимоисключающие задачи: усилить королевскую армию и гарнизоны Союза. Прежде всего, он забрал сюзерену полусотню конных и сотню пеших кольчужников Фалеза. Ещё по две десятки, вместе с таким же количеством недавних гладиаторов, отправил на усиление Шансона и Гринеберга. В армию забрали и большую часть членов гильдии охраны лавок и постоялых дворов, а также всех городских стражников, которые при прежнем графе, в основном, выполняли полицейские функции. С их командиром, двадцатичетырёхлетним шевалье д'Гисборном, новый лорд беседовал долго и обстоятельно.

Прежде всего, боевой и толковый помощник шерифа ему понравился. Город и окрестности тот знал как свои пять пальцев, а борьбой с различной преступностью занимался почти семь лет. Жалко было терять такого специалиста. Не смотря на разницу в возрасте, Феоктистов чувствовал себя чуть старше шевалье. Не зря же в его мире участие в боях военным шло как день за три. Вот и он прожил местные четыре года как дюжину обычных. Причём, д'Гисборн примерно так же относился к молодому шерифу. Тем более, был полностью в его власти. Ведь обычно такие смены владетеля заканчивались показательными казнями. Но шевалье всё ещё нёс свою службу:

– Ваше сиятельство! Нельзя стражу из города убирать. Вы не представляете, что здесь начнётся, когда войска уйдут!

– Почему же, очень даже хорошо представляю. С вашими питомцами, что де Гринебергу отдали, довольно плотно познакомиться пришлось. Насмотрелся.

д'Гисборн опустил голову, и щёки слегка покраснели от стыда. Он ведь против был, чтобы с таким трудом пойманных преступников тамплиеры забрали. Но – не стал возражать графу. Понадеялся, что храмовники их просто казнят. А оно вон как обернулось.

– Ладно, не кисни! Есть одна идея. Но тут твоя помощь нужна.

– Я готов, ваше сиятельство! – шевалье произвольно развернул плечи.

– Торжества свадебные у нас через три дня начнутся. Так вот надо, чтобы ни одна сволочь их не омрачила.

д'Гисборн внимательно слушал. Кажется, назревало что-то грандиозное.

– Ты же в лесах устраивал облавы?

– На волков?

– Ага. Двухногих.

– Много раз, ваше сиятельство. Вот только вы у нас тогда выскользнули.

– Ну, в том твоей вины нет. Скорее уж покойный барон де Шансон лажанулся. Но опыт и из того боя вынести нужно! Сейчас мы всей королевской армией проведём облаву в Фалезе. С четырёх сторон прочешем его весь...

– Извините, шериф! – не выдержал шевалье. – Так слишком много людей придётся задействовать. Мы не сможем выделить резерв и группы конвоирования.

– Так, стоп! С этого момента поподробнее...

В итоге разработали классическую спецоперацию «Молот и Наковальня». В качестве ограждающего периметра использовались стены города, с небольшим количеством воинов. Мощную «Наковальню» из бывших членов стражи и гарнизона выставили у восточных ворот, недалеко от графской тюрьмы. Она же послужила и местом фильтрации задержанных. В качестве «Молота» пошли три сотни бойцов феоктистовской «Стаи». А ко всему привычные галлы сработали за конвой и подвижный резерв. В итоге всех живых, имевшихся из Фалезе, а это чуть более трёх тысяч человек, не считая детей, выгнали к «Наковальне».

Тех, кто не хотел идти, а тем более сопротивлялся, глушили палицами и везли в тюрьму. Остальные выдвигались сами и проходили через проверку стражников. Признанных не опасными выпускали из города и велели ждать сигнала, по которому можно будет вернуться домой. Сомнительных же более тщательно проверяли уже в тюрьме. Для опознания представителей устойчивого криминала шевалье даже задействовал несколько своих тайных осведомителей. Их замаскировали под воинов «Наковальни». В результате облавы арестовали пятьдесят одну проститутку, сорок семь профессиональных воров и четырнадцать грабителей, трёх скрывавшихся разбойников и двух наёмных убийц. Выявили шестьдесят три беглых, из которых сорок девять были рабами, трёх прокажённых и ещё семнадцать человек с какими-то сомнительными, но явно опасными заболеваниями. А также отобрали свыше пяти сотен крепких мужчин, подходивших для королевской армии.

Сказать, что город ужаснулся, значит не сказать ничего. Всё чувствовали, что их словно вывернули наизнанку. Но это было лучше, чем пострадать от штурма и последующего разграбления. Лишь возможные рекруты почти поголовно взмолились не забирать их в солдаты. В большей массе это были ремесленники и купцы с устоявшимся бизнесом, члены иных гильдий и просто главы крепких многодетных семейств. Правда, сорок восемь человек не возражали против службы королю либо шерифу. Их вооружили и задействовали в обеспечении безопасности свадебных церемоний. Остальным позволили откупиться. На собранные деньги, а также на принудительный взнос городского церковного прихода «на восстановление трона помазанника Божия сира Ратибора» Феоктистов смог нанять ещё двести двенадцать «одноразовых» бойцов для похода на Кангард. Учёл опыт покойного приора «гневников», который привёл целое войско наёмников под стены Шансона.

ДГисборна лорд Ульфхеднар оставил в прежнем качестве – своего помощника. Для этого позволил набрать новую шерифскую стражу из оставшихся гильдейских охранников, а также подходящих юношей ближних деревень. А уже перед самым отбытием в столицу повторил жест короля:

– Шевалье, у меня в Шансоне есть рыцарская вотчина Гретевил. Правда, сейчас она полностью разорена бандами храмовников. Но позволяет жаловать землю своему вассалу. Готов ли ты принести мне вассальную присягу?

– Да, шериф!

– В таком случае, любезный Гаий, горячо молись сегодня ночью. Весь Фалезский собор к твоим услугам. Завтра посвящу тебя в рыцари.

Утром новоиспечённый сэра де Гретевил сопровождал сюзерена до самого Шансона. Теперь ему предстояло помогать лорду Волку поддерживать порядок ещё и там. А также спо-

собствовать скорейшему превращению в полноценный графский город. Заодно он хотел попытаться организовать и засеив пахотных земель своего Гретевила. Благо до Троицы ещё оставалось немного времени.

К Кангарду король Ратибор Львиное Сердце подошёл уже во главе войска из почти семисот пятидесяти пехотинцев и ста двадцати пяти всадников. После уничтожения отрядов карателей противопоставить им принц уже практически ничего не мог. К тому же молва о победоносном возвращении законного короля летела по Норману. Воинам монарха осталось лишь победно вступить в радушно распахнутые и украшенные цветами ворота столицы и насладиться ликованием толпы. Никто не оказывал сопротивления, все заверяли в любви и верноподданности. Лишь во дворце выяснилось, что принц Жан, а также начальник его тайной стражи предпочли незаметно скрыться.

Вскоре выяснилось, что де Крюсьен сделал правильные выводы из поражения своих карателей. Дом Матильды Гарм был сожжён, а на его пепелище соседи нашли два сильно обгоревших трупа – мужчины и женщины. Из Бриньи пришла весть, что кто-то вырезал всю семью мельника Макэра. А его самого распял и замучил до смерти на дверях собственной мельницы.

Правда, чуть позже оказалось, что вся шпионская сеть Шансона уцелела. Сама Матильда, находившаяся к тому времени на поздних сроках беременности, покинула Кангард сразу за карателями. Лишь забрала обещанную плату в виде двух фунтов золота (их Джонни заранее заложил в тайник, местонахождение которого раскрыл ей после выполнения задания). Шпионка выехала под видом своей служанки, вместе с её полуживым мужем Мидлтоном. А 24 мая 6701 года, под присмотром «бабушки Линде», родила крепкого здорового мальчика, Людомира. Настоящая же Лизетта к тому времени занималась реализацией через не совсем законопослушных ювелиров серебра из трофейного оружия «гневников», и не хотела бросать новый доходный промысел. Но догадалась скрыться из поля зрения тайной стражи. В доме посланцы маркиза нашли и замучили лишь ни в чём не повинных квартирантов, которых поселили для присмотра за особняком.

Джонни сбросил колдовскую личину «мельника Макэра» и устроился вольным каменотёсом в порт. Где мирно трудился до возвращения командира. Именно из его наблюдений сделали вывод о возможном бегстве людей принца на кораблях алеманов, которые неожиданно снялись со швартовых за день до прихода короля. Вскоре и Лизетта вернулась в Шансон, наладив успешный канал ювелирной торговли.

* * *

6718 год от Сотворения Мира, июль

Идея показать «фоторобот» торговцам оказалась плодотворной. Выяснилось, что некоторые знали разыскиваемого Моисея из Кангарда как «Эрходура из Дамаска», другие как «Гонсало из Кордовы». Но все сходились в одном – если тот и жил в Кангарде, то не в своём доме. К тому же к столичной гильдии не принадлежал и какого-либо постоянного и серьёзного бизнеса не имел. Уж настолько-то о делах коллег купцы были наслышаны.

Удача пришла на третий день, когда «колдуны графской безопасности» взялись за поставщиков продуктов. Обычно Союз закупал в южных и восточных феодах зерновые, так как в его климате выгоднее было выращивать лишь яблоки, орешник, да культивировать огороды. Чаще всего торговали с Соулом. Вот тамошний купец и сказал, что нарисованный похож на коробейника Гонсало, что уже второй год проживает при мельнице Бриньи. Пояснил, что тот частенько бывает с деревенским ширпотребом на рынке Соула. Это была первая относительно точная информация.

В Бриньи немедленно выдвинулась группа захвата, но Гонсало там не застала. «Колдуны» лишь тщательно обыскали его квартиру. Мельник не препятствовал, так как с воинами Союза предпочитали не связываться. В результате нашли много мелких занятных вещиц из южных фемов Империи и несколько кусочков каменного угля, завязанных в неприметном холщовом

мешочке. С учётом того, что никуда на сторону «чёрный камень» из ССГ не продавали, это могло быть доказательством.

Хозяин пояснил своим страшным визитёрам, что квартирант с утра уехал с его работниками в Соул. Те повезли муку, а Гонсало свой переносной лоток. Поэтому в Бриньи решили оставить небольшую засаду, а сами поскакали вслед. Однако в дороге встретились с солдатами местного барона. Они категорически отказались пропустить кагэбэшников дальше и потребовали вернуться в свой Союз графств.

Сквайр Зоррен не стал спорить. Приказал надеть на стрелы железные «башмачки», а затем все «колдуны» дали залп. Арбалеты-то у них были уже взведены. Широкие насадки на болты не дали тем пробить тела воинов. Но с коней посшибали не хуже рыцарских копий. Побитых местных обезоружили, связали и, вновь усадив на коней, повезли с собой в поводу. Но пока возились, начало темнеть. Уже в сумерках встретили возвращавшуюся повозку с работниками мельницы. Те рассказали, что Гонсало покинул их у рынка Соула. Сказал, что к вечеру вернется, но до заката так и не пришёл.

Упорный сквайр продолжил движение. Именем лорда Кальвадосского Волка поднял с постели самого барона де Соул. Сначала дипломатично вручил свой изящный дамасский кинжал в посеребрённых ножнах, якобы переданный в дар «доброму соседу» шерифом де Шансон. А затем попросил помощи в поисках преступника. Барон полюбовался подарком и распорядился выделить «колдунам» людей. Даже пообещал, что утром лично присоединится к забавам дорогих гостей.

На следующий день прошерстили Соул. «Фоторобот» показывали почти всем, кто торговал на рынке или посещал его. Вспомнивших искомого лоточника набралось почти два десятка. Но лишь двое описали лицо и одежду так, как работники мельницы. Причём, оба утверждали, что торговец встретился с каким-то невзрачным человеком и ушёл с ним в направлении северной заставы. Установили, кто там дежурил вчера, и показали «фоторобот» стражникам. Один вспомнил похожего лоточника. Но утверждал, что через заставу тот прошёл в одиночестве.

Пятерых кагэбэшников на свежих конях сквайр послал по дороге, с задачей догнать и задержать разыскиваемого. А сам вернулся к барону. Тот радушно угостил посланцев «добротного соседа», организовав целую пирушку. На расспросы о злодеяниях разыскиваемого, Зоррен ответил сущую правду – «злоумышлял убить лордов и их домочадцев с помощью различных ухищрений». Барон проникся и предложил пустить по следу таинственного Моисея-Гонсало охотничьих собак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.